



АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Приокские зори

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ



4

2013

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**



**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**



**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

Приокские зори

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ
ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2013 — 4(33)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	
«Герой нашего времени» в оцифрованном человеинике.....	3
К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КЛАССИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА	
ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ШМЕЛЕВА	
Последний певец Руси ушедшей.....	14
Иван Шмелев. Именины (из «Лета Господня»).....	16
ПОВЕСТЬ	
Яков Шафран. Детство.....	31
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ	
Николай Макаров. Размышление о моральных.....	36
Андрей Шендаков. Переполненная чаша.....	40
Том Нойер. Кельнер.....	48
Алексей Яшин. Новые мытари.....	61
Рудольф Артамонов. Пасьянс.....	72
Кира Крестьянкина. Пришло время (сказка).....	76
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ	
Игорь Лукьянов. Слово о полку Игореве (поэтическое переложение).....	80
Наталья Квасникова. Повесть о жизни.....	96
Владимир Резцов. Песня о Гришке Отрепьеве (поэма).....	102
Евгений Артюхов. Стихотворения.....	110
Олег Пантюхин. <i>Personalia</i>	114
РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	
Владимир Лазарев. Егор Таланов, тульский мастер	
(Были тульской старины — повесть в стихах).....	118
Игорь Карлов. В ожидании суда.....	142
ПУБЛИЦИСТИКА	
Александр Степанов. Советские воины выполнили в Афганистане поставленные боевые задачи с достоинством и честью.....	152

ПЕРСОНАЛИИ ТУЛЬСКИЙ ПИСАТЕЛЕЙ

Сергей Крестьянкин. У этих книг долгая жизнь (55 лет на литературном посту).....	157
Алексей Яшин. Мудрое время творить (к 70-летию Александра Хадарцева).....	161
Александр Хадарцев. <i>Personalia</i>	165
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Материалы всероссийской и международной дискуссии «Не хватит ли «сбрасывать Пушкина с корабля истории»? (Что нам следует взять из русской литературы советского периода): От редакции, Сергей Прохоров, Александр Миронов, Игорь Карлов, Сергей Лебедев, Рудольф Артамонов, Вадимир Трусов, Яков Шафран, Татьяна Рогожина, Вячеслав Алтунин, Ольга Шаховская-Пономарева, Иосиф Рухович.....	171
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	213

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются.

Вниманию читателей: журнал распространяется бесплатно по библиотечной сети.

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)35-06-73

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула)
Зам. главного редактора Наталья КВАСНИКОВА (Москва)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Вячеслав БОТЬ (Тула)
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель
Правления Союза писателей России
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом
критики и литературоведения
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом
литературы Поволжья
Геннадий МАРКИН (Щекино) — отв. секретарь
Игорь НЕХАМЕС (Москва)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Наталья ПАРЫГИНА (Тула)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав.
отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Калининград) — зав. отделом
поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор
Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), президент
Академии российской литературы

Зав. редакцией Яков ШАФРАН (Тула)
Секретарь редакции Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Латвия)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Подъем» (Воронеж)
— «Литературная газета»
— газета «Российский писатель»
— газета «Щекинский вестник»
— газета «Слобода» (Тула)
— газета «Тюльская правда»
— газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается попечительством Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульской писательской организации Союза писателей России.

Учредитель: ООО Издательство «Неография». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009 Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.pz.tula.ru (в PDF формате)
См. также на сайте «Русское поле»: priokskie.ruspole.info

© «Приокские зори», 2013

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В ОЦИФРОВАННОМ ЧЕЛОВЕЙНИКЕ

То ли год уходящий на чертову дюжину заканчивается, а скорее всего «допекло» в размышлениях о современном литературном процессе, но все «Колонки» 2013-го получились мрачноватыми. Не исключением будет и эта. «Такова жизнь», — в переводе с французского...

Речь пойдет о реально наблюдаемом, разумом и душой, едва ли не поджилками, ощущаемом процессе всемирного управления «переходом от слов к цифре». Понятно, почему в кавычках: из повседневной телерекламы. Более научное название процесса: переход от аналогового к цифровому (компьютерному) мышлению как безликой масс-медиа, так и, увы, людей мыслящих, тем паче — художественно творящих, литераторов в первую очередь.

Казалось бы, какая связь между «героем нашего времени» (кавычки — от Лермонтова, но далее их опускаем, понимая, о чем идет речь), в частности литературным интегро-дифференцированным героем современности, и оцифровыванием человеиника. Напомним даже многознающему читателю, что «человеиник» — великолепный термин нашего выдающегося ученого А. А. Зиновьева: по грамматической аналогии с пчельником, муравейником, термитником. Ибо в эпоху активно-агрессивного развертывающегося ныне глобализма человек оттесняется от роли личности и становится безликой составляющей биомассы человеиника. Увы, такова действительность эпохи глобализма. С определения его сущности и начнем.

Глобализм как оцифрованный человеиник. Мы уже не раз давали развернутое определение глобализма, как, увы, неизбежного этапа в период действия эволюционного перехода от человечества биосферы к человечеству ноосферы (по В. И. Вернадскому). История человечества, то есть тот относительно короткий временной интервал эволюции в период цивилизации и культуры, творится по общим законам мироздания, действие которых, особенно в части прогностики, человеку знать не дано... и никогда не будет дано. Мы лишь в действительности и в ретроспективе наблюдаем, анализируем их действие.

Законы истории, как и всей эволюции жизни, овещаются методом проб и ошибок, выявления правильных и тупиковых ходов (Дарвин, Ламарк, Тейяр де Шарден, Шмальгаузен, В. И. Вернадский и многие другие авторитеты эволюционной науки). Коль скоро грядущая и уверенно наступающая на рубеже веков и тысячелетий новая, ноосферная биогеохимическая живая оболочка Земли, в прошедшем веке проверила возможные варианты создания социально ориентированного мирового сообщества, а это концептуальный тезис ноосферы по В. И. Вернадскому, то выбор новой стратегии истории был «объявлен» в 1990-х годах: глобализм.

*Да-да, не удивляйтесь: именно через жесткий, даже жестокий глобализм (*Per aspera ad astra* — через тернии к звездам — на латыни) история избрала наиболее действенный путь перехода человечества в единое ноосферное земное сообщество. В XX веке были апробированы три варианта социалистического перехода — предте-*

чи ноосферы: интернациональный советский социализм СССР, национал-социализм Третьего Рейха (нацизм) и фашизм Италии времени Муссолини, особенно в 1920-е годы и в короткий период 1943—45 гг.— Социальная Республика Сало на Севере Италии. Но нацизм по определению не вписывался в концепцию всемирного ноосферизма, а итальянский фашизм, равно как фалангизм Испании и гвардизм капитана Корнелиу Зеля Кодряну в Румынии, настолько скомпрометировали себя «вагончиками за германским паровозом», что история быстро их похоронила...

Устоял только советизм-интернационализм СССР, но, во-первых, наиболее адекватная качествам ноосферы социальная ориентация нашей страны, что называется, опередила свое время; во-вторых, Сталину так и не позволили сделать две жизненно важные для системы социализма вещи: «мягкое» отделение КПСС от администрирования и создание новой концепции политэкономии социализма*; наконец, мировой империализм к рубежу веков и тысячелетий еще не исчерпал своей системной мощи и сумел через агентов влияния разрушить СССР и всю мировую систему социализма.

Но уже самое начало периода перехода биосферы в ноосферу, а это наше текущее бытие, показало: время империализма-капитализма исчерпано, социалистический рывок в общепланетарное социалистическое сообщество оказался преждевременным, но ход истории ведь не остановишь? Так определилась историческая миссия глобализма: переделка *homo sapiens*, человека биосферного, в *homo noospheres* — человека ноосферного, то есть внесударственного, вненационального и пр. Словом, как говорил герой «Поднятой целины» М. А. Шолохова: будут при всеобщем коммунизме все одинаковые, смугленькие такие...

Увы, как и все русские философы-космисты, В. И. Вернадский является «неисправимым» гуманистом. Как это все по-русски! И вряд ли грядущая, реальная ноосфера будет похожа на прогнозируемую нашим великим ученым, а именно: ноосфера суть биосфера Земли, измененная научной мыслью и организованным трудом и преобразованная для удовлетворения всех потребностей численно растущего человечества.— Это несколько трансформированная цитата из «Философии мыслей натуралиста» В. И. Вернадского... Впрочем, для человека ноосферного, в отличие от нас, все еще биосферных, ничего такого страшного не будет: ввиду постоянности перехода все стерпится и даже слюбится.

По разным прогнозам период глобализации продлится от восьмидесяти до полутора столетий; здесь сдерживающим фактором выступают «исламская дуга» и Восточно-Тихоокеанский регион, в первую очередь — Китай. Скорее всего, в своем победном пике глобализм будет являть собой мировую «власть ста семей»... или двухсот. То есть ныне тайное Мировое правительство. Вряд ли здесь конспирологи-аналитики ошибаются.

А жесткость, скорее жестокость глобализма мы наблюдаем сейчас уже в полной мере. Пример тому — строки эти пишутся в самом конце августа 2013-го года — подготовка нападения США на Сирию. Понятно, что здесь главное — политическая экспансия, нефть и пр. Но те же СМИ бесстрастно сообщают: правительство США наиболее активно подталкивает лобби военно-промышленного комплекса. Все дело в том, что сейчас у американской армии на вооружении и на складах находится более 10 000 «томагавков» — основного оружия локальных, оперативно-тактических войн. Даже при серийном производстве эти ракеты весьма дорогостоящие. И как бы их ВМС США щедро ни расходовали, обстреливая в свое время

* «Одна из особенностей политической экономии состоит в том, что ее законы, в отличие от законов естествознания, недолговечны, что они... действуют в течение определенного исторического периода, после чего они уступают место новым законам» (И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР.— М.: Госполитиздат, 1952.— С. 15).

Белград и азиатско-африканское побережье Средиземного моря, но все равно процент «томагавков» с истекающим сроком гарантийной боеиспособности неумолимо растет. «Экономика должна быть экономной», — этот лозунг, в свое время издавательно подброшенный дряхлевшему «Второму Ильичу», является доминирующим на Западе, тем более в США, где скрупулезно подсчитали: выпустить сотню, другую, третью... просроченных «томагавков» по Дамаску и его окрестностям намного дешевле, чем их утилизировать... К их (американскому) сожалению вариант «утилизации» посредством пугающей регулярности самовозгорания оружейных складов не подходит: на территории США шалить с огнем не принято. Выборы там всякие и прочие демократические штучки.

Но главное — действует железобетонный закон марксовой политэкономии капитализма: (...товар → деньги → товар → ...) → ∑ прибавочная стоимость. То есть заводы по производству «томагавков» не должны простаивать, а давать «твердую» прибавочную стоимость... И навалился ВПК США на Обаму, а куда тому деваться? Ведь все дело в цифрах! Так мы и подошли к вопросу: но **почему глобализм является оцифрованным человеиком**? А потому, что опять же все сейчас сводится к цифре. Везде и во всем, отнюдь не только в поднадоевшей рекламе на ТВ: «От слов к цифре!» Уже сейчас до 90 % людей — мы пишем не только о нашей действительности — отринули аналоговое, творческое в своей основе, мышление и перешли к утилитарному, цифровому. Чтобы не «растекаться мыслию по древу», рассмотрим это на примере литературы, как отрасли человеческого бытия, более или менее всем знаемой.

«Герой нашего времени» или О ком сейчас писать романы. Исходим из того, что в ретроспективе русская литература оформилась как самодостаточная отрасль человеческой деятельности к началу XIX века, поотстав от Европы на 100—150 лет. Нам не привыкать как отставать, так и догонять... и даже перегонять. Это чисто русский феномен. Весь XIX век и начало XX-го преобладающим художественным методом являлся критический реализм, далее принявший форму социалистического реализма. Об их преемственности и самой апологии такой трансформации мы уже достаточно говорили. Сейчас, по нашему аргументированному мнению, бывший соцреализм трансформировался в новый русский критический реализм.*

Зададимся вопросом: кто был типичным героем литературы критического реализма и соцреализма? Все это в головах людей, получивших образование в советской школе, а нынешним молодым поколениям и знать ни к чему. Поэтому перечислять по пунктам о героях и антигероях от «времен очаковских и покорения Крыма» до «делавших ракеты и перекрывших Енисей» не будем. Куда существеннее обратиться к временам нынешним. Кого современная литература поместит на страницах рукописей, книг и в память компьютера сейчас?

Картина оцифрованного человеика получается удручающей. Не о ком писать! Не случайно же молодые литераторы напрочь ушли в извращенно-вымышленный, сугубо утилитарно-цифровой (то есть компьютерный) мир «фэнтези», исследуя, например, морфологию фантастических ящеров, а прежние писатели-реалисты тоже ушли в вольнолюбивую фантазию, только историческую, разделившись на два лагеря. Первые, из числа более или менее именитых, заполняют нишу, оставленную Валентином Пикулем из XVIII и XIX веков: «рыцарь самодержавия» Николай Первый, при всем нашем к нему уважении, бывший вешатель Столыпин, оболганный Тыняновым и другими Павел Первый... И из начала XX века набираются: Колчак с

* Яшин А. А. Манифест нового русского критического реализма (Проект для обсуждения) // Приокские зори. — 2011. — № 1. — С. 7—10.

Деникиным, Ленин, Иудушка Троцкий. Разрешено «трогать за вымя» Сталина и его «железных наркомов».

Но это именитые... или почти именитые, многие из которых привыкли не только чиркать пером или стучать по клавишам, но и более-менее знакомиться с исторической фактологией. Второй же лагерь, в основном из пришедших в писатели из стана любителей «что-нибудь этакое посочинять на досуге», опыта и желания копаться в анналах истории не имеют, да и торопятся поскорее выдать на горá. Потому и сочиняют о временах столь древних, что в «Повесть временных лет» не вошли. Поди фактологию проверь?

...Сразу оговоримся: человек цифрового мышления, как в литературе, так и в обыденной жизни — от офисных «креветок» и «менеджеров» до лауреатов журнала «Форбс», политиков и всех остальных, тем более школяров и студюзов — не обязательно только оперирующий цифрами. Вовсе не так просто, ибо цифровое, то есть компьютерное мышление (так правильное будет) намного чаще выражается в многословии, своего рода «словесном поносе», говоря по-научному: информационный шум. Здесь налицо **существеннейший** признак (качество, черта, доминанта и так далее) цифрового, компьютерного мышления: функциональная безграмотность. То есть «переход от слов к цифре» суть утрата функциональной основы речи и мышления, что особенно заметно в «компьютерной литературе», о чем мы уже неоднократно говорили.

То есть разница между творческим аналоговым мышлением и отождествляющей его речью или письмом и компьютерным, цифровым мышлением — равносильна разнице между текстом книги русской классики и ... кроссворда. Здесь нет никакого преувеличения. А раз вспомнили русскую классику, то грех и не припомнить одного из проходных персонажей этой самой классики XIX века, что, услужив делами барину, уважал на досуге «почитать» книжицу. Читать же он умел только буквы: аз, буки, веди, глаголь, добро... но складывать их в слова обучен не был. Но его и не интересовало вовсе содержание книги, что бы он не держал на роздыхе в руках: псалтырь, кухаркин календарь или забытый барином в пролетке толстый литературный журнал. Ему нравился сам процесс вычитывания отдельных букв!

Вот вам и пример компьютерно-цифровой функциональной безграмотности, описанный нашим классиком весьма задолго до появления предтечи оцифрованного человека...

Так каков он, герой нашего времени (уже без лермонтовских кавычек), о котором, следуя многовековой традиции, должно писать нынешним словесникам-сочинителям, ибо это есть традиция художественного отражения современности, не убегая в фэнтези и исторические фантазии? Знак вопроса поставлен. Дело за аргументированным ответом, помня: переход от аналогового к компьютерно-цифровому мышлению изменяет не только собственно мышление, но и психику человека, его поведенческие нормы. Это уже другой человек. Особенно это заметно сейчас, в наше время, когда процесс оцифровывания человека находится на своем пике, сосуществуют рядом как оцифрованные, так и носители традиционного, аналогового мышления.

Итак, кто входил в традиционную же «обойму» литературных героев, как есть набор характерных ролей в театре, в русской классике критического реализма и в советской литературе соцреализме? Человек самодостаточно мыслящий и сам знает, но таких только 8 % от масс-медиа, поэтому обойму расцехуем. Кстати говоря, пусть остальные 92 % не обижаются: это закон природы, просто биологии и биологии социальной. Против них не пойдешь, тем более, что такая априорная «сегрегация» никого не возвеличивает и, тем более, не унижает. И те и другие одинаково могут быть гениями и талантами, но и людьми маловыразительными. Более то-

го, в современном оцифровывании человекиника как раз «ишику будут держать»* эти самодостаточно мыслящие восьмипроцентники! Как у библейских гадаринских свиней: вожак может вывести стадо и на кормовое поле, и к обрыву в пучину бушующего моря... Как ход истории (это уже про людей) распорядится.

В русской классике, исповедовавшей критический реализм, уже начиная с Фонвизина и Радищева, статус положительного, отрицательного и «безличного» героев определялся автором и читающей публикой, исходя из канонов этого творческого метода: а) литератор по определению всегда в той или иной степени оппозиционен власти... даже если он и сам во власти, как Салтыков-Щедрин, Гончаров — «цензор всея России», да и Александр Сергеевич имел придворный чин; б) симпатии писателя на стороне нонконформистов к власти; в) презумпция христианских добродетелей, если даже писатель-атеист, нигилист, анархист и прочий «ист»; г) сострадание к «униженным и оскорбленным», причем очень редко это есть самолюбование собственной добродетели и «сусальное золото»; д) достаточный вес политизации, ибо русский человек по своей натуре — активно публичный, общественный, правильное — общинный; е) особенно усилен момент п. (в): органическое неприятие частнособственничества, накопительства («скорее верблюд пройдет в игольное ушко...») и того что мы сейчас называем потребительством.

Еще можно дописать несколько пунктов, но не будем по-немецки пунктуальными: «Колонка» — не диссертация, особенно нынешняя, когда ВАК (Высшая аттестационная комиссия), напуганный недавней перетряской своей верхушки, что в духе российского чиновничества (см. М. Е. Салтыкова-Щедрина) переложил штурвал с курса «норд-ост» на «зюйд-вест», то есть на 180°, в результате чего сейчас стало важным не само содержание диссертации, а сугубая цифирь: число публикаций в нужных изданиях, число нужных изданий, численные значения различных «забугорных» индексов: Хириша (хотя, он может и приличный у них, на Западе, человек), некоего WebofScience, Scopus, PubMed... и еще с десяток штук. «Нужность» же изданий журналов и издательств книг, как можно легко догадаться «без подсказки зала» состоит в платности (немалой) услуг** изданий и издательств. Подсчет такой «нужности» также читается легко... Опять все упирается в цифирь. Распоясавшийся в административном восторге, чиновники не то что ВАК'а, но и самого Минобра уже заявляют, что публикации монографий в известном немецком научном издательстве LAP LAMBERT Academic Publishing (г. Саарбрюккен) не считаются, по их мнению, научными публикациями (!?). А как бы отнеслась к этому Ангела Меркель?

Чем же разгневало почтенное германское научное издательство наших обрчиновников (образовательных то есть)? А тем, что LAP LAMBERT, во-первых, не в ведении Минобра и ВАК; во-вторых, денег с авторов не берет и даже выплачивает им гонорары при соответствующем спросе. «Уж тем ты виноват, что хочется мне кушать!»

... Извините, отвлекся, на любимый мозоль наступили. Теперь мне еще одна докука: обучать своих аспирантов-докторантов диссертационной цифири. А с героями русской классики и так все ясно.

Советская литература, трансформировав критический реализм в соцреализм, вообще говоря, оставила тот же абрис героев и антигероев, усилив некоторые моменты, например, неприятие частнособственничества и накопительства, почти

* Чтобы иной (на злобу дня, то есть игровой рекламы) не заухмылялся, поясним: это выражение из бурлацкого сленга; вожак бурлацкой артели, как знающий путь и самый сильный, шел впереди, закинув за плечо конец каната, завязанный (чтобы не размахнулся) узлом-ишишкой.

** Недавно одна из солидных общероссийских газет опубликовала письмо доцента педагогики из Тулы, где та подсчитала необходимые расходы для грядущей защиты своей докторской диссертации. Получилось ~ 1200000, к счастью — рублей, не \$, евро... но и не монгольских тугриков.

один к одному переписав христианские заповеди в моральный кодекс строителя коммунизма и так далее, но некоторые же другие заменив на новые реалии. Главное — с ликвидацией классовости в советском обществе диалектические законы единства и борьбы противоположностей и отрицания отрицания (Г. В. Ф. Гегель и К. Маркс) в литературной персонификации героев и антигероев приобрели иную интерпретацию по сравнению с их действенностью в методе критического реализма. Исчезло за ненадобностью прямое противопоставление «добро-зло» в описании личностей, их характеров и поступков, движущих сил и общественно значимых последствий. На первое же место выступила творческая личность, ибо СССР уверенно, впервые в мировой истории, стал страной созидателей, творцов. Это не из политрекламы; это было действительностью, которую мы прекрасно помним и стараемся придерживаться ее, проживая уже в стране квалифицированного потребителя — если не для общества, которому глубоко плевать на эти наши «пережитки совка», то хотя бы для себя. По принципу: мне не важно, что думают обо мне, главное то, что я думаю о себе сам. То есть человек хочет сохранить свое достоинство даже в оцифрованном человекике.

Соответственно, нишу (иначе здесь не скажешь) «антигероя» заняли персонажи, не являющиеся созидателями и личностями — в их общественной оценке, да к тому же прегрешающие против заповедей — морального кодекса. Здесь типичные герои-антигерои, например, в «Битве в пути», «Далеко от Москвы», «Мы, нижеподписавшиеся...» и вся, вся советская литература: от гениальных или самобытных произведений до номенклатурных романов и «датской» поэзии. Во всем ее величии и подхалимской халтуре.

... Как говорится: горячее, еще горячее, то есть переходим к современности с ее базовым творческим методом — новым русским критическим реализмом (см. выше ссылку на «Манифест...»).

Кто здесь герой и антигерой? Все перепуталось в известном доме. Выпали «в осадок», введены в полное ничтожество — от моральных ценностей — герои литературы былой, русской и советской: ученые и конструкторы-изобретатели, сталинские наркомы и руководители ведомств 50—80-х годов, создававшие целые отрасли промышленности, науки и жизнеобеспечения, земские и советские врачи (без УЗИ и томографов...), военные, инженеры, рабочие, крестьяне и так далее. Даже хронически не любимая русским человеком милиция, еще издевательские переименованная в... даже слова этого не хочется употреблять.

Явно не тянут на героев нашего времени в литературе нового русского критического реализма искусственно введенная олигархия, чиновничество в его многоликости и многочисленности, пресловутый «средний класс», то есть 100 %-но многомиллионная армия торгашей (многие — от безысходности), слегка разбавленная кустарями-одиночками...

Так что же? — С позиции хотя и нового, но все же критического реализма в современной литературе вовсе не должно быть позитивных персонажей, один негатив? Ведь на одном умирительно-сострадательном описании чудаков, бомжей, архетипных бессребреников, остатков принципиальных советских людей и так далее далеко не уедешь.

Но литература, построенная на одних отрицательных и безличных героях-персонажах есть нонсенс. Тем не менее мы провозглашаем в «Манифесте...» реальность и насыщенность словесности нового русского критического реализма. Как связать концы с концами в нашей ситуации все более и более оцифрованного человекика? Полагаем, что ответ на этот сакраментальный вопрос вытекает из *summa summarum* содержания «Манифеста...», а именно:

*Главное содержание современной литературы нового русского критического реализма, соответственно и типизация ее героев и антигероев, есть художественное отображение, осмысление процесса всемирного (пока конспирологического, тайного) управления на стадии глобализации переходом к оцифрованному человечнику, то есть в рамках замены биосферы Земли ноосферы переходом *homo sapiens*, мыслящего по преимуществу аналогово-творчески, в следующую эволюционную ипостась: *homo noospheres*, мыслящего по преимуществу утилитарно-оцифрованно, своего рода являющегося придатком компьютерно-телекоммуникационных сетей и квалифицированным потребителем.*

Возникает при таком определении вопрос, точнее — два извечных русских вопроса: «Что делать?» и «Кто виноват?». И добавочный: художественная литература есть по ее определению формой борьбы, сопротивления общественному негативу, поэтому какова в таком аспекте роль и задача метода нового русского критического реализма?

Ответ на все эти вопросы в их совокупности следующий. «Виноваты» фундаментальные законы мироздания в части (разворачивании матрицы) эволюции человека и вообще эволюции жизни на Земле. С них особо-то и не спросишь. А что делать и какова форма (литературного) сопротивления? — Отстаивать в своих литературных произведениях, увы, в перспективе, даже не столь далекой, наше безнадежное дело: оттягивать «до последнего» окончательное оцифровывание человечника, бороться за право человека оставаться личностью, желательно творчески, то есть аналогово мыслящей.* Но для этого нужно хорошо знать движущие силы всемирного управления оцифровыванием человечника. Переходим к этому разделу.

Всемирное управление: конспирология и реальность. Оцифровывание человечника суть одна из стратегических линий глобализации — неизбежного, достаточного жестокого, даже жестокого, этапа на пике перехода биосферы в ноосферу. Как и суммарный глобализм, собственно переход человека от преимущественно творческого (аналогового) к утилитарному (компьютерному, цифровому) мышлению подчиняется, вне всякого сомнения, законам эволюции. Но эти законы овеществляются, как любые движущие законы истории, посредством деятельности человека, внешне хаотичной, методом проб, ошибок и тупиковых путей, но в итоге — целенаправленной.

Но здесь имеется существенное отличие. Если в предшествующей истории человечества, примерно до середины XVIII века, ход истории преимущественно был экстенсивно-эволюционный, то есть характеризовался почти что «продиранием» законов диалектики в обилии проб, ошибок и тупиковых ходов, то, начиная с указанного времени, все более стало ощущаться некое целеуказующее управление. Почему оно истории-эволюции понадобилось? — Ответ простой и вызывающий мало возражений: главное действующее временное правило эволюции, тем более эволюции человека, есть ее ускорение по экспоненциальному закону с параметром времени — физического, эволюционного, биологического...

Но человек — особая, единственная отличная статья в эволюции; но неведомым нам законам мироздания, которые, кстати, человеку не дано и никогда не будет дано знать, эволюция человека во времени характеризуется не просто экспонентой, но, образно говоря, «экспонентой в квадрате». Нобелевский лауреат, создатель науки этологии Конрад Лоренц доказал, что человек обогнал (опередил) биологическую

* Чтобы читателю не показалась фантастикой доминирующая тема настоящей «Колонки», укажем, что она развивается в русле концепции В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, над которой сейчас работает большая группа ученых из Ноосферной общественной академии наук, а автор настоящего очерка сейчас завершает работу над десятой книгой многотомной монографии «Живая материя и феноменология ноосферы», посвященной аналоговому и цифровому мышлению.

эволюцию на ее социальном этапе.— Со всеми вытекающими последствиями. А раз он эволюцию, естественную биологическую, обогнал, то теперь не эволюция управляет человеком, а он ею. Поэтому, хотя бы и в рамках общих законов мироздания, в рамках законов диалектики Гегеля — Маркса человечеству потребовалось некое всемирное управление, причем постоянно и во все возрастающем темпе ускоряющего ход истории. В сказанном выше нет ни доли, ни промилле (это бонус гашишикам...) сакральности, философской спекулятивности, фэнтези-фантазии и пр. Да что тут говорить, прочитайте любую серьёзную газету, а лучше зайдите в книжный магазин, если таковые в вашем городе ещё сохранились, где сразу обнаружите на полках с полдесятка публицистических книг авторов, чьи имена на слуху, посвящённых рассматриваемой теме.

Итак, знаковым событием (пока постепенного) перехода к всемирному управлению-ускорению эволюции, а значит и оцифровывания мышления человека, стала Великая Французская революция 1789-го года, идейно подготовленная за предыдущие полвека французскими же философами-энциклопедистами (Дени Дидро и др.). Именно с Французской революции началось действие невидимого управления по направлению ликвидации европейских монархических правлений. И ещё — сакральным символом проявившегося мирового управления-ускорения стал республиканский триколор, далее вошедший в общеевропейскую либерализованную символику*. ...И ещё масонский в своей основе девиз: “Liberté, Égalité, Fraternité”. Перевод, полагаем, не требуется.

В анализе всемирного управления аналитики, публицисты и пр. (см выше отсылку к книготорговле) обычно рассматривают его с двух позиций: конспирологический аспект и реально наблюдаемые проявления. Конспирология зиждется на существовании Тайного мирового правительства, уже сейчас являющегося действенным мировым. Исторические корни его конспирологи относят к европейскому масонству и ещё далее в глубь веков к розенкрейцам, Мальтийскому ордену и к другим религиозно-политическим сообществам. Подчеркивается и роль банкирских династий, особенно Ротшильдов. Литература по этому вопросу обширна и доступна. Любой интересующийся найдет ее, что называется, «в шаговой доступности». Там же предположительные органы этого правительства, так сказать, «для связи с общественностью»: Бильдербергский и Римский клубы и так далее вплоть до различных всемирных банков и крупнейших международных организаций. Дело тонкое, нарочито запутанное, в любых официальных СМИ не обсуждаемое... словом, конспирология.

Вообще говоря, мало кто из самодостаточно мыслящих людей сомневается в существовании такого управляющего сегодняшним миром органа, как бы он ни именовался. Но мы перейдем к сугубой реальности всемирного управления оцифровыванием человека.

Мы уже выше определили аналоговое мышление как преимущественно творческие, функционально грамотное, а цифровое (компьютерное) — утилитарное, потребительское с резким падением функциональной грамотности. Особенно печально наблюдать этот процесс перехода к оцифровыванию в сфере художественной литературы и публицистики. Характерный пример: в одной из дискуссий, объявленных ранее журналом «Приокские зори», многие авторы и читатели поняли тему ее —

* Российский триколор исторически к этому процессу отношения, конечно, не имеет. Царь Алексей Михайлович ввел его на торговых судах по той простой причине, что у России тогда государственного флага не имелось, а торговля велась только с Европой (морская), где триколор был узнаваем. Петр Первый закрепил его в качестве торгового же флага явно из-за своей симпатии к Голландии, только перевернув цвета. До 1917-го года основным государственным флагом считался императорский черно-желтый (золотой), введенный в XVIII веке (после Петра) в знак симпатии царей и цариц к Пруссии...

соотношение между «бумажной» и компьютерной литературой — дословно, то есть кто как пишет-сочиняет: на бумаге или стуча по клавишам компьютера. Но ведь и без всякого подтекста из «забойного» дискуссионного очерка, даже без подтекста, было ясно: речь идет о совершенно другом, о принципиальном различии аналогового и цифрового (компьютерного) мышления, овеещающего в конкретных произведениях авторов. Вот это-то и есть определенная утрата функциональности мышления: понимать смысл (этимологию) отдельных слов, но не вдумываться в сущность связующей их мысли.

Порой, если не вслушиваться, не вчитываться, не присматриваться и так далее, не всегда просто отличить еще не оцифрованного от уже затронутого этим «вирусом мышления» человека. Это как в анекдоте, который я люблю приводить своим студентам-медикам в подтверждение того известного факта, что классический, то есть социально адаптированный, шизофреник ничем не отличается в мыслительно-поведенческом плане от здорового человека кроме одного: своей болезни.

Итак, на комиссию по выписке (из Каценки, тульского Маслова, калужской Бушмановки, лондонского Бедлама и пр.) является излеченный пациент. На все вопросы отвечает вразумительно, лицо живое, поведение благопристойное. Врачи поздравляют его и друг друга с успешным излечением, но один комиссионер замечает, что пациент держит руку за спиной, подходит и видит галошу на бечевке. На понятный вопрос следует ответ, что-де это его собачка Жучка (Beetle — в Бедламе). Белохалатники хватаются за головы и прописывают дополнительный трехмесячный курс, по прошествии которых любитель животных вновь является. Уже без галоши на веревочке. Ответив на все вопросы, получает на руки обнадеживающий эпикриз-выписку и пропуск на выход из медучреждения. Собирает в палате свои вещи, а напоследок вынимает из-под подушки галошу и радостно сообщает ей: «А здорово мы, Жучка, всех обманули!»

... Точно так же человек, уже перешедший «от слов к цифре», может сходу решить сложнейший кроссворд на любую тему, но бессилён в десяти-пятнадцати словах сформулировать сущность ее. Кстати, именно с повального увлечения кроссвордами в 90-х годах, как все мы хорошо помним, и началось вроде как невинное на первый взгляд оцифровывание российской масс-медиа.

Еще один характерный пример управляемых СМИ, которые сами кем-то тайно управляются. Оцифровывание — это, во-первых, собственно вброс в речевую практику масс-медиа огромного числа слов из американского диалекта английского языка; во-вторых, возрождение отмеченной литературными классиками XIX века «смеси французского с нижегородским», то есть яростная унификация-американизация русского языка в плане морфологическим; такие новоязовские слова как «банкинг», «паркинг» уже стали привычными, на очереди «мэринг», «губернаторинг» и так далее. Более всего меня восхитило слово «прицепинг» — из почти часовой передачи общероссийского радио, где, очевидно, за неимением других насыщенных тем, горячо обсуждалось увлечение современных подростков катанием на трамвайной «колбасе»; соответственно, термин «прицепинг» — от слова «прицепился»... И мы в розовые свои годы катались на «колбасе», не ведая, каким высокоученым словом это называется!

Спросите: а какое это имеет, собственно говоря, отношение к оцифровыванию? — Даем вам карт-бланш самим сообразиться.

Мощнейшим средством утилизации (оцифровывания, компьютеризации) мышления является профессиональный спорт; кстати, собственно любительского спорта и не осталось. И современные олимпийские игры 100 %-но состязание профессионалов. И уже как-то дико (вот она - инверсия мышлений!) смотреть сейчас знаменитый фильм Лени Рифеншталь «Олимпия», посвященный Берлинской олимпиаде 1936-го года, где в конных соревнованиях участвуют сплошь офицеры-кавалеристы,

в формах, из боевых частей армий стран-участниц. И голос за кадром: поручик такой-то, Польша; лейтенант такой-то, Германия, и так далее.

Оцифровывание мышления посредством все возрастающего навязывания СМИ масс-меди профспорта даже не столько в бухгалтерской идиотизации сотых, даже тысячных долей секунды победителя (сразу вспоминается чеховское: «Слухи о моей смерти несколько преувеличены»), даже не в скрупулезном подсчете-соревновании: кто сколько тысяч или миллионов «заработал»... Нет, здесь страшнее другое. Профессиональный спорт исподволь «отнимает» у людской массы обычную, оздоровительную, полезную для современного (гиподинамического) человека физкультуру. Замечательно метко и точно сказал об этом Муаммар Каддафи*, сам — кровавая жертва тоталитаризма: «Тысячи аплодирующих и смеющихся зрителей, заполняющих трибуны стадионов,— это тысячи введенных в заблуждение людей, которые, не имея возможности заниматься спортом (то есть физкультурой — А. Я.) лично, праздно сидят на трибунах и аплодируют чемпионам, которые перехватили у них инициативу, оттеснили их и монополизировали спорт, используя в своих (коммерческих — А. Я.) интересах возможность, предоставленные им массами... Творцам жизни не пристало следить за тем, как актеры на сцене изображают жизнь».

Опять спросите: какая связь с предметом наших рассуждений? — Еще более прямая: отнимая у масс оздоровительную, личную физкультуру, всемирное управление привязывает массы к продолжению телевизора — к амфитеатрам стадионов и собственно к телеэкрану, транслирующему шоу профспорта. А это весомый «вклад» во все усиливающееся потребление, которое, в свою очередь, отвращает человека от творческого, аналогового мышления и трансформирует его в утилитарное, компьютерно-цифровое.

Но, вне всякого сомнения, главную роль в оцифровывании человеки играет компьютер и глобальные телекоммуникационные сети, то есть Интернет. Здесь пояснений не требуется. А всемирное управление здесь наиболее четко организовано: а) беспощадная реклама в СМИ; б) поддержка «невидимым фронтом» транснациональных корпораций, все более и более нарастающих через «мастерские мира» (Китай, Филиппины, Тайвань, Таиланд и пр.) тиражирование всех этих компьютерных и телекоммуникационных причиндалов; в) поддержание и развитие сети Интернет; г) действенность основного торгового закона капитализма: навязывание избыточно ненужных товаров; д) капсоревнование государств по скорейшему переводу всего уклада жизни населения, включая межличностное общение в виртуальный, компьютерный мир: от уплаты «жировки» за электроэнергию через компьютер до электронных, на дому, выборов всех ветвей власти.

... Но главное — это идиотизация и сокращение населения. К этому мы вернемся в заключении настоящей темы.

Но во всемирном управлении, по всей видимости, еще до конца не отработаны механизмы оцифровывания художественного творчества, литературы в первую очередь. Вот мы и дошли до интересующего нас примера. Однако в реальности такие «проводки» мы наблюдаем. Начнем с почти анекдотичного примера наивного оцифровывания, играющего на тиеславии слабосильных литераторов, граничащем с *tanía grandiose*. Один мой знакомый, так скажем, — писатель, сочинивший и издавший (деньги водились) четырехтомную — как он ее с гордостью именует — эпопею, при встречах поднимает одну и ту же тему: доказывает, что объем его «эпопеи» на 1,28 авторских листа превышает четырехтомную же «Войну и мир» нашего ве-

* Муаммар Каддафи. Зеленая книга: Пер. с арабск.— М.: Росс.-арабск. торгово-эконом. совет, 2000.— 127 с.

ликого земляка*. При этом он, чистый гуманитарий, в уме перемножает четырех и пятизначные цифры, оперируя числом строк и букв в строке в его творении под названием «Я и Вселенная» в избранном им для сравнения конкретном издании «Войны и мира». Переведя, также в уме, содержание обоих творений в миллионные цифры итогового числа букв и пробелов, делает вычитание, результат которого переводит обратно в посрамляющий Льва Николаевича результат...

Смешно? Но именно дичайшая зависть — один против всех - подавляющего числа современных сочинителей производит в их головах затягивание творческой доминанты в «цифры»: на сколько у меня больше издано книг нежели у литератора N., сколько «мелкопоместных» премий, лауреатств и благодарственных грамот от ЖЭУ № 14 у него и у того N. Чем же тогда отличается такой писатель от рядового торговца бананами? — Да ничем. Только бананы покупают, а книги современных сочинителей... увы!

Исчезло понятие творческого авторитета, художественного образования и самообразования, провинциальные отделения писательских союзов сведены к полному ничтожеству, а в столице «литературные генералы», поделившись, как в детской игре на наших и не наших, яростно, с судами и почти мордобитиями все делят и делят крохотные остатки собственности бывшего Союза писателей СССР. Какое здесь творчество — сплошной утилитаризм! А каковы писатели, таковы и создаваемые ими герои нашего времени...

Для чего нужно оцифровывание? Полагая, что здесь речь идет в первую очередь о литературе, ответим однозначно: глобализму, как историческому процессу. Собственно художественная литература не нужна по определению, как антитеза преобладающему утилитарному мышлению. Для остатков потребности в самовыражении будет допущена только компьютерная литература — в смысле определенной выше. Все это происходит у нас на глазах. На Западе литературы в ее классическом понимании уже давно нет. Россия — из-за существования СССР — здесь несколько «припозднилась», но и у нас этот процесс близок к завершению.

Итак, слово, даже избыточная масса слов, остается, но при реализуемом условии функциональной неграмотности сумма этих слов дает всего лишь информационный шум.

Картина печальная, но, как уже сказано выше, пока у нас есть литература нового русского критического реализма, есть ее цели и задачи, а значит, должны быть ее герои и антигерои. Приглашая авторов и читателей «Приокских зорь» к участию в очередной, уже ставшей традицией журнала, дискуссии, мы надеемся на палитру мнений, суждений, критических возражений, а главное — ответа на вопрос вопросов: кто же он, литературный герой нашего времени.

* * *

Продолжая галерею «Тула — город оружейников», помещаем на 2-й и 3-й стороны обложки фотоколлажи знаменитых тульских оружейников второй половины XX — начала XXI вв., создававших свое непревзойденное оружие в ордена Ленина, ордена Октябрьской революции, ордена Трудового Красного знамени Конструкторском бюро приборостроения (г. Тула). Считаю себе за честь, что трудился на орденоносном предприятии одновременно с А. Г. Шипуновым, В. П. Грязевым, Н. Ф. Макаровым и И. Я. Стечкиным.

...Истинно говорят в кругах оружейников: конструктор становится знаменитым, когда его фамилия начинается писаться с маленькой буквы; была Макаров и Стечкин — стала «макаров» и «стечкин» (пистолеты).

* Сразу вспоминается нечто схожее, в свое время облетевшее весь СССР: выступая с докладом на очередном Съезде КПСС, первый секретарь Тульского обкома Иван Харитонович Юнак, кстати сделавший город и область флагом промышленности, сказал, говоря о культуре: дескать, до революции в Туле был один писатель — Лев Толстой, а сейчас их в областной писательской организации аж двадцать! No comments, как сейчас говорят.

К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КЛАССИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ШМЕЛЕВА (1873 — 1950)

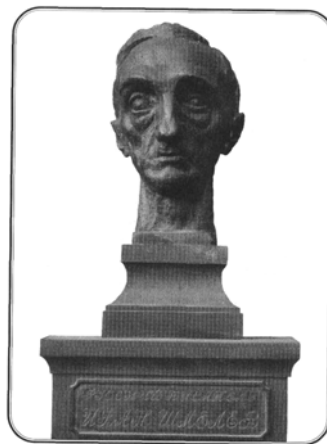
ПОСЛЕДНИЙ ПЕВЕЦ РУСИ УШЕДШЕЙ

От главного редактора. Не припомню имени, но кто-то из наших выдающихся писателей написал в своих воспоминаниях, как купил он в юности в букинистическом магазине переплетенную книгу «нивских» выпусков Гарина-Михайловского — талантливое писателя и не менее известного в до-революционной России инженера, в частности, проектировавшего и руководившего строительством и поныне главного на Южном берегу Крыма шоссе от Севастополя до Ялты. Кто ездил по этой дороге, тот помнит стелу с указанием имени строителя шоссе — в самом начале спуска от основной магистрали к бухте Батилиман, в которой в советское время располагался пионерский лагерь учебного отряда Краснознаменного Черноморского флота. Но — все это воспоминания былых дней, в другой стране...

С интересом читая купленную в бумаге книгу Михайловского (Гарин — «добавочный» псевдоним) из состава его известнейшей тетралогии «Детство Тёмы. Гимназисты. Студенты. Инженеры», автор воспоминаний, перелистнув очередную страницу, вдруг словно попал в иной художественный мир, где каждое слово весомо, а предложение или фраза заставляют сопереживать, вдумываться и думать, думать! Что же это такое? И только встретив упоминание имени Настасьи Филипповны, сообразил: переплетчик нечаянно вставил в блок монтируемой книги также «нивский» выпуск из «Идиота».

Поясним. Журнал «Нива» в течение года издавал на дешевой газетной бумаге до десятка собраний сочинений русских и зарубежных писателей, то есть с каждым номером «Нивы» подписчик получал несколько сброшюрованных, в «дежурной» обложке из оберточной синей бумаги выпусков этих собраний сочинений, причем эти выпуски содержали по несколько глав текущего тома и могли начинаться даже не с названия главы, а просто с очередной страницы. По окончании года подписчик журнала складывал из выпусков стопки томов и относил в переплетную мастерскую. Поэтому вовсе не удивительно, что в заваленной заказами мастерской казусы навроде описанного выше случались часто.

Сходное и со мною случилось, но уже не с «нивскими» изданиями, а с советским «самиздатом» 70-х годов. Знакомый преподаватель философии из одного тульского института, такой же, как и я, страстный книголюб (не книголюб — это уже коллекционер!), по своим диссертационным делам часто ездившим в МГУ, доверитель-



Скульптурный портрет И. С. Шмелева работы Лидии Лузановской — Москва, Замоскворечье, пересечение Лаврушинского и Большого Толмачевского переулков

но поведал, что тамошние аспиранты-фарцовщики затеяли самиздатовское дело — слово «бизнес» тогда не употреблялось. Устроившись то ли ночными сторожами, а может и лаборантами с ночными дежурствами при множительной факультетской технике, они начали «выпуск» — на заказ либо на спрос — раритетных для того времени книг. Благо оригиналов, староизданных или зарубежных, в библиотеках МГУ хватало. То есть отсканировалась нужная книга и тут же, в домодельной переплетной «одевалась» в твердый переплет, почему-то обязательно синего цвета, на котором сусальным золотом оттискивались имя автора и название.

Как я понял из рассказа знакомого, наибольшим спросом пользовались книги Ницше, Фрейда, Шопенгауэра и русских философов конца XIX — начала XX века, попавших в свое время в проскрипционные списки Луначарского—Крупской... Он мне продемонстрировал несколько приобретенных им томов: все они являлись «перепечаткой» из изданий Paris: YMCA — Press и London: Oversead Publications Interchange Ltd, специализировавшихся в 1960—70-е годы на выпуске книг на русском языке.

Стоил самиздатовский том двадцать пять полновесных советских рублей. Соблазнившись, заказал пару книг: том Фрейда «Достоевский и отцеубийство» и Льва Шестова «Ясная Поляна и Астапово: К 25-летию со дня смерти Л. Толстого».

... И как в том случае с «Детством Тёмы», читая «классика русского экзистенциализма», вдруг обнаружил «перескок» со страницы 168... на 243. Правда, через десяток страниц прежняя нумерация продолжилась. Но содержание этой «вставки» поразило донельзя: ранее совершенно неизвестные персонажи: Горкин, Денис, Андрюша, Василь-Василич, пес Бушуй — и все это глазами ребенка из купеческой среды в Замоскворечье. И еще угадывалось время действия: ближе к концу XIX века. Но не в незнакомых именах дело, а в языке, настолько исконно русском, что, казалось, не молчаливую книгу читаешь, а притаившись в темном уголке людской или кухни старинного купеческого дома, слышишь и видишь наяву неторопливое действие в ж и в у ю!

...В те семидесятые годы много было даже в фабрично-заводской Туле людей начитанных и много знающих, но, увы, никто не мог «вычислить» автора той вставки в самиздатовского Льва Шестова. Причем каждый из них, взяв прочитав эти десять страниц, непременно говорили почти соловом в слово: да, мол, исключая новые для нас имена персонажей, включая сидящего на цепи, но собачьей душой доброго Бушуя, все настолько знакомо, настолько едва не с молоком матери впитано, что... и досадливо разводили руками.

И только в девяностые годы, когда наши «толстые» журналы начали наперегонки, а то и в параллель, печатать русских писателей-эмигрантов XX века, узнал, что Горкин, Денис, Андрюша и старший приказчик Василь-Василич с добрым Бушуйем — из «Лета Господня» Ивана Шмелева, последнего певца Руси ушедшей, «москворецкого златоуста» (Тимофей Прокопов), о котором Анри Труайя сказал*: «В своих поисках России Иван Шмелев, сам того не сознавая, ушел дальше своей цели. Он хотел быть только национальным писателем, а стал писателем мировым». И Константин Бальмонт в точку попал, говоря, что Иван Шмелев — «самый русский из всех русских писателей».

Даже весьма и весьма скупая на добрые слова о писателях-эмигрантах «Советская энциклопедия» (большая и малая), правда, перевирая год его рождения (с 1873 на 1875-й!), пишет о Шмелеве почти что доброжелательно**: «...Его рассказы и

* Используемые здесь цитаты из Послесловия Тимофея Проконова к книге: Шмелев И. С. Лето Господне. Богомолье: Автобиографические повествования / Сост. Т. Ф. Проконова. — М.: Русская книга — XXI век, 2006. — 608 с. (Серия «Духовное наследие»). Из этого же издания взяты и приводимые ниже главы из «Лета Господня».

** Малая советская энциклопедия. Т. 10. 3-е изд. — М.: Гос. научн. изд-во «Советская энциклопедия», 1960. — С. 619.

повести проникнуты сочувствием социальным низам. В лучших произведениях («Гражданин Уклеikin», 1907, «Человек из ресторана», 1911, и др.) показано, как революция пробуждает в «маленьких людях» сознание социальной несправедливости, чувство человеческого достоинства. В произведениях, написанных Шмелевым после эмиграции за границу (1917), возникают религиозные мотивы («Солнце мертвых», 1923, «Лето Господне», 1933 и др.).

О Шмелеве можно много, хорошо и в охотку писать, так сказать, биографически, ибо и сам Иван Сергеевич говорил, что «мои предки сами чуть-чуть «исторические»: из староверов, из купцов замоскворецких. И жизнь самого Шмелева в России и в эмиграции очень насыщенная. Все это емко и, как сейчас говорят, информационно содержательно описано упомянутым выше Тимофеем Прокоповым. Кто не ленился — с интересом почитает.

Но совершенно невозможно (и получится малоубедительно) писать о творчестве его, особенно о главных, как Шмелев сам называл, его книгах «Лето Господне» и «Богомолье». А потому «сворачиваемся» в своих ассоциациях (см. выше) и публикуем одну из центральных глав «Лета Господня». Да пребудет оно и с вами!

Иван Шмелев

ИМЕНИНЫ

Преддверие

Осень — самая у нас именинная пора: на Ивана Богослова — мои, на мучеников Сергия и Вакха, 7 октября, — отца; через два дня, мч. Евлампии, матушка именинница, на Михайлов День Горкин пирует именины, а зиму Василь-Василич začínает, — Васильев День, — и всякие уж пойдут неважные.

После Покрова самая осень наступает: дожди студеньи, гололед. На дворе грязь чуть не по колено, и ничего с ней нельзя поделывать, спокон веку все месится. Пробовали свозить, а ее все не убывает: за день сколько подвод пройдет, каждая, плохо-плохо, а с полпудика натащит, да возчики на сапогах наносят, ничего с ней нельзя поделывать. Отец поглядит-поглядит — и махнет рукой. И Горкин резон приводит: «осень без грязи не бывает... зато душе веселей, как снежком покроет». А замостить — грохоту не оберешься, и двор-то не тот уж будет, и с лужей не сообразишься, камня она не принимает, в себя сосет. Дедушка покойный рассердился как-то на грязь, — кожаную калошу увязил, насилиу ее нащупали, — никому не сказал, пригнал камню, и мостовщики пришли, — только-только, Господи благослови, начали выгребать, а прабабушка Устинья от обедни как раз и приезжает: увидала камень да мужиков с лопатами — с ломами — «да что вы, говорит, двор-то уродуете, земельку калечите... побойтесь Бога!» — и прогнала. А дедушка маменьку уважал и покорился. И в самый-то день ангела ее, как раз после Покрова, корежить стали. А двор наш больше ста лет стоял, еще до француза, и крапивка, и лопушки к заборам, и желтики веселили глаз, а тут — под камень!

За неделю до муч. Сергия-Вакха матушка велит отобрать десяток гусей, которые на Москва-реке пасутся, сторожит их старик гусиный, на иждивении. Раньше, еще когда жулики не водились, гуси гуляли без дозора, да случилось — пропали и пропали, за сотню штук. Пошли проведать по осени, — ни крыла. Рыбак сказывал: «может, дикие пролетали, ночное дело... ваши и взгомошили с ними — прощай, Москва!» С той поры крылья им стали подрезать.

На именины уж всегда к обеду гусь с яблоками, с красной шинкованной капустой и соленьем, так уж исстари повелось... Именины парадные, кондитер Фирсанов готовит ужин, гусь ему что-то неприятен: советует индеек, обложить рябчиками-гарниром и соус из тертых рябчиков, всегда так у графа Шереметьева. Жарят гусей и на людской стол: пришлого всякого народу будет. И еще — самое-то главное! — за ужином будет «удивление», у Абрикосова отец закажет, гостей дивить. К этому все привыкли, знают, что будет «удивление», а какое — не угадать. Отца называют фан-тазером: уж всегда что-нибудь надумает.

Сидим в мастерской, надумываем, чего поднести хозяину. По случаю именин, Василь-Василич уж воротился из деревни, Покров справил. Сидит с нами. Тут и другой Василь-Василич, скорняк, который все священные книги прочитал, и у него хорошие мысли в голове, и Домна Панферовна, — из бань прислали пообдумать, обстоятельная она, умный совет подаст. Горкин и Ондрейку кликнул, который по хужожеству умеет, святого голубка-то на сень приделал из лучиков, когда Царицу Небесную принимали, святили на лето двор. Ну, и меня позвал, только велел таиться, ни слова никому, папашенька чтобы не узнал до времени. Скорняк икону советовал, а икону уж подносили. Домна Панферовна про Четьи-Минеи помянула, а Четьи-Минеи от прабабушки остались. Василь-Василич присоветовал такую флягу-бутылочку из серебра, — часто, мол, хозяин по делам верхом отлучается в леса-рощи, — для дорожки-то хорошо. Горкин на смех его — «кто-что, а ты все свое... «на дорожку»!» Да отец и в рот не берет по этой части. Домна Панферовна думала-думала да и бухни: «просфору серебряную, у Хлебникова видала, архиерею заказана». Архиерею — другое дело. Горкин лоб потирал, а не мог ничего придумать. И я не мог. Придумал — золотое бы портмоне, а сказать побоялся, стыдно. Ондрейка тут всех и подивил:

— А я, говорит, знаю, чего надо... Вся улица подивится, как понесем, все хозяева позавиствуют, какая слава!

Надо, говорит, огромный крендель заказать, чтобы невидано никогда такого, и понесем все на головах, на щите, парадно. Угольком на белой стенке и выписал огромный крендель, и с миндалями. Все и возвеселились, как хорошо придумал-то. Василь-Василич аршинчиком прикинул: под два пуда, пожалуй, говорит, будет. А он горячий, весь так и возгорелся: сам поедет к Филиппову, на Пятницкую, старик-то Филиппов всегда ходит в наши бани, уважительно его парят банщики, не откажет, для славы сделает... — хоть и печь, может, разобрать придется, а то и не влезет крендель, таких никогда еще не выпекали. Горкин так и решил, чтобы крендель, будто хлеб-соль подносим. И чтобы ни словечка никому: вот папашеньке по душе-то будет, диковинки он любит, и гости подивятся, какое уважение ему, и слава такая на виду, всем в пример.

Так и порешили — крендель. Только Домна Панферовна что-то недовольна стала, не по ее все вышло. Ну, она все-таки женщина почтенная, богомольная, Горкин ее совета попросил, может, придумает чего для кренделя. Обошлась она, придумала: сахаром полить — написать на кренделе: «на День Ангела — хозяину благому», и еще имя-отчество и фамилию прописать. А это скорняк придумал — «благодарному»-то, священным словом украсить крендель, для торжества: священное торжество, ангельское. И все веселые стали, как хорошо придумали. Никогда не видано — по улице понесут, в дар! Все лавочники и хозяева поглядят, как людей-то хороших уважают. И еще обдумали — на чем нести. Сделать такой щит белый, липовый, с резьбой, будто карнизик кругом его, а Горкин сам выложит весь щит филенкой тонкой, вошеной, под тонкий самый паркет, — самое тонкое мастерство, два дня работы ему будет. А нести тот щит на непокрытых головах, шестерым молодцам из бань, все ровникам, а

в переднюю пару Василь-Василича поставить с правой руки, а за старшего, на перед, Горкин заступит, как голова всего дела, а росточку он небольшого, так ему подшит тот подпорочку-держалку, на мысок счита чтобы укрепить,— поддерживать будет за подставочку. И все в новых поддевах чтобы, а бабы-банщицы ленты чтобы к шиту подвесили, это уж женский глаз тут необходим,— Домна Панферовна присоветовала, потому что тут радостное дело, для глаза и приятно.

Василь-Василич тут же и покати к Филиппову, сговориться. А насчет печника, чтобы не сумлевался Филиппов, пришлем своего, первейшего, и все расходы, в случае печь разбирать придется, наши. Понятно, не откажет, в наши бани, в «тридцатку» всегда ездит старик Филиппов, парят его приятно и с уважением,— все, мол, кланяются вашей милости, помогите такому делу. А слава-то ему какая! Чей такой крендель? — скажут. Известно, чей... филипповский — знаменитый. По всей Москве банные гости разнесут.

Скоро воротился, веселый, руки потирает,— готово дело. Старик, говорит, за выдумку похвалил, тут же и занялся: главного сладкого выпекалу вызвал, по кренделям, печь смотрели,— как раз пролезет. Но только дубовой стружки велел доставить и возлучины березовой, сухой-рассухой, как порох, для подрумянки чтобы, как пропекут. Дело это, кто понимает, трудное: государю раз крендель выпекали, чуть поменьше только,— «поставщика-то Двора Его Величества» охватил Филиппов! — так три раза все портили, пока не вышел. Даже пошутил старик: «надо, чтобы был крендель, а не сбрендель!» А сладкий выпекала такой у него, что и по всему свету не найти. Только вот запивает, да за ним теперь приглядят. А уж после, как докажет себя, Василь-Василич убогитворит и сам с ним убогитворится,— Горкин так посмеялся. И Василь-Василич крепкий зарок дал: до кренделя — в рот ни капли.

Горкин с утра куда-то подевался. Говорят, на дрожках с Ондрейкой в Мазилово укатили. А мне и не сказался. А я почуял: уж не соловыиную ли клетку покупать у мужиков, клетки там делают, в Мазилове. А он надумывал соловья отцу подарить, а меня и не прихватил птиц смотреть. А все обещался мне, там всякие птицы собраны, ловят там птиц мазилосцы. Поплакал я в мастерской, и погода такая, гулять нельзя, дождь с крупой. Приехал он, я с ним ни слова не говорю. Смотрю — он клетку привез, с кумполом, в шишечках костяных-резных. Он увидел, что надулся я на него, стал прощенья у меня просить: куда ж в непогодь такую, два-раз с дрожек падали они с Ондрейкой, да и волки кругом, медведи...— насилу отбились от волков. А мне еще горше от того,— и я бы от волков отбился, а теперь когда-то я их увижу! Ну, он утешил: сейчас поедем за соловьем к Солодовкину, мазилоские совсем плохи. И поехали на Зацепу с ним.

А уж совсем стемнело, спать собирались соловьи. А Солодовкин заставил петь: органчики заиграли, такие машинки на соловьев, «дразнилки». Заслушались мы прямо! Выбрал нам соловья:

— Не соловей, а... «Хвалите имя Господне!» — так и сказал нам, трогательно, до слез.

Ради Горкина только уступил, а то такому соловью и цены нет. Не больше чтобы черного таракана на неделю скормливать, а то зажиреть может.

Повезли мы соловья, веселые. Горкин и говорит:

— Вот рад-то будет папашенька! Ну, и святой любитель Солодовка, каменный дом прожил на соловьях, по всей Расеи гоняется за ними, чуть где прознает.

В мастерской только и разговору, что про крендель. Василь-Василич от Филиппова не выходит, мастеров потчует, чтобы расстарались. Уж присылали мальчишку с Пятницкой при записке,— «просит, мол, хозяин придержать вашего приказчика, всех

мастеров смутил, товар портят, а главного выпекалу сладкого по трактирам замотал...» Горкин свои меры принял, а Василь-Василич одно и одно: «за кренделем наблюдаю!.. и такой будет крендель,— всем кренделям крендель!»

А у самого косой глаз страшной страшно, вихры торчками, а язык совсем за-кренделился, слова портит. Прибежит, ударит в грудь кулаком — и пойдет:

— Михал Панкратыч... слава тебе, премудрому! додержусь, покелича кренделя не справим, в хозяйские руки не сдадим... ни маковой росинки, ни-ни!..

Кровь такая, горячая,— всегда душу свою готов на хорошее дело положить. Ну, чисто ребенок малый...— Горкин говорит,— только слабость за ним такая.

Накануне именин пришел хорошими ногами, и косой глаз спокойный. Покрестился на каморочку, где у Горкина лампадки светили, и говорит шепотком, как на духу:

— Зачинают, Панкратыч... Господи баслови. Взогнали тесто!..— пузырится, квашня больше ушата, только бы без закальцу вышло!..

И опять покрестился.

А уж и поздравители стали притекать, все беднота-простота, какие у нас работали, а теперь «месячное» им идет. Это отец им дает, только ни одна душа не знает, мы только с Горкиным. Это Христос так велел, чтобы правая рука не знала, чего дает. Человек двадцать уж набралось, слушают Клавнюшу Квасникова, моего четыре... четвероюродного братца, который божественным делом занимается: всех-то благочинных знает-навещивает, протодиаконов и даже архиереев, и все хоругви, а уж о мощах и говорить нечего. Рассказывает, что каждый день у него праздник, на каждый день празднуют где-нибудь в приходе, и все именины знает. Его у нас так «именинником» и кличут, и еще «крестным ходом» дядя Егор прозвал. Как птица небесная, и везде ему корм хороший, на все именины попадает. У митрополита Иоанникия протиснулся на кухню, повару просфору поднес, вчера, на именины,— Святителей вчера праздновали в Кремле,— Петра, Алексея, Ионы и Филиппа, а повар, как раз,— Филипп. Так ему наложили в сумку осетрины заливной, и миндального киселика в коробке, и пирогов всяких, и лещика жареного с грибами, с кашкой, с налимьим плесом. А сам-то он не вкушает, а все по бедным-убогим носит, и так ежедень. И книжечку-тетрадку показал,— все у него там приходы вписаны, кого именины будут. А тут сидела Полугариха из бань, которая в Иерусалиме была. И говорит:

— Ты и худящий такой с того, что по аменинам ходишь, и нос, как у детела, во все горшки заглядываешь на кухнях!

А Клавнюша смиренный, только и сказал:

— Нос у меня такой, что я прост, все меня за нос водят.

Значит, всем покоряется. И у него деньги выманивают, что благочинные дают ему. И что же еще сказал!..

— Остерегайтесь барина, который в красном картузе, к вам заходит... просфорок от него не принимайте!

И что же оказывается!..— Горкин даже перепугался и стал креститься. А это про барина Энтальцева. Зашел барин поздравить о. Копьева... именинник он был, благочинный нашего «сорока», от Спаса в Наливках... и поднес ему просфору за гривеник,— от Трифона-мученика, сказал. Клавнюшка-то не сказал о. благочинному, а он барина застал у заборчика в переулке: ножичком перочинным... просфорку... сам вынимает!.. «Не сказывай никому» — барин-то попросил,— «к обедне я опоздал, просфору только у просвирни захватил, а без вынудия-то неловко как-то... ну, я за него сам и помолился, и частицу вынул с молитвой, это все равно, только бы вера была». А благочинный и не заметил, чисто очень вынута частица, и дырочек наколол в головке, будто «богородичная» вышла.

И стали мы с Клавньюшей считать, сколько завтра нам кондитерских пирогов и куличей нанесут. В прошедшем году было шестьдесят семь пирогов и двадцать три кулича,— вписано у него в тетрадку. Ему тогда четыре пирога дали — бедным кусками раздавать. Завтра с утра понесут, от родных, знакомых, подрядчиков, поставщиков, арендаторов, прихожан,— отец староста церковный у Казанской,— из уважения ему и посылают. А всяких просвирок и не сосчитать. В передней плотники поставили полки — пироги ставить, для показа. И чуланы очистили для сливочных и шоколадных пирогов-тортов, самых дорогих, от Эйнема, Сиу и Абрикосова,— чтобы похолодней держать. Всем будем раздавать, а то некуда и девать. Ну, миндальные-марципаные побережем, постные они, не прокисают. Антипушка целый пирог получит. А Горкин больше куличики уважает, ему отец всегда самый хороший кулич дает, весь миндалем засыпанный,— в сухари.

Приехал Фирсанов, с поварами и посудой, поварской дух привез. Гараньку из Митриева трактира вызвал — делать редкостный соус из тертых рябчиков, как у графа Шереметьева. И дерзкий он, и с поварами дерется, и рябиновки две бутылки требует, да другого такого не найти. Говорят, забрал припасы с рябиновкой, на погребнице орудует, чтобы секрет его не подглядели. На кухне дым коромыслом, навезли повара всякого духовитого припасу, невиданного осетра на заливное,— осетровый хвостик с полка по мостовой трепался — всю ночь будут орудовать-стучать ножами, Марьюшку выжили из кухни. Она и свои иконки унесла, а то халдеи эти Святых табачищем своим задушат, после них святить надо.

Пора спать идти, да сейчас Василь-Василич от Филиппова прибежит,— что-то про крендель скажет? Уж и бежит, веселый, руками машет.

— Выпекли знатно, Михал Панкратыч!.. до утра остывать будет. При мне из печи вынали, сам Филиппов остерегал-следил. Ну, и крендель... Ну, дышит, чисто живой!.. А пекли-то... на солошке его пекли да заборчиком обставляли, чтобы не расплывался. Следили за соложкой строго... время не упустить бы, как в печь становить... не горит соломка — становь. Три часа пекли, выпекала дрожью дрожал, и не подходи лучше, убьет! Как вынать, всунул он в него, в крендель-то, во какую спицу...— ни крошинки-мазинки на спице нет, в самый-то раз. Ну; уж и красота румяная!..— «Никогда, говорит, так не задавался, это уж ваше счастье». Велел завтра поутру забирать, раньше не выпустит.

Отец и не ожидает, какое ему торжество-празднование завтра будет. Горкин щит две ночи мастерил, в украдку. Ондрейка тонкую резьбу вывел, как кружево. Увезли щит-поднос в бани, когда стемнело. Завтра, раным-рано поутру, после ранней обедни, все выборные пойдут к Филиппову. Погода бы только задалась, кренделя не испортила...— ну, в случае дождя, прикроем. Понесут на головах, по Пятницкой, по Ордынке, по Житной, а на Калужском рынке завернут к Казанской, батюшка выйдет — благословит молитвой и покропит. Все лавочники выбегут,— чего такое несут, кому? А вот, скажут,— «хозяину благому», на именины крендель! И позавиствуют. А вот заслужи, скажут, как наш хозяин, и тебе, может, поднесут... это от души дар такой придуман, никого силой не заставишь на такое.

Только бы дождя не было! А то сахарные слова размокнут, и не выйдет «хозяину благому», а размазня. Горкин погоду знает, говорит,— может, и дождичка надует, с заката ветер. На такой случай, говорит, Ондрейка на липовой досточке букочки вырезал, подвел замазкой и сусальным золотцем проложил: «съедят крендель, а досточка те и сохранится».

Три ящика горшановского пива-меду для народа привезли, а для гостей много толстых бутылок фруктовой воды, в соломенных колпачках, ланинской — знамени-

той, моей любимой, и Горкин любит, особенно черносмородинную и грушевую. А для протодьякона Примагентова бутылочки-коротышки «редлиховской» — содовой и зельтерской, освежаться. Будет и за обедом, и за парадным ужином многолетие возглашать, горло-то нужно чистое. Очень боятся, как бы не перепутал: у кого-то, сказывали, забыли ему «редлиховской», для прочистки, так у него и свернулось с многолетия на... — «во блаженном успении...» — такая-то неприятность была. Слабость у него еще: в «трынку» любит хлестаться с богатыми гостями, на большие тысячи рискует даже, — ему и готовят освежение. Завтра такое будет... — и певчие пропоют-прославят, и хожалые музыканты на трубах придут трубить, только бы шубы не пропали. А то в прошедшем году пришли какие-то потрубить-поздравить, да две енотовые шубы и «поздравили». И еще будет — «удивление», под конец ужина, Горкин мне пошептал. Все гости подивятся: «сладкий обман для всех». Что за сладкий обман?..

— А еще бу-дет... вот уж бу-дет!.. Такое, голубок, будет, будто весна пришла.

— А это почему... будто весна пришла?

— А вот, потерпи... узнаешь завтра.

Так и не сказал. Но что же это такое — «будто весна пришла»? Да что же это такое... почему Ондрейка в зале, где всегда накрывают парадный ужин, зимнюю раму выставил, а совсем недавно зимние рамы вставили и замазали наглухо замазкой? Спрашиваю его, а он — «Михаила Панкратыч так приказали, для воздуха». Ну, я, правду сказать, подумал, что это для разных барынь, которые табачного курева не любят, у них голова разбаливается, и тошно им. Дядя Егор кручонки курит самые злющие, «сапшалу» какую-то, а Кашин, крестный, — вонючие сигарки, как Фирсанов. А когда они в «трынку» продуются, так хоть святых выноси, чад зеленый. А они сердятся на барынь, кричат: «не от дыму это, а облопаются на именинах, будто сроду не видали пирогов-индюшек, с того и тошнит их, а то и «от причины»! Скандал прямо, барыни на них только всеерками машут.

После только я понял, почему это выставили — «для воздуха». Такое было... — на всю Москву было разговору! — самое лучшее это было, если кренделя не считать, и еще — «удивления», такое было... никто и не ожидал, что будет такая негаданность-нежданность, до слез веселых. Помню, я так и замер, от светлого, радостного во мне, — такого... будто весна пришла! И такая тогда тишина настала, так все и затаилось, будто в церкви... — муху бы слышно было, как пролетит. Да мухи-то уж все кончились, осень глухая стала.

Празднование

Никак не могу заснуть, про именины все думаю: про крендель, про «удивление», от Абрикосова, и еще что-то особенное будет, «будто весна пришла». В прошедшем году после сладкого крема вдруг подали котлеты с зеленым горошком и молодым картофелем-подрумянкой, все так ахнули, даже будто обидно стало: да что это такое, деревенские они, что ли, — после сладкого, да отбивные котлеты! А тут-то и вышло «удивление»: из сладкого марципана сделано, а зеленый горошек совсем живой, — великое мастерство, от Абрикосова. А завтра какое будет, теперь-то уж не обманешь марципаном! Я Христом-Богом Горкина умолял сказать, — не сказал. Я ему погрозила даже, — не буду за него молиться, что-нибудь и случится с ним, детская-то молитва доходчива, всем известно. И то не сказал, запечалился только:

— Твоя воля, не молись... может, ногу себе сломаю, тебе на радость.

Оба мы поплакали, а не сказал: папашенька ему заказал сказывать. И еще я все стишки про себя наговаривал, Сонечка заставила меня выучить, сказать при гостях папашеньке, как в подарок. Длинные стишки, про ласточек и про осень, на золоти-

стой бумажке из хрестоматии Паульсона я списал. Только бы не сбиться, не запнуться завтра, все у меня выходит — «пастурций в нем огненный куст», вместо «настурций», — цветы такие, осенние. Ах, какие стишки, осень печальная будто на душе, Сонечка так сказала. И у меня слезы даже набегают, когда досказываю: «И вот, их гнездо одиноко, — они уж в иной стороне... — Далеко, далеко, далеко...» И повара еще подо мной, на кухне, кастрюлями гремят, ножами стучат... и таким вкусным пахнет, пирожками с ливером, или заливным душистым... — живот даже заболел от голода, супцу я только куриного поел за ужином. А Клавнюша спит-храпит на горячей лежанке: а подвиг голодный соблюдает, другой год не ужинает, чтобы нечистый дух через рот не вошел в него, — в ужин больше они одолевают, на сон грядущий, — странник один поведаль. И я ужинать перестать хотел, а Горкин наказал мне рот крестить, и тогда дорога ему заказана. Ну, все-таки я заснул, как петушки пропели.

Утром — солнце, смотрю, горит, над Барминихиным садом вышло. Вот хорошо-то, крендель-то понесут открыто, сахарные слова не растекутся. Отец — слышу его веселый голос — уже вернулся, у ранней обедни был, как всегда в свой именинный день. Поет в столовой любимую мою песенку — «Не уезжай, голубчик мой, — не покидай поля родные...» Господи, хорошо-то как... сколько будет всего сегодня! В доме все перевернуто: в передней новые полочки поставили, для кондитерских пирогов и куличей, в столовой «закусочная горка» будет, и еще прохладительная — воды, конфеты, фрукты; на обед и парадный ужин накроют столы и в зале, и в гостиной, а в кабинете и в матушкиной рабочей комнате будут карточные столы.

Хоть и День Ангела, а отец сам засветил все лампадки, напевая мое любимое — «Кресту-у Тво-е-му-у...» — слышал еще впросонках, до песенки. И скворца с соловьями выкупал, как всегда, и все клетки почистил, и корму задал нашим любимым птичкам. Осень глухая стала, а канарейки в столовой так вот и заливаются, — пожалуй, знают, что именины хозяина. Все может чувствовать Божья тварь, Горкин говорит.

В новом, золотисто-коричневом, костюмчике, со шнурочками и золотистыми стеклянными пуговками, я вбегаю в столовую и поздравляю отца со Днем Ангела. Он вкушает румяную просвиру и запивает сладкой-душистой «теплотцою» — кагорчиком с кипятком: сегодня он причащался. Он весь душистый, новый какой-то даже: в голубом бархатном жилете с розанами, в белоснежной крахмальной рубашке, без пиджака, и опрысканый новым флердоранжем, — радостно пахнет праздничным от него. Он весело спрашивает меня, что подарю ему. Я подаю ему листочек со стишками. Все, даже Сонечка, слушают с удивлением, как я наизусть вычитываю — «Мой сад с каждым днем увядает...» — даже «настурций» не спутал, вместо «пастурций». А когда я горько вздохнул и молитвенно выговорил-пропел, как наставляла Сонечка, — «О, если бы крылья и мне!..» — отец прихватил меня за щеку и сказал: «да ты, капитан, прямо, артист Мочалов!» — и подарил мне серебряный рубль. И все хвалили, даже фирсановские официанты, ставившие закуски на «горке», сунули мне в кармашек горячий пирожок с ливером.

И вдруг, закричали с улицы — «парадное отворяй, несут!..» А это крендель несут!..

Глядим в окошко, а на улице на-роду!!! — столько народу, из лавок и со дворов бегут, будто икону принимаем, а огромный румяный крендель будто плывет над всеми. Такой чудесный, невиданный, вкусный-вкусный, издали даже вкусный.

Впереди Горкин держит подставочку; а за ним четверо, все ровники: Василь-Василич с Антоном Кудрявым и Ондрейка с катальщиком Сергеем, который самый отчаянный, задом умеет с гор на коньках скатиться. Разноцветные ленты развеваются со щита под кренделем, и кажется, будто крендель совсем живой, будто дышит румяным пузиком.

— И что такое они придумали, чудачье!..— вскрикивает отец и бежит на парадное крыльцо.

Мы глядим из сеней в окошко, как крендель вносят в ворота и останавливаются перед парадным. Нам сверху видно сахарные слова на подрумянке:

«ХОЗЯИНУ БЛАГОМУ»

А на вошеной дощечке сияет золотцем — «...на день А н г е л а».

Отец обнимает Горкина, Василь-Василича, всех... и утирает глаза платочком. И Горкин, вижу я, утирает, и Василь-Василич, и мне самому хочется от радости заплакать.

Крендель вносят по лестнице в большую залу и приставляют полого на рояле, к стенке. Глядим — и не можем наглядеться,— такая-то красота румяная! и по всем комнатам разливается сдобный, сладко-миндальный дух. Отец всплескивает руками и все говорит:

— Вот это дак уважили... ах, ребята... уважили!..

Целуется со всеми молодцами, будто христосуются. Все праздничные, в новеньких синих чуйках, в начищенных сапогах, головы умаслены до блеска. Отец поталкивает молодцов к закускам, а они что-то упираются — стыдятся словно. «Горка» уже уставлена, и такое на ней богатство, всего и не перечесать: глаза разбегаются смотреть. И всякие колбасы, и сыры разные, и паюсная, и зернистая икра, сардины, кильки, копченые, рыбы всякие, и семга красная, и лососинка розовая, и белорыбица, и королевские жирные селетки в узеньких разноцветных «лодочках», посыпанные лучком зеленым, с пучком петрушечьей зелени во рту; и сиг аршинный, сливочно-розоватый, с коричневыми полосками, с отблесками жирка, и хрящи разварные голоvizны, мягкие, будто кисель янтарный, и всякое заливное, с лимончиками-морковками, в золотистом ледку застывшее; и грудка горячих пунцовых раков, и кулебяки, скромные и постные,— сегодня день постный, пятница,— и всякий, для аппетита, маринадец; и румяные расстегайки с вязигой, и слоеные пирожки горячие, и свежие паровые огурчики, и шинкованная капуста, сине-красная, и почки в мадере, на угольках-конфорках, и всякие-то грибки в сметане,— соленые груздирьжики...— всего и не перепробовать.

Отцу некогда угощать, все поздравители подходят. Он поручает молодцов Горкину и Василь-Василичу. Старенький официант Зернышков накладывает молодцам в тарелочки того-сего, Василь-Василич рюмочки наливает, чокается со всеми, а себе подливает из черной бутылки с перехватцем, горькой, Горкину — икемчику, молодцам — хлебного винца,— «очищенной». И старшие банщицы тут, в павлиньих шалях, самые уважаемые: Домна Панферовна и Полугариха. Все диву, прямо, даются,— как же парадно принимают! — царское, прямо, угощение.

Отец не уходит из передней, принимает народ. Из кухни поднимаются по крутой лестнице рабочие и служащие наши, и «всякие народы», старенькие, убогие, подносят копеечные просвирки-храмики, обернутые в чистую бумажку, желают здоровьица и благоденствия. В детской накрывают официанты стол с мисками, для людей попроще. Звонки за звонками на парадном. Приехали важные монахи из Донского монастыря: настоятель и казначей, большую просфору привезли, в писчей, за печатями, бумаге,— «здравную». Им подают в зале расстегаи и заливную осетрину, наливают в стаканчики мадерцы,— «для затравки». От Страстного монастыря, от Зачатьевского, от Вознесенского из Кремля — матушки-казначейши привезли шитые подзоры под иконы, разные коврики, шитые бисером подушечки. Их угощает матушка кофеем и слоеными пирожками с белужинкой. Прибывают и с Афонского подворья,— отец всегда посылает на Афон страховые пакеты с деньгами,— поют величание мученику Сергию, закусывают и колбаской, и ветчинкой: по ихнему уставу и мясное разрешается вкушать; очень лососинку одобряют.

С раннего утра несут и несут кондитерские пироги и куличи. Клавнюша с утра у ворот считает, сколько чего несут. Уж насчитал восемь куличей, двадцать два кондитерских пирога и кренделек. А еще только утро. Сестрицы в передней развязывают ленточки на картонках, смотрят, какие пироги. Говорят — кондитерский калач, румяный, из безе, посыпан толченым миндалем и сахарной пудрой, ромовый, от Фельша. Есть уже много от Эйнема, кремовые с фисташками; от Абрикосова; с цукатами, миндально-постный, от Виноградова с Мясницкой, весь фруктовый, желе ананасным залит. И еще разные: миндальные, воздушно-бисквитные, с вареньем, с заливными орехами, в зеленоватом креме из фисташек, куличи и куличики, все в обилие, в белом розовом сахаре, в потеках. Родные и знакомые, прихожане и арендаторы, подрядчики и «хозяйчики»... — и с подручными молодцами посылают, несут и сами. Отходник Пахомов, большой богач, у которого бочки ночью вывозят «золото» за заставу, сам принес большущий филипповский кулич, но этот кулич поставили отдельно, никто его есть не станет, бедным кусками раздадут. Все полки густо уставлены, а пироги все несут, несут...

В летней мастерской кормят обедом нищих и убогих — студнем, похлебкой и белой кашей. В зимней, где живет Горкин, обедают свои и пришлые, работавшие у нас раньше, и обед им погуще и посытней: солонинка с соленым огурцом, лапша с гусиным потрохом, с пирогами, жареный гусь с картошкой, яблочный пирог, — «царский обед», так и говорят, пива и меду вволю. За хозяина Горкин, а Василь-Василича вызвали наверх, «для разборки». И что ж оказывается?..

Пришли на именины, к парадному обеду, о. Виктор с протодьяконом Примагентовым. Пропели благоденствие дому сему. О. Виктор и сообщает, что сугубая вышла неприятность: прислал записку о. благочинный нашего «сорока», Николай Копьев, от Спаса в Наливках, по соседству, почему трезвонили у Казанской, — преосвященного, что ли, встречали, или у нас нонче Пасха? А это кренделю был трезвон! Вышел о. Виктор к церкви покропить именинную хлеб-соль, а трапезник со звонарем в трезвон пустили, будто бы о. настоятель благословил ради торжества! — так им Василь-Василич загодя еще объявил, а сие ложь и соблазн великий.

— Вышла сугубая неприятность... а пуще всего, может дойти и до самого высокопреосвященного!

А помимо будущего назидания и даже кары, запретил о. благочинный трапезнику славить по приходу на Рождестве.

Василь-Василич вошел в залу опасливо, кося глазом, будто видит самое страшное, и волосы на голове у него рыжими вихрами встали, словно его таскали за волосы; и рыжая борода у него измялась, и дух от него — живой-то перегар кабацкий. А это он уж заправился сверх меры, подчуя с «горки» молодцов.

О. Виктор приказал ему говорить, как все было. Василь-Василич стал каяться, что так ему в голову вступило, «для уважения торжества». Что уж греха таить, маленько вчера усдобил трапезника и звонаря в трактире солянкой, маленько, понятно, и погрелись... ну, и дернула его нелегкая слукавить: староста, мол, церковный именинник завтра, хорошо бы из уважения трезвон дать... и о. настоятель, мол, никак не воспрещает.

— Простите, ради Христа, батюшка о. Виктор... от душевности так, из уважения торжества... хозяин-то хорош больно!

О. Виктор пораспек его:

— И неистов же ты, Василий... а сколь много раз каялся на духу у меня!

И все мы тут ужасно удивились: Василь-Василич так и рухнул в ноги о. Виктору, головой даже об пол стукнул, будто прощенья просит, как на масленице в прощенное воскресенье. Протодьякон поставил его на ноги и расцеловал трижды, сказав:

— Ну, чистое ты дите, Василич!..

И все мы прослезились. И еще сказал протодьякон:

— Да вы поглядите на сей румяный крендель! Тут, под миндалем-то, сердце человеческое горит любовью!.. ведь это священный крендель!..

И все мы стали глядеть на крендель. Всю рояль он занял, и весь — такая-то красота румяная! Тут о. Виктор и говорит:

— А, ведь, сущая правда... это не кренделю-мукe трезвон был, а, воистину, — сердцу человеческому. От преизбытка сердца уста глаголят, в Писании сказано. А я добавлю: ...«и колокола трезвонят, даже и в неурочный час». Так и донесу, ежели владыка затребует пояснений о трезвоне.

И тут — ну прямо чудо объявилось. Бежит Михал Панкратыч и кричит истово:

— Сам преосвященный в карете... уж не к нам ли?!.

И что же оказалось: к нам! Отец приглашал его на парадный обед, а преосвященный надвое, в раздумчивости, сказал: «Господь приведет — попомню».

И вот, попомнил. Самое празднование тут-то и началось.

Так в сенях грохнуло, словно там стены рухнули, в зале задребезжали стекла, а на парадном столе зажужжало в бокальчиках, как вот большая муха когда влетит. А это наши певчие, от Казанской, и о. протодьякон архиерея встретили, «исполать» ему вскрикнули. Певчие шли отца поздравить, а тут как раз и архиерей подъехал. В доме переполох поднялся, народу набилось с улицы, а Клавнюша стал на колени на дворе и воспел «встречу архиерейскую». А голос у него — будто козел орет. Архиерей даже спросил, чего это юноша вопит... больной, что ли? И тут вот что еще случилось.

Архиерея под руки повели, все на него глазели, а прогорелый Энтальцев-барин, который в красном картузе ходит, с «солнышком», и нос у него сизый, перехватил у какого-то парнишки пирог от Абrikосова, с лету перехватил — сказал: «от Бутина-лесника, знаю! я сам имениннику вручу, скажи — кланяются, мол, и благодарят». И гривенник тому в руку сунул. Это уж потом узнали. А парнишка-раззява доверился и ушел. Барин отдал пирог Василь-Василичу и сказал:

— От меня, дорогому имениннику. От тетки наследство получил, вот и шикнул. Но только вы меня теперь за главный стол посадите, как почетного гостя, а не за задний стол с музыкантами, как летось, я не простой какой!

Сестры, как раскрыли пирог, так и вскричали:

— Какой чудесный! сладкая ваза с грушами из марципана! это в десять рублей пирог!..

И ромом от пирога, такое благоухание по комнатам. А это Бутин, из благодарности, что у него лес на стройки покупаем. Вечером все и разузналось, как сам Бутин поздравлять приехал, и такая неприятность вышла...

Архиерея вводят осторожно, под локотки. Слабым голосом вычитывает он что-то напевное перед иконой «Всех Праздников», в белой зале. И опять страшно грохнуло, даже в рояле гукнуло, и крендель пополз было по зеркальной крышке, да отец увидал и задержал. Архиерей стал ухо потирать, заморщился. Слабенький он был, сухонький, комарик словно, ликом серенький, как зола. Сказал протодьякону — потряс головкой:

— Ну, и наградил тя Господь... не глас у тебя, а рык львиный.

Болезно улыбнулся, благословил и милостиво дал приложиться к ручке.

Именинный обед у нас всегда только с близкими родными. А тут и монахи чего-то позадержались, пришлось и их пригласить. День выпал постный, так что духовным лицам и постникам рыбное подавали, лучше даже скоромного. И как подали преосвященному бульон на живых ершах и парочку расстегайчиков стерляжьих с зернистой икоркой свежей, «архиерейской», — такую только рыбник Колганов ест, —

архиерей и вопрошает, откуда такое диво-крендель. Как раз за его спиной крендель был, он уж его приметил, да и дух от кренделя истекал, миндально-сладкий, сдобный такой, приятный. Отец и сказал, в чем дело. И о. Виктор указал на поучительный смысл кренделя сего. Похвалил преосвященный благое рвение, порадовался, как наш христоролюбивый народ ласку ценит. А тут тетя Люба, — «стрекотуньей» ее зовут, всегда она бухнет сперва, а потом уж подумает, — и ляпни:

— Это, преосвященный владыка, не простой крендель, в нем сердце человеческое, и ему за то трезвон был!

Так и сгорели от стыда. Преосвященный, как поднял расстегайчик, так и остановился, и не вкусил: будто благословлял нас расстегайчиком, очень похоже было. Протодьякон махнул на тетю Любу, да рукавным воскрылием лиловым бутылку портвейнца и зацепил, и фужерчики на пол полетели. А о. Виктор так перепугался, что и словечка не мог сказать. А тут преосвященный и погрози, расстегайчиком: что-то ему, пожалуй, показалось, — уж над ним не смеются ли. А смеялись в конце стола, где сидели скоромники и вкушали куриный бульон со слоеными пирожками, а пуще всех барин Энтальцев, чуть не давился смехом: рад был, что посадили-таки с гостями, из уважения к пирогу.

Повелел преосвященный отцу Виктору пояснить, какой такой кренделю... трезвон был, в каком приходе? Тот укрепился духом и пояснил. И что же вышло! Преосвященный весь так ликом и просветлел, будто блаженный сделался. Ручки сложил ладошками, с расстегайчиком, и молвил так:

— Сколь же предивно сие, хотя и в нарушение благочиния. По движению сердца содеяно нарушение сие. Покажите мне грешника.

И долго взирал на крендель. И все взирали, в молчании. Только Энтальцев крикнул после очищенной и спросил:

— А как же, ваше преосвященство, попускают недозволительное? На сладости выпечено — «Благому», а сказано — что?! — «никто же благ, токмо един...»?

И не досказал, про Бога. Строго взглянул на него преосвященный и ручкой с расстегайчиком погрозил. И тут привели Василь-Василича, в неподобающем виде, с перепугу. Горкин под руку его вел-волочил. Рыжие вихры Василь-Василича пали на глаза, борода смялась набок, розовая рубаша вылезла из-под жилетки. А это с радости он умастился так, что о. Виктор с него не взыскал, а даже благословил за сердца его горячность. Поглядел на него преосвященный, головкой так покивал и говорит:

— Это он что же... в себе или не в себе?

И поулыбался грустно, от сокрушения.

Горкин поклонился низко-низко и молитвенно так сказал:

— Разогрелся малость, ваше преосвященство... от торжества.

А преосвященный вдруг и признал Василь-Василича:

— А-а... помню-помню его... силач-хоругвеносец! Да воздастся ему по рвению его.

И допустил подвести под благословение.

Подвели его, а он в ножки преосвященному пал, головой об пол стукнулся. И благословил его истово преосвященный. И тут такое случилось... даже и не сказать.

Тихо стало, когда владыка благословлял, и все услышали тоненький голосок, будто дите заплакало, или вот когда лапку собачке отдавили: пи-и-и-и... Это Василь-Василич заплакал так. Повели его отдыхать, а преосвященный и говорит, будто про себя:

— И в этом — все.

И стал расстегайчик вкушать. Никто сих слов преосвященного не понял тогда: один только протодьякон понял их сокровенный смысл — Горкин мне после рассказывал. Размахнулся воскрылием рукавным, чуть владыку не зацепил, и испустил рыканием:

— Ваше преосвященство, досточтимый владыка... от мудрости слово онемело!..

Никто не понял. Разобрали уже после все. Горкин мне рассказал, и я понял. Ну, тогда-то не все, пожалуй, понял, а вот теперь... Теперь я знаю: в этом жалобном, в этом детском плаче Василь-Василича, медведя видом, было: и сознание слабости греховной, и сокрушение, и радостное умиление, и детскость души его, таившейся за рыжими вихрами, за вспухшими глазами. Все это понял мудрый владыка: не осудил, а благословил. Я понимаю теперь: тогда, в писке-стоне Василь-Василича, в благословении, в мудром владычнем слове — «и в э т о м — в с е!» — самое-то торжество и было.

И во всем было празднование и торжество, хотя и меньшее. И в парадном обеде, и в том, как владыка глаз не мог отвести от кренделя, ж и в о г о! — так все и говорили, что крендель в ж и в о м румянце, будто он радуется и дышит — и в особенно ласковом обхождении отца с гостями. Такого парадного обеда еще никто не помнил: сколько гостей наехало! Приехали самые почетные, которые редко навещали: Соповы, богачи Чижовы-староверы, Баренцевы, Савиновы, Кандырины... и еще, какие всегда бывали: Коробовы, Болховитиновы, Квасниковы, Каптелины-свещники, Крестовниковы-мыльники, Федоровы-бронзовщики — Пушкину ногу отливали на памятник... и много-много. И обед был не хуже парадного ужина, — называли тогда «вечерний стол».

Уж на что владыка великий постник, — в посты лишь соленые огурцы, грузди да горошек только сухой вкушает, а и он «зачревоугодничал», — так и пошутил сам. На постное отделение стола, п о к о е м, — «П» — во всю залу раздвинули столы официанты, — подавали восемь отменных перемен, бульон на живом ерше, со стерляжьими расстегаями, стерлядь паровую — «владычную», крокеточки рыбные с икрой зернистой, уху налиమ్ью, три кулебяки «на четыре угла», и со свежими белыми грибами, и с вязигой в икре судачей, — и из лосося «тельное», и волован-ограт, с рисовым соусом и с икорным впеком; и заливное из осетрины, и воздушные котлетки из белужины высшего отбора, с подливкой из грибков с каперсами-оливками, под лимончиком; и паровые сиги с гарниром из рачьих шеек; и ореховый торт, и миндальный крем, облитый духовитым ромом, и ананасный маседуван какой-то, в вишнях и золотистых персиках. Владыка дважды крема принять изволил, а в ананасный маседуван благословил и мадерцы влить.

И скоромникам тоже богато подавали. Кулебяки, крокеточки, пирожки; два горячих — суп с потрохом гусиным и рассольник; рябчики заливные, отборная ветчина «Арсентьича», Сундучного ряда, слава на всю Москву, в зеленом ростовском горошке-молочке; жареный гусь под яблоками, с шинкованной капустой красной, с румяным пустотелым картофелем — «пушкинским», курячьи, «пожарские» — котлеты на косточках в ажуре; ананасная, «курьевская», каша, в сливочных пеночках и орехово-фруктовой сдобе, пломбир в шампанском. Просили скоромники и рыбного повкусней, а протодьякон, приметили, воскрылием укрывшись, и пожарских котлеток съел, и два куса кулебяки ливерной.

Перед маседуваном, вызвали певчих, которые пировали в детской, «на заднем столе с музыкантами». А уж они сомлели: баса Ломшакова сам Фирсанов поддерживал под плечи. И сомлели, а себя помнили, — доказали. О. протодьякон разгорелся превыше меры, но так показал себя, что в передней шуба упала с вешалки, а владыка ушки себе прикрыть изволил. Такое многолетие ему протодьякон возгласил, — никто и не помнил такого духотрясения. Как довел до... «...мно-гая лет-та-а-а...» — приостановился, выкатил кровью налитые глаза, страшные-страшные... хлебнул воздуха, словно ковшом черпнул, выпятил грудь, горой-животом надулся... — все так и замерли, будто и страх, и радость, что-то вот-вот случится... а официант старичок ложечки

уронил с подноса. И так-то ахнул... так во все легкие-нелегкие запустил...— грохот, и звон и дребезг. Все глядели потом стекло в окошке, напротив как раз протодьяконова духа,— лопнуло, говорят, от воздушного сотрясения, «от утробы». И опять многолетие возгласил — «дому сему» и «домовладыке, его тезоименитство ныне zde празднуем»... со чады и домочадцы...— чуть ли еще не оглушительнее; говорили — «и как у него не лопнет..?!» — вскрикнула тетя Люба, шикнули на нее. Я видел, как дрожали хрусталики на канделябрах, как фужерчики на столе тряслись и звякали друг о дружку...— и все потонуло-рухнуло в бешеном взрыве певчих. Сказывали, что на Калужском рынке, дворов за двадцать от нас, слышали у башни, как катилось последнее — «лет-та-а-а...» — протодьякона. Что говорить, слава на всю Москву, и до Петербурга даже: не раз оптовики с Калашниковской и богатеи с Апраксина рынка вызывали депешами — «возгласить». Кончил — и отвалился на пододвинутое Фирсановым большое кресло,— отдыхивал, отпиваясь «редлиховской» с ледком.

И так, после этой бури, упокоительно-ласково прошелестело слабенькое-владычнее — «мир ти». И радовались все, зная, как сманивал «казанскую нашу славу». Город, сулил золотые горы: не покинул отец протодьякон Примагентов широкого, теплого Замоскворечья.

Пятый час шел, когда владыку, после чаю с лимончиком, проводили до кареты, и пять лучших кондитерских пирогов вставили под сиденье — «для челяди дома владычного». Благословил он всех нас — мы с отцом подсаживали его под локоток,— слабо так улыбнулся и глазки завел — откинулся: так устал. А потом уложили о. протодьякона в кабинете на диване,— подремать до вечернего приезда, до азартного боя-«трынки», которая зовется «подкаретной».

Гости все наезжают, наезжают. Пироги-куличи несут и несут все гуще. Клавнюша все у ворот считает; там и закусывал, как бы не пропустить, а просчитался. Сестры насчитали девяносто три пирога, восемнадцать больших куличей и одиннадцать полуторарублевых кренделей, а у него больше десятка не хватало: когда владыку встречал-вопил, тут, пожалуй, и просчитался.

Стемнело. И дождь, говорят, пошел. Приехал лесник Бутин, и говорит отцу:

— Ну, как, именинник дорогой, угодил ли пирожком, заказанным особливо?

А отец и не знает, какой пирожок от Бутина. Помялся Бутин: настаивать неловко, будто вот говоришь: «как же вы пирожка-то моего не уважили?» Отец сейчас же велел дознать, какой от Бутина принесли пирог. Все пироги переглядели, все картонки,— нашли: в самом высоком пироге, в самом по виду вкусном и дорогом, от Абрикосова С-ья, «по личному-особому заказу», нашли в марципанных фруктах торговую карточку — «Склад лесных матерьялов Бутина, что на Москва-реке...». Его оказался пирог-то знаменитый! А сестры спорят: «это Энтальцев-барин презентовал!» На чистую воду все и вывели: Клавнюша сам все видал, а не сказал: боялся на всем народе мошенником осрамить барина Энтальцева: греха-искушения страшился. Хватились Энтальцева, а он уж в каретнике упокоется.

К ночи гостей полон дом набился. Приехали самые важнецкие. И пироги, самые дорогие, и огромные коробки отборных шоколадных конфет — детям, парадное все такое, и все оставляется в передней, будто стыдятся сами преподнести. Уж Фирсанов с официантами с ног посбились, а впереди парадный ужин еще, и закуски на «горке» все надо освежить, и требуют прохладительных напитков. То и дело попукивают пробки,— играет «ланинская» вовсю. Прибыли, наконец, и «живоглоты»: Кашин-крестный и дядя Егор, с нашего же двора: огромные, тяжелые, черные, как цыганы; и зубы у них большие, желтые; и самондравные они, не дай Бог. Это Василь-Василич их так прозвал — «живоглоты». Спрашиваю его: «а это чего, живоглоты... глотают

живых пескариков?» А Горкин на меня за это погрозился. А я потому так спросил, что Денис принес как-то с Москва-реки живой рыбки, Гришка поймал из воды пескарика и проглотил живого, а Денис и сказал ему: «ишь ты, живоглот!» А они потому такие, что какими-то вексельками людей душат, и все грозятся отцу, что должен им какие-то большие деньги платить.

Сейчас же протодьякона разбудили, на седьмом сне,— швыряться в «трынку». Дядя Егор поглядел на крендель, зачвокал зубом, с досады словно, и говорит:

— «Благому»!.. вот дурачье!.. Лучше бы выпекли — «плохому!».

А отец и говорит, грустно так:

— Почему же — «плохому»? разве уж такой плохой?

А дядя Егор, сердито так, на крендель:

— Народишко балуешь-портишь, потому!

Отец только отмахнулся: не любит ссор и дразг, а тут именины, гости. Был тут, у кренделя, протодьякон, слышал. Часто так задышал и затребовал парочку «редлиховских-кубастеньких», для освежения. Выпил из горлышка прямо, духом, и, будто из живота, рыкнул:

— А за сие ответишь ты мне, Егор Васильев... полностью ответишь! Сам преосвященный хвалу воздал хозяину благому, а ты... И будет с тобой у меня расправа строгая.

И пошла у них такая лихая «трынка» — все ахнули. И крик в кабинете был, и кулаками стучали, и весь-то кабинет рваными картами закидали, и полон угол нашвырял «кубастеньких» протодьякон, без перерыву освежался. И «освежал», — так и возопил в радости, — обоих «живоготов». Еще задолго до ужина прошвыряли они ему тысячу пять, а когда еще богачи подсели, — всех догола раздел, ободрал еще тысячу на семь. Никто такого и не помнил. Бил картой и приговаривал, будто вколачивал:

— А кре-ндель-миндал... ви-дал?..

Суд-расправу и учинил. Не он учинил, — так все и говорил, — а... «кре-ндель, на правде и чистоте заквашенный». А учинив расправу, размахнулся: сотнягу молодцам отсчитал, во славу Божию.

Ужин был невиданно парадный.

Было — «как у графа Шереметьева», расстарался Фирсанов наш. После заливных, соусов-подливок, индеек с рябчиками-гарниром, под знаменитым рябичным соусом Гараньки; после фаршированных каплунов и новых для нас фазанов — с тонкими длинными хвостами на пружинке, с брусничным и клюквенным желе, — с Кавказа фазаны прилетели! — после филе дикого кабана на вертеле, подали — вместо «удивления»! — по заказу от Абрикосова, вылитый из цветных леденцов душистых, в разноцветном мороженом, светящемся изнутри — живой «Кремль»! Все хвалили отменное мастерство. Отец и говорит:

— Ну, вот вам и «удивление». Да вас трудно и удивить, всего видали.

И приказал Фирсанову:

— Обнеси, голубчик, кто желает прохладиться, арбузом... к Егорову пришли с Кавказа.

Одни стали говорить — «после такого мороженого да арбузом!..». А другие одобрили: «нет, теперь в самый раз арбузика!..»

И вносит старший официант Никодимыч, с двумя подручными, на голубом фаянсе, — громадный, невиданный арбуз! Все так и загляделись. Темные по нем полосы, наполовину взрезан, алый-алый, сахарно-сочно-крупчатый, светится матово слезой снежистой, будто иней это на нем, мелкие черные костянки в гнездах малинового мяса... и столь душистый, — так все и услышали: свежим арбузом пахнет, влажной,

прохладной свежестью. Ну, видом одним — как сахар прямо. Кто и не хотел, а захотели. Кашин первый попробовал — и крикнул ужасно непристойно — «а, черрт!..» Ругнул его протодьякон — «за трапе-зой такое слово!..» И сам попался: «вот-дак ч... чуде-сия!..», и вышло полное «удивление»; все попались, опять удивил отец, опять «марципан», от Абрикосова С-ья.

И вышло полное торжество.

А когда ужин кончился, пришел Горкин. Он спал после обеда, освежил и Василь-Василича. Спрашиваю его:

— А что... говорил-то ты... «будто весна пришла»? бу-дет, а?..

Он мне мигает хитро: бу-дет. Но что же будет?

Фирсанов велит убирать столы в зале, а гостей просят перейти в гостиную, в спальню, откуда убраны ширмы и кровати, и в столовую. «Трынщиков» просят чуть погодить, проветрить надо, шибко накурено, головы болят у барынь. Открыли настежь выставленные в зале рамы. Повеяло свежестью снаружи, арбузом будто. Потушили лампы и пылкие свечи в канделябрах. Обносят — это у нас новинка,— легким и сладким пуншем; для барынь — подносы с мармеладом и пастилой, со всякими орешками и черносливом, французским, сахарным и всякой персидской сладостью...

И вдруг... — в темном зале, где крендель на рояле, заиграл тихо, переливами, детский простой органчик, какие вставляются в копилочки и альбомчики... нежно-нежно так заиграл, словно звенит водичка, радостное такое, совсем весеннее. Все удивились: да хорошо-то как, простенькое какое, милое... ах, приятно! И вдруг... — соловей!.. живой!.. Робея, тихо, чутко... первое свое подал, такое истомно-нежное,— ти-пу... ти-пу... ти-пу... — будто выкликает кого, кого-то ищет, зовет, тоскуя...

Солодовкин-птичник много мне после про соловьев рассказывал, про «перехватцы», про «кошечку», про «чмоканье», про «поцелуйный разлив» какой-то...

Все так и затаились. Дышать стало даже трудно, от радости, от счастья — вернулось лето! ...Ти-пу, ти-пу, ти-пу... чок-чок-чок-чок... третррррррр... — но это нельзя словами. Будто весна пришла. Умолк органчик. А соловушка пел и пел, будто льется водичей звонкой в горлышке у него. Ну, все притихли и слушали. Даже дядя Егор, даже ворчунья Надежда Тимофеевна, скряга-коровница, мать его...

Чокнул в последний раз, рассыпал стихавший трелью — и замолчал. Все вздохнули, заговорили тихо: «как хорошо-то... Го-споди!..» — «будто весной, в Нескучном...».

Поздно, пора домой: два пробило.

Горкин отцу радость подарил, с Солодовкиным так надумал. А отец и не знал. Протодьякон разнежился, раскинулся на креслах, больше не стал играть. Рывкнул:

— Горка!.. гряди ко мне!..

Горкин, усталый, слабый, пошел к нему, светясь ласковыми морщинками. Протодьякон обнял его и расцеловал, не молвя слова. Празднование закончилось.

Отец, тихий, задумчивый, уставший, сидел в уголку гостиной, за филодендроном, под образом «Рождества Богородицы», с догоравшей малиновой лампадкой. Сидел, прикрывши рукой глаза.



ПОВЕСТЬ

Яков Шафран
(г. Тула)

ДЕТСТВО
(повесть)



Прозаик и поэт, автор четырех сборников прозы и стихов. Печатается в журналах «Приокские зори», «Московский Парнас» и «Голос эпохи» (Москва), альманахах «Тула», «Ковчег», «На крыльях «Пегаса» и «НЛО» и в коллективных сборниках. Составитель альманаха «Ковчег» при журнале «Приокские зори» и зав. редакцией журнала. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Память детства — нет ничего важнее и нужнее этой памяти для человека. Она, как пуповина, через которую он получает необходимое подкрепление в течение всей своей жизни. Или недополучает, или вовсе не получает — это уж как кому выпадет... Во многом мы те, какими нас сформировало детство, и даже первые его пять-семь лет. Хотя отдаленные воспоминания порой могут быть фрагментарными и неясными или же, наоборот, очень яркими, это вовсе не означает, что они таковы и по силе своего влияния на человека. Самое неясное и зыбкое из них может иметь доминирующее значение.

Неизбывная тяга людей вернуться в свое детство связана либо с желанием вновь оказаться в зоне комфорта и напиться силою от родника любви и жизненной силы, исходящей от матери и отца, от друзей и родных мест, чтобы с новыми силами жить и трудиться. Либо со стремлением, что-то изменить там, найти, чтобы это измененное или найденное стало таким питающим источником. А кто-то хочет вновь вернуться в состояние маленького ребенка, может быть, даже эмбриона в утробе матери, чтобы сказать самому себе: «Видишь, жизнь, какой я маленький и беспомощный, что же ты все хочешь от меня?» Так или иначе, детство неразрывно связано с нами.

Но в детстве ни о чем таком не думается. А вся жизнь, весь мир концентрируется вокруг тебя. И все нераздельно — и детство, и мир, и жизнь, и все вокруг в ощущениях, чувствах, словах — во всем...

Поселок Брагин, где я родился, был центром мироздания, неким кругом в центре, вокруг которого был другой круг — Гомель, вмещавший в себя и первый. А вокруг Гомеля — Белоруссия, потом Россия и вокруг нее — Москва. Самой главной в этом мироздании была она, потому что по несколько раз в день из черного картонного

го репродуктора, висевшего на стене над моей кроватью, громким начальственным голосом раздавалось: «Говорит Москва!»

Хорошо помню стоящую на столе керосиновую лампу и почему-то бабушку, отца, мать и ее плачущую подругу, скорбно сидящих вокруг нее. Они говорят, что Боря погиб, что уже нет этого хорошенького способного ребенка, и плачут. А я думаю, как это Боря нет? Вот недавно, сегодня, мы с ним играли и завтра будем играть, когда с мамой пойдем с ответом в гости. И куда может деться Боря отсюда, из центра мироздания, каким является Брагин. Ведь все, кто едет по делам в Гомель, Белоруссию, Россию и даже Москву, все они через какое-то время, все до одного, возвращаются в Брагин. Правда, говорят, что некоторые не возвращаются. Может они нашли там то, чего нет в Брагине? Это странные люди, чудаки, так как в Брагине есть все. Поэтому большинство людей никуда не деваются... Боря попал под машину? Интересные люди эти взрослые! Кто же не хочет попасть под машину, чтобы посмотреть а что там находится? Посмотрит и вылезет, что непонятного, зачем плакать весь вечер? Лучше бы почитали что-нибудь вслух...

Но ни завтра, ни потом Боря из-под машины не вылез. И я понял, что люди, даже очень маленькие люди, могут исчезать просто так, не уезжая из Брагина, чтобы остаться во внешних кругах.

Керосиновая лампа имеет свойство давать такой мягкий-мягкий свет, одновременно позволяющий видеть все в комнате и сохраняющий таинственные уголки зыбкого полумрака, в которых живут загадочные тени и тайны. А за столом у самой лампы сидит бабушка Аня и что-то штопает, перештопывает. По другую сторону стола отец читает газету. Вообще-то это комната тети Фаины, двоюродной сестры бабушки. Но во второй комнате мама занимается с двумя младшими сестренками, и мы собрались здесь, чтобы не мешать. Тетя, очень устающая в ателье, где она с утра до вечера кроит и шьет, шьет и кроит, лежит сейчас на своей широкой кровати, покрытой покрывалом. Я сижу рядом с ней, так как очень люблю в это вечернее время, освещенное до сих пор в памяти этим живым светом керосиновой лампы, слушать рассказы и сказки, которые тетя говорит своим мягким задушевым голосом. И частенько она успокаивала меня после взбучек, которые я, баловник, получал от строгой мамы. Зная, что только она может это сделать, сразу же бежал к ней, прижимался и, сотрясаясь от рыданий, доверял ей все, что вмещало тогда мое сердце.

Бабушка Рая, которая после смерти тети Фаины заменила мне ее, тогда еще не жила с нами. И тетя была единственным человеком, с которым мы, дети, могли поговорить по душам, получить объяснения своим поступкам и понять, что мы все равно хорошие, только нужно чуть-чуть исправиться.

Я ждал конца рабочей смены тети Фаины и шел ей навстречу. Только заведя ее, сутулую, уставшую, размеренной походкой идущую по тропинке (тротуар у нас был с другой стороны улицы), вприпрыжку бежал ей навстречу, обнимал ее и, взяв за руку, шел рядом. У тети никогда не было своей семьи и детей, и она очень любила нас, особенно меня. Пройдя так со мной немного, она всегда давала рубль на мороженое. Я бежал к киоску, который был недалеко и покупал наше основное лакомство — молочное мороженое в белом бумажном стаканчике с деревянной плоской пластинкой-ложечкой. Если отковыривать холодную сладкую массу по чуть-чуть и слизывать ее с ложечки, смакуя вкус мороженого и дерева, то удовольствие можно продлить надолго.

В детстве я был худющий, как говорится, кожа да кости. При этом у меня были длинная шея, на которой вертелась во все стороны любопытная голова, длинные,

несоразмерные с ростом руки с худыми пальцами и такие же длинные ступни. Про походку никто ничего не говорил, но, став взрослым, узнал, что походка в течение жизни практически не меняется. Значит, она и тогда была важной. Поэтому ничего удивительного не было в том, что прилипла ко мне еще до того, как пошел в школу, кличка «гусь». Немалую роль в этом сыграли мои будущие приятели, которых я тогда, до школы, близко еще не знал, мы знали друг друга издалека.

Помню, играл как-то во дворе нашего дома, который тогда занимали две семьи. Двор отделял от улицы не забор, как позже, а простой редкий штакетник. На другой стороне улицы, на лавочке сидели двое белобрых ребят моего возраста и, показывая на меня пальцами, смеялись, крича: «Гусь, гусь!..»

Дом, у которого сидели ребята, был необычным. Там вместе с родителями и сыном жила красивая, но тихо помешанная женщина. Когда не нужно было работать по хозяйству, она часто сидела на лавочке, сложив на коленях руки, и подолгу глядела в одну точку перед собой. Рассказывали, что во время оккупации за ней ухаживал немецкий офицер, и она постепенно стала отвечать ему взаимностью. Офицер говорил, что любит, был добрым, культурным и заботливым, все время носил продукты, делал подарки. Она забеременела от него и родила сына. Когда немцы отступали, офицер уехал вместе со всеми, оставив ее одну с ребенком перед лицом всеобщего недоброжелательства и осуждения, и перед собственной совестью.

Борис вырос в высокого красивого темноволосого парня. Война закончилась всего десять лет тому назад, и в памяти людей еще было очень свежо все, связанное с ней. Поэтому друзей у него не было, знакомые одноклассники были не в счет. Девушки не дружили с ним, и Борис тянулся к нам соседским детям, лет на пять-семь моложе себя, и к ровесникам, приезжающим из Гомеля и Минска погостить к родным.

Борис рос добрым и ласковым парнем, мы дети тянулись к нему, чувствуя его доброту. Он читал нам детские книжки, мастерил с нами игрушки, играл в наши игры. Мы все знали о нем, но никогда не возникало даже желания что-то сказать, подразнить, как это часто бывает в детской среде. Надо думать, все дело было в его теплоте, она растворяла в зародыше все дразнилки, прозвища, все злое, что в избытке появлялось на наших неуправляемых еще детских языках в других ситуациях и с другими детьми, и даже взрослыми людьми.

По каким-то неведомым законам образ Бориса тесно переплелся в памяти с тетей и керосиновой лампой. Можно, рассуждая логически, попытаться вывести некие закономерности этого явления. Но мне никогда не хотелось этого делать, ибо какой-то частью души чувствовал, что хирургический нож ума может разрушить это неповторимое сплетение людей, явлений и предметов, создающих некое духовное пространство, некое окно во времени, через которое ты приобщаешься к чему-то восстанавливающему что-то в тебе, питающему и являющемуся источником света и тепла в душе.

Участок, на котором стоял наш дом, был большим, двенадцать соток сада и огорода. Каких только плодовых деревьев и ягодных кустов, посаженных трудолюбивыми руками мамы, не росло на нем. Там были разных сортов яблони, груши, сливы и вишни. По краям огорода росли черная, красная и белая смородина, крыжовник. А за сараем, как всегда в окружении крапивы, были заросли малины. Росла и клубника, но это ягода особой стати. За ней требовался постоянный уход на особой плантации, прополка, поливка. Так что правильнее сказать не она росла, а мы ее выращивали...

Благодаря этому, лето ассоциировалось для нас, детей, с возможностью выйти в сад и, что называется «от пуза», наесться фруктов и ягод. Но мать приучала нас и к

посильному труду для поддержания всего этого благолепия. Так у меня были обязанности, которые выполнял с удовольствием. Нужно было полить теплой водой из бочки грядки огурцов, помидоров, лука, чеснока, морковки и зелени, предварительно прополов их от сорняков. А затем в ту же бочку натаскать воду ведрами из колонки. Работа легко спорилась, так как выполнял ее с удовольствием.

Все остальное пространство огорода занимал картофель. Он рос высокими стеблями и для меня, это было дополнительным и увлекательным местом для игры. Индейцем, партизаном, разведчиком с самодельным автоматом из стебля подсолнуха, с приспособленным к нему прикладом и магазином, с устроенной на дуле большой рогаткой, я ползал между грядками под густой листвой, как в джунглях. Причем умудрялся так ловко изгибаться, что мог проползти весь огород, и никто не замечал никакого шевеления.

Огород переходил в болото, которое весной и осенью было полно воды, а летом высыхало. Чтобы вода быстрее уходила, были вырыты глубокие, выше человеческого роста и достаточно широкие канавы. Однажды я решил погонять лягушек в одной из таких канав, не удержался и плюхнулся в воду. Помню, вода кишела лягушками, которые, задевая меня своими лапками, кинулись врассыпную. Помню тину, характерный запах болотной воды, как я барахтался в ней. Вот тогда-то я бы, наверное, и научился плавать, если бы не сестра матери, тетя Лиза, загоравшая невдалеке. Она вытащила горе-пловца, всего обляпанного тиной и мелкими водорослями, на «берег». Таким было мое первое общение с водоемом...

Потом, по прошествии времени, уже став взрослым, я часто задумывался о том, какая все-таки интересная штука жизнь. Кто бы мог подумать, что вот такая трагическая потеря друга в первые, ранние годы, какая произошла у меня, станет началом в длинной цепочке дружеских потерь и расставаний. Но тогда, когда мне еще не было семи лет, сидя у керосиновой лампы, я вовсе не думал об этом. Да, и как я мог думать о том, чего не было. Ведь в детстве вся жизнь — это не то, что прошло, и не то, что еще не наступило, а только то, что происходит вот здесь и сейчас, и воспринимаемое глубоко и многомерно. Слова эти нашел уже потом, вспоминая свои ощущения того времени, но они очень неточны. А вернее нет терминов в языке взрослого человека, которыми можно было бы описать детское восприятие действительности. Ведь оно глубоко отличается от взрослого. Может быть, оно и есть истинное, незамутненное ничем восприятие, которое определяет во многом наши теперешние симпатии и антипатии, предпочтения и неприятия. И любовь к свечному и, вообще, спокойному огню, может быть имеет корень в той самой керосиновой лампе на столе. А тяга в течение всей жизни к старшему по возрасту другу — в том парне по имени Борис, который дружил и играл с нами в детстве. Или, например, внутренний идеал матери и жены, как доброй и теплой, спокойной, успокаивающей и, одновременно, побуждающей к самоуважению и мужеству, создавался, благодаря тете Фаине и бабушке Рае. Обо всем этом можно много говорить и спорить, и никто не даст однозначного ответа на эти вопросы. Одно могу сказать определенно, очень многое формируется в детстве и, особенно, в первые его годы.

Как я уже говорил, все свободное время проводил на земле — во дворе, на улице, в саду-огороде. Причем с мая по сентябрь включительно — практически постоянно босиком. Может быть, поэтому, когда в четырнадцать лет переехал к сестре матери на их родину в Тулу в городскую квартиру, через три-четыре месяца случился острый аппендицит.

Вслед за мной перебрались в Тулу и родители. Вначале приехал отец и устроился на работу. А через полгода и мама с двумя сестренками и с бабушкой Аней, которой

было уже восемьдесят лет. Через два года после переезда бабушка умерла. Она всю жизнь провела на земле в огороде и за шитьем, была очень спокойной и доброжелательной, ничем не болела. А тут сгорела за полтора года. Что значит оторвать человека от земли, от родных мест, где он прожил всю жизнь, и от родных корней.

Но это все было потом. А тогда о таких вещах не думалось и каждый день был как целая жизнь...

Закончилось раннее детство с приездом брата бабушки Раи из Ташкента. Он родом был с Витебщины, и его все время тянуло в среднюю полосу. Первым же делом дедушка Илья арендовал лодку, и мы с ним на целый день уплывали по Брагинке с удочками. Мои родители, несмотря на то, что жили в сельской местности, не были любителями походов далее чем в парк, кинотеатр или на рынок. С дедом мы не только катались на лодке, но и уезжали в лес за грибами и ягодами, бродили по окрестностям поселка, ездили в лес на машине.

Эти сказочные путешествия на всю жизнь врезались мне в память, так как тогда передо мной впервые открылись двери в природу. До сих пор свежи в памяти запахи речной воды, тины, кувшинок и трепещущей в ведре рыбы, запахи леса — примятой дождем травы, елей и сосен, набело вымытых березок, молодцеватых дубков, ясеней и грабов, пьянящих земляники, черники и всевозможных грибов. Для меня это было волшебной сказкой. С тех самых пор я не могу жить без контакта с землей, водой, лесом, полем, без всего того, что можно назвать одним словом мать Природа.

Приближался сентябрь. А в конце октября мне исполнилось семь лет. Родители хотели, чтобы я пошел в школу через год. Но дед настоял на поступлении в школу в этом году.

Каждый знает, что школа накладывает на все происходящее с тобой и вокруг тебя свой отпечаток, игры и отношения становятся уже другими, наполненными несколько иным содержанием. Поэтому в том сентябре началась для меня другая жизнь.

Знаковым, предопределившим многое в моей жизни стал день первого сентября 1957 года — первый школьный день. В поселке было две школы — белорусская и русская. В русской школе было два первых класса и, соответственно, две учительницы. Одна, Клавдия Дмитриевна, была добрейшей души человек, буквально излучающая свет доброты, а другая, к сожалению не запомнил ее имени-отчества, — строгая, жесткой манеры поведения... И на протяжении всего этого первого дня каждая из них неоднократно уводила меня за руку из другого класса в свой. С тех пор два начала, воплощенные в этих учительницах, состязались во мне в жизни и творчестве. Но победило все же светлое, благодаря доброй учительнице, незабвенной Клавдии Дмитриевне...

(Продолжение следует)



СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Николай Макаров
(г. Тула)



РАЗМЫШЛЕНИЯ О МОРАЛЯХ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Шел Человек по дороге. Солнышко на небе умытое утренним дождем. Радуга семицветная над дорогой. Кругом птички весело щебечут. Засмотрелся Человек на красоту начинающегося летнего дня. Задумался, замечтался и... И полетел вверх тор-машками. Не заметил камень на дороге. Споткнулся о камень. Перелетел через ка-мень. Перелетел, сильно ушибся, крикнул с досады.

— Непорядок,— сказал сам себе Человек и передвинул камень с дороги. Чтобы никто больше об этот камень не спотыкался. И не падал.

Пошел Человек, весело насвистывая, дальше по дороге. И... И угодил в пасть Дракона.

Мораль? Будет, мораль...

Другой Человек шел по этой дороге. Солнышко стояло над головой, в траве весе-ло стрекотали кузнечики. Засмотрелся Человек на красоты летнего дня. Задумался, замечтался и... И увидел на обочине дороги камень. Присел. Передохнул. Перекусил.

Пошел Другой Человек, весело насвистывая, дальше по дороге и... И угодил в пасть Дракону.

Мораль? Будет, будет мораль...

Третий Человек шел этой дорогой. Солнышко завершало свой дневной путь, от-брасывая тени от недалеких сосен. Пташки перестали щебетать, стрекотать перестали кузнечики. Засмотрелся Третий Человек на красоты наступающего вечера. Задумался, замечтался и... И увидел на обочине дороги камень. Присмотрелся. Обошел ка-мень. Перевернул камень. Прочитал надпись на камне. Прочитал об опасности впе-реди. Прочитал о Драконе. И... И победил Дракона.

Мораль?

А нужна ли здесь мораль?

Летела сорока. Вертела головой. Трещала на весь окрест. Ничего вокруг не виде-ла, ничего не замечала.

Летела стая воробьев. Чирикали, заглушая все другие звуки. Спорили друг с другом. Ничего вокруг не видели, ничего не замечали.

Летела ворона. Внимательно смотрела по сторонам. Все видела, все примечала. И заметила на дороге... кусочек сыра.

Мораль: Бог помогает тем, кто ищет.

Вторая мораль: Бог не помогает тем, кто найдет и потом разевает рот.

Посадил Дед репку. И выросла репка... маленькая-премаленькая. С ноготок. В траве не видно даже вершков от репки.

Мораль: поливать, удобрять и пропалывать огород надо — тогда и репка вырастет большая-пребольшая.

Снесла курочка Ряба не простое, а золотое яичко. Дед бил-бил, не разбил. Бабка била-била, не разбила. Бежала мышка, хвостиком вильнула, яичко и разбилось.

Снесла курочка Ряба второе золотое яичко. Опять мышка бежала, хвостиком вильнула, яичко и разбилось.

В третий раз снесла курочка Ряба золотое яичко. И вновь мышка вильнула хвостиком и... И попала в мышеловку.

Мораль: и золотое яичко может оказаться бесплатным сыром в мышеловке.

Жил старик со старухой у самого синего моря. Пошел однажды старик к синему морю, забросил невод и с первого раза вытянул подводную лодку иностранного происхождения. Рассердился старик, рассердилась старуха и выдали они этим долбаным иностранцам по полной программе. Лодку сдали в утиль. Весь экипаж во главе с капитаном посадили на хлеб и воду. Все удобства — во дворе. Рабочий день ненормированный им сделали: с раннего утра до позднего вечера, без перекуров и перерыва на обед.

Мораль: неча шляться кому ни попадя в дедовых территориальных водах и искать себе на якорь приключения.

Отец у сына был Козел. Мать у сына была Козочка. А сын вырос Баран бараном.

Мораль: и от Козлов рождаются Бараны, если мамы — якобы, невинные Козочки.

Искал, искал Иван-дурак в своем царстве крокодилов, но так и не нашел. Не водились в этом царстве-государстве крокодилы. За моря-океаны ехать за крокодилами далеко, а сапожки из крокодиловой кожи Василисе Прекрасной подавай к завтрашнему утру. А не подашь сапожки — голова с плеч. Уже наточен меч.

— Дурак-Иван, чего голову повесил, чего с утра не весел? — с вопросами пристал к Ивану знакомый Змей Горыныч.

Узнав о беде Ивана, Змей Горыныч долго не раздумывал.

— Руби мне хвост! Для тебя, дурак-Иван, ничего не жалко!

— Как ты без хвоста летать-то будешь?

— Другой отрастет! Я — ящерица или кто?

Мораль: друг познается в беде.

Другая мораль: на безкрокодиле и из хвоста Змея Горыныча получатся замечательные крокодилы сапожки для Василисы Прекрасной.

Человек вырыл яму ближнему, но упал в нее сам. Сын Человека вырыл свою яму для сына ближнего, но упал в нее сам.

Мораль: яблоко от яблони падает недалеко.

Вход забили, выход заколотили. Ни вверх, ни вниз. Ни вправо, ни влево. Ни вперед, ни назад. Куда ни кинь — всюду тупик.

Мораль: хода нет — ходи с бубей!

Летела стая птиц. Навстречу ей — один гусь.

— Здравствуйте, сто гусей! — приветствовал стаю одинокий гусь.

— Братан, фильтруй базар! — раздалось в ответ карканье из стаи.

Мораль: гуси стаями не летают — у них другой стиль пилотажа.

Повстречался с Красной Шапочкой Серый Волк и как ломанул, не разбирая дороги, через бурелом, как ломанул, только пятки засверкали.

И не надо нам ля-ля-кебаб на уши вешать этой сказкой.

Мораль: ненавидят волки красный цвет, бояться его — будь то красные флажки, будь то красные шапочки.

Наезжал КАМАЗ, наезжал на 600-й, но так и не наехал. Мимо еле телепался «горбатый», хлопнул капотом, кашлянул выхлопом и... И — вдребезги 600-й, восстановлению не подлежит, развеян на мелкие кусочки по окрестностям.

Мораль: начальная скорость гранаты из гранатомета не зависит ни от крутизны навороченного «мерса», ни от крутизны горба «запора», откуда эта граната вылетела.

Человек на дереве пилил сук, на котором сидел. Пилил, пилил и отпилил его. Сук упал, а человек продолжал сидеть на месте спиленного сука.

Мораль: Карлсон может позволить себе и такую роскошь.

Вскочил Иван-царевич в седло и поскакал. И только на третий день скачки заметил, что сидит в седле, которое лежит на полу конюшни, а рядом бурый волк доедает его коня.

Мораль: прежде, чем скакать куда-то, накорми товарища. Тамбовского.

Мой меч — своя голова с плеч.

Мораль: дурная голова и своим дурным рукам покоя не дает.

Голова — хорошо, а три — лучше.

Мораль: если рубите, отрубайте все три головы.

На овощехранилище вначале сгнили огурцы, затем помидоры, потом капуста и т. д., и т. п.

Мораль: каждому овощу — свое время.

В первом классе изучали умножение на единицу, во втором — на два, в третьем — на три... в десятом — на десять. Умножение на сто...

Мораль: век живи — век учись и выучишь умножение на сто.

Голому королю портняжки меняли одно платье за другим — и все восхищались нарядами.

Мораль: во всех ты, душечка, нарядах хороша.

Электрик полез на фонарный столб заменить перегоревшую лампочку. Мимо него вдруг пролетела стая напильников. Электрик, забыв и про лампочку, и про столб,

обеими руками хотел захватить как можно больше этих самых напильников и... И полетел вверх тормашками на землю.

Мораль: на чужой каравай (т. е. на напильники) рот не разевай.

Один древний грек захотел обхитрить самого Прокруста и лег к нему в кровать в специально сделанных протезах. Но в тот день Прокруст проснулся не в духе и решил укорачивать не со стороны ног, а со стороны головы.

Мораль: и на каждого хитроумного древнего грека всегда найдется болт (т. е. Прокруст) с левой резьбой.

Один Чел все время падал и набивал себе всюду шишки. Чтобы покончить с этим безобразием, он везде расстелил соломы и перестал, падая, набивать шишки. Но однажды он упал в глубокое озеро и, не смотря на то, что и озеро было все в соломе, Чел утонул.

Мораль: на соломку надейся, но спасательный круг и бронежилет всегда держи за пазухой сухим.

Икар подлетел близко к солнцу, воск на его крыльях растаял — Икар упал на землю и разбился.

Мораль: камикадзе парашютов не берут.

В детской задачке на сообразительность говорится, что на березе растут яблоки и т. д., и т. п.

Мораль: правильно говорится, если за дело взялись юные мичуринцы — и на березах, и на дубах, и на Марсе будут яблоки расти.

Ехала по дороге машина, ехала, ехала и заглохла. Стала на середине дороги. Пробка образовалась. Никто не знает, что делать с заглохшей машиной. Вдруг, откуда ни возьмись, подходит наш Чел. Глянул на машину, дунул-плюнул, что-то крутанул — завелась машина. Поехала машина с Челом. Рассосалась пробка.

Мораль: на каждую хитрую пробку найдется наш Чел с левосторонним штопором.

Другая мораль: без Чела всякая машина — грудa металла.

Шел грека через реку.

Видит грека — в реке рак.

Сунул грека руку в реку —

Крокодил за руку хватать.

Мораль: не можешь отличить рака от крокодила, не суй в реку руку, даже если ты — грек.

Однажды лебедь, рак да щука... а воз и ныне там.

Мораль: прежде, чем взяться за какое-то дело, сообрази на троих, сгоняй в магазин и воз сам сдвинется с мертвой точки.



Андрей Шендаков
(г. Орел)

ПЕРЕПОЛНЕННАЯ ЧАША
(рассказы)



Андрей Игоревич Шендаков родился 22 июня 1978 года на окраине г. Болхова Орловской области. Стихи пишет с 12, прозу — с 20 лет. В 1999 году стал лауреатом районного поэтического конкурса, первое стихотворение было опубликовано в газете «Болховские куранты» в 2001 г. В 1996 году окончил училище, в 2001 — университет, а затем очную аспирантуру, в 2004 году защитил кандидатскую, в 2009 — докторскую диссертацию. Работал на селе, с 2004 года преподает в университете, в настоящее время — на должности профессора. С 2013 года — федеральный эксперт в научно-технической сфере.

Публиковался в журналах «Молодая гвардия» (2006, 2007, 2009—2011), «Наши современники» (2005, 2008), «Московский вестник» (2006), «Роман-журнал XXI век» (2004, 2009, 2010), «Огни Кузбасса» (2012), «Родная Ладога» (2012), «Стражник» (2013), альманахах «Орел литературный» (2006, 2008, 2010, 2011) и «Золотая строфа» (2011), газете «Российский писатель» (2009), сборниках «Симфония» (2006), «Зеркало Пегаса» (2008) и пр. Автор многих публикаций в газетах Орла и Орловской области (2001—2012).

Стипендиат Союза писателей России (2009), лауреат конкурса «Дети Солнца» (2006, проза), Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина (2010), Международного поэтического конкурса «Золотая строфа — 2011» и «Золотая Строфа — 2012» (фирменные статуэтки в номинациях «Гражданская лирика» и «Стихи о любви», диплом в номинации «Стихи о поэте и поэзии»), Межрегионального литературного конкурса «Моя родная Русь», посвященного 125-летию со дня рождения Н. С. Гумилева (2011, проза), Всероссийского литературного конкурса-фестиваля «Хрустальный родник» (2012, г. Орел, 1 место).

Отмечен почетной грамотой и благодарностью департамента образования, культуры и спорта Орловской области (2010, 2011), дипломами Международных литературных конкурсов малой прозы «Белая скрижаль — 2011», а также дипломом Международного конкурса детской и юношеской литературы имени А. Н. Толстого (2012, за поэму «Русская дорога»). С краткими рассказами и стихами вошел в лонг-листы Международного конкурса «Славянские традиции — 2011» (Крым).

Автор сборников стихов «На высоком холме» (в авторской редакции, 2006) и «В старинном городке» (редактор М. В. Ганичева, 2011, книга вошла в лонг-лист Бунинской премии 2012). Член Союза писателей России.

МОЛЧАЛИВАЯ ВОДА

Южный порывистый ветер качал пушистую ольху, осыпая яркой пылью вздыбленную из-под снега землю, а на склонах холма застенчиво распускались бледно-желтые огоньки мать-и-мачехи. Пахло оттаявшей глиной, мхом, сырым хворостом, раковой корой и солоноватым дымком. Вдалеке, в густом весеннем мареве,

необозримо плыл горизонт, усеянный ворсинками рощиц, перелесков и придорожных аллей. Поле полого спускалось от асфальтной дороги до тернистых овражков на речном берегу, дыша паром, и это были не сотни, а километры, километры благодатной земли, ведь именно здесь, на девяти холмах, в двенадцатом веке славянские племена срубили деревянную крепость: набегавшие орды кочевников выдавали себя пылящимися хвостами за пятнадцать верст.

Став на склоне одного из этих холмов, Андрей Булавин гордо осматривал окрестности и находился в весьма доброжелательном расположении духа, поскольку шел в гости к своей бабушке, Полине Михайловне, а она-то наверняка побалуует его на Пасху пирогами из русской печи. Внизу, вдоль широкого луга и прибрежных домиков, отгремев и отрывав глыбами льдин, еще стояла молчаливая речная вода; за оврагом, в просини жидких берез, белели стены монастыря...

Наклонившись и шагнув в дом, Андрей обнял Полину Михайловну, сел к окну, осмотрел печь и знакомые с детства стены, но вдруг, точно судорожная молния, пронизала его дрожь.

— А икона где? — спросил он, резко встав из-за кухонного стола и подбежав к пустому углу.

Иконы не было... Сидя на табурете, Полина Михайловна отвела в сторону взгляд, спокойно прижала ладонь к ладони, опустив их в подол старого платья, и тихо, почти обреченно сказала:

— Да старая она была уже... Червяки ее начали грызть. Чтоб совсем не загиблась, я ее и продала...

— Но ведь ей цены не было... — растерялся Андрей, кусая обветренные губы. — Она ведь из твоего старого дома?..

— Видать, из него... была, — равнодушно ответила Полина Михайловна, словно что-то скрывая, а скрывать было что.

Оказалось, что Николай, младший брат Андрея, уже давно выставлял ее на каком-то сайте для продажи и просил двести тысяч рублей. Покупателя долго не было, а брат нигде не работал и старательно выуживал у Полины Михайловны пенсию. Она занимала у соседей, даже голодала из-за этого, но все повторялось: деньги Николай снова кланчил то на пиво, то на сигареты, то на дискотеку.

«Как же так? — думал Андрей, уединившись в коридоре. — Апостолов Петра и Павла не стало... А ведь я еще в детстве молился возле них, когда болел. Славил Христа на Рождество. Выходит, что моя семья предала Бога... Да ведь икона, несмотря на свою древность, была в идеальном состоянии...» Ему уже не хотелось ни пирогов, ни самодельного вина, а лишь — правды; и он снова подошел к неразговорчивой Полине Михайловне, медленно обо всем ее спрашивал, кусал губы, клял себя за то, что не уберег икону.

Выяснилось, что купили ее какие-то заезжие мужички. Конечно, они — психологи. Конечно, они знали способы и манеру уговоров для одинокой старухи, лишенной, к тому же, последних копеек, и она продала икону. Но почему у нее не хватило сил отказать? Может, потому, что не хотела она, чтобы Николай поживился этой святыней, поскольку сильно он обижал Полину Михайловну, даже кричал и угрожал. Не верил Андрей, что бабушка, яро молившаяся в церкви еще несколько лет назад, вдруг усомнилась. Здесь было что-то еще, ведь и не чувствовала она себя виноватой.

— Поколение “next”... Выродки!.. — дико ругался самостоятельный Андрей, высказывая матери претензии о воспитании брата. — Довел старушку! Все деньги у нее выскреб. Икону продала!.. А вы, вы-то куда смотрели?.. Я живу в чужом городе и приезжаю к вам раз в полгода, но вы, вы... знаете что?.. Прекратите жить в разладе! На работу этого бездельника устройте! Семейная дружба утрачена...

Но скоро горячность Андрея ослабла, он накинул сероватый, линялый плащ, прихватил несколько черно-белых снимков и поехал в милицию, к знакомому следователю, однако тот прямолинейно и опытно сказал, поправляя на лбу фуражку:

— Вряд ли что-нибудь получится, потому что, во-первых, икона продана, как я понимаю, добровольно, да и дело, во-вторых, со старухой связано, а у них, вы знаете, на часу сто перемен... Я не думаю, что она захочет этих поисков. Если бы икону украли, то это было бы другое дело. А потом, по той фотографии, где икона попала в кадр, сложно будет ее идентифицировать. Слишком размыто изображение, да и мало ли подобных икон было на Руси написано. Это, сразу ясно, не Рублев, девятнадцатый век, судя по всему, а может быть, и начало двадцатого... Сложно, нереально...

Конечно, фотографию иконы можно было отыскать и на том сайте, где она без толку провисела почти два месяца, но Андрей понял, что никто с ним заниматься не станет, не до «сомнительных» святынь дело... И он всерьез заинтересовался историей, перекопал все домашние книжные полки, исколесил районные и областные библиотеки, вечерами сидел в архивах, разыскал даже некоторые корни своей родословной, узнал многое о храмах, православии и, конечно, об иконах. Оказалось, что это был весьма и весьма ценный экспонат, за который многие коллекционеры не пожалели бы и полмиллиона рублей, а за рубежом — и того более.

Суть состояла в том, что монахи «обретали» подобные иконы и в других городах, но только на них изображались разные апостолы. Подразумевалось, что иконы после написания будут собраны в одном храме, но этого так и не случилось, а теперь, когда почти все иконы-сестры находились в частных руках по всей стране, воссоединить их и вовсе стало невозможным. «Как же так,— снова тяжело думал Андрей, засидевшись в архиве,— выходит, что растасканы святыни — где мошенничеством, где воровством, а где, может быть, даже и убийством. Выходит, что Русь современная по-прежнему не собрана в одно, целое государство, горит наша земля, пропадает в огне междоусобиц. Каждый пришелец теперь — царь, каждый пеший — бог, каждый путник — враг...»

Эти мысли наводили на Андрея глубокую, непроглядную пелену. Он задавал себе многие вопросы, но не мог на них ответить. Он вдруг погрузился в толщу, в океан, который засасывал его воронкой ко дну, глубоко — на тысячи лет, на миллионы событий и дат. Булавин подробно изучил историю убийства язычниками проповедника Кукши, смутное время, татарские набеги. Явственно он представил себе дохристианский город неподалеку от тех холмов, по которым он ходил почти двадцать девять лет, а ведь, наверное, из той древней общины люди и переселились в город, срубленный в двенадцатом веке, да не где-нибудь, а на одной долготе с Иерусалимом...

Когда в начале августа Андрей вдруг захворал и попал на операционный стол, то семья Булавиных сильно заволновалась, восприняв это как тревожный знак, посланный с неба. Придя в сознание, Андрей и вовсе огорчил своих родственников поспешной мыслью:

— Вот... Икону продали, а Господь теперь нас наказывает. Это пока только цветочки...

Все нипочем было только Полине Михайловне, и, после возвращения из больницы, Андрей снова приехал к матери, чтобы расспросить у нее об иконе, о том, откуда она все-таки взялась, праведен ли путь ее приобретения.

— Знаешь,— неохотно призналась мама,— когда ты был еще совсем маленьким, я работала художником-оформителем на заводе, а тогда мы все были комсомольцами и атеистами, безбожниками. Думаю, что и сейчас мы не слишком сильно изменились... В общем, я упражнялась в рисовании портретов, а мой товарищ, Гришка Сенин, мне на день рождения эту икону и подарил, чтобы я смогла нарисовать... святого.

— Так вот откуда те альбомчики, которые я находил в детстве,— удивился Андрей, немного обрадовавшись проявлению истины,— но, знаешь ли, твой святой не был похож ни на апостола Павла, ни на апостола Петра... Ты прятала эти альбомчики, поскольку в одном из них четко вырисовывался портрет Николая, последнего царя...

— Ой... Я теперь и не знаю,— отвернулась мама, покраснев от стыда.— Ну, может, это был какой-то другой царь.

— Да один к одному — Николай II, мама, не смей меня,— улыбнулся Андрей над бывшей комсомолкой-«монархисткой».— Ты рисовала его в лике святых, мама... Ты хоть представляешь, что ты делала?..— еще сильнее удивился старший сын.— В лике святых его ведь только теперь прославили... А-а-а...— подняв палец, продолжал он,— я догадался: Кольку нашего ты тоже в честь царя назвала...

Ответ не прозвучал, и, разузнав некоторые подробности, Андрей поехал к Гришке Сенину, отыскал его дом, постучал в калитку и увидел на пороге уже лысоватого мужичка, опрятно одетого, с приглаженной бородой, пестрящей по краям, словно алюминиевая пластина. Без намека можно было сказать, что он не врач, не крановщик со стройки, не учитель, а именно — инженер: что-то было в нем немного романтическое, творческое, не было врачебной замкнутости, рабочей грубости и учительской назидательности.

— ...Да-да, икона, помню-помню,— сказал он, закурив сигарету и блеснув серыми глазами, так, словно в этот момент опрокинул стаканчик,— эта икона принадлежала моему деду, он был чекистом, взрывал церкви, а то, что удавалось припрятать, привнес домой. Так и эти апостолы у нас оказались, да много у нас икон было...

«Так я и знал,— думал Андрей, глядя сквозь стекло автобуса на бегущие за окном поля,— путь иконы был преступным. Многие молились возле нее, те, кого вскоре не стало: кого убила революция, кого война, кого лагерь, немецкий или советский — разница теперь невелика: сущность у лагерей была одна — дьявольская...

Но история молчала, скрывала подробности своего туманного потока, икона тоже молчала, даже перед такими честными людьми, как Андрей; тем более, она уже давно была где-то далеко, а может быть, совсем рядом — для души и прозрения нет расстояний. Но во всей этой истории тупик все-таки был: не мог Булавин смириться с пропажей и осознать первопричину исчезновения... Лишь в церкви он обо всем догадался, подкрепив свои размышления словами священника.

— Что я могу сказать?..— перебирая четки, нахмурился рыжебородый батюшка.— Икона не должна висеть без пользы в углу, она требует, чтобы возле нее молились; чтобы в человеке шла постоянная духовная работа, ибо икона подобна ребенку: если ее бросишь, найдутся те, кто приютит... Вижу я, что попала эта икона в добрые руки, к людям, которые будут ценить ее так, как она этого заслуживает...

Андрея еще беспокоили унылые сомнения, к честному ли человеку или в храм попадет икона, а не будет ли продана за границу, к каким-нибудь пустоголовым потребителям попкорна. Но вскоре он окончательно успокоился, увидев по телевизору сюжет, где видный российский политик — не будем называть его фамилию — подарил икону православному храму в Тверской области. Андрей услышал, что икона — работы неизвестного мастера, начала девятнадцатого века, и узнал, узнал ее, а может, внушил себе, что это была именно та икона, из дома Полины Михайловны. Сердце Андрея успокоилось, ведь если, как он думал, политики даже кремлевского ранга помогают восстанавливать церкви, хотя и рисуются перед народом, то, может быть, собирается Русь воедино, не свергнут ее в ад новые монголы, идущие с Запада и Востока, воскреснет праведник Кукша, будет много золы, а душа — спасена...

Сев у окна, Булавин задумался о том, что современные люди — точно пришельцы из прошлого, с теми же проблемами, сущностью и отношением к религии. Он

простил и Полину Михайловну, и брата, но понял и еще одно: что многое повидала на своем веку Полина Михайловна, перетерпела — и войну, и голод, и каторжный труд, и смерть мужа, и одиночество, и издевательство внука. И настал тот момент, когда она уже все замолила, все грехи и все помыслы, и поняла, прозорливо почувствовала, что не нужна ей больше икона, никто не нужен: ни царь, ни Ленин, ни Бог; она сама по себе — одинокая русская старуха, чья духовность, может быть, не слабее, чем у Святого Духа.

От этой мысли Андрею Булавину стало жутко, не по себе: словно языческий идол, смотрела в окно луна, вешая голубые лоскутки лучей на облепиховый куст, и копыя сухого орешника чертили небо... В ноябре он снова приехал к родителям и навещал Полину Михайловну, долго стоял на берегу, смотря на спокойные воды осенней реки, которую по берегам сковывал первый ледок. Андрей долго шел по течению, а вслед за ним, скрывая тайны Бытия, текли и мироточили придорожные звезды — иней на земле и роса на небе. Нет, еще много скрывает в себе русская душа... Она молчит, но — видит Бог! — еще не один раз хлынет бурным весенним потоком.

ПЕРЕПОЛНЕННАЯ ЧАША

В столярном цеху, где работал Игорь Сергеевич Плотников, с утра было шумно: гремели станки, звенели пилы, бревна с громом падали на вагонетку, стружки летели во все стороны... Бригаду вдохновляло то, что после обеда — получка, которая, к тому же, выпала на пятницу. А это значило, что после смены можно будет заглянуть в кафе или к старым знакомым. Наступил перерыв, и мужики, стряхивая опилки со спецовок, стекались в курилку, чтобы посудачить и «забить козла».

— Думаю, в конце года мы получим премии,— сядя за стол, выдохнул пожилой Игорь Сергеевич,— работаем мы исправно...

— А раньше как было? Давали?..— с интересом спросил Иван Федотов, самый молодой в бригаде столяр.

— Раньше, Ваня, все иначе было,— грустно ответил Плотников, доставая из сумки буханку серого хлеба,— и слов не хватит всего рассказать... За живое ты меня взял.

— Ладно, Сергеич, расскажи,— подхватил Федотов,— я ведь тоже не все помню! Интересно нам.

— При советской власти получал я 280 рубликов в месяц,— начал Игорь Сергеевич, дымя папиросой.— Для сравнения: хлеб тогда стоил 20 копеек, и мог я купить на свою зарплату 1400 буханок, а теперь — только 240... Так что получать за нашу работу мы должны в пять-шесть раз больше, и работаете вы, ребята, почти даром...

Молодые лица напряглись, пепельница наполнялась окурками, но Иван не унимался:

— Сергеич, а демократия сейчас есть? Что ты думаешь?..

Пригладив редющие волосы и темно-пепельные усы, Игорь Сергеевич нахмурился и натруженно сказал:

— Нет... Что такое демократия? Это власть народа, когда группа людей, рабочих или крестьян, может устанавливать свой порядок, как в семнадцатом году... Власть народа всегда сопровождается анархией, а сейчас анархия происходит от наших политиков и депутатов, олигархов и бандитов, министров и банкиров. Я даже слово новое недавно в газете вычитал — «охлакратия», то бишь попустительская власть подонков, по-гречески...

— Ты хочешь сказать, что теперь нами правят подонки? — уточнил Федотов, дымя сигаретой.

— Если слушать Жириновского, то такое впечатление бывает... Но не совсем так... — умно выговаривая слова, ответил Игорь Сергеевич. — Кое-что изменилось, хотя и простому работяге продохнуть по-божески не дают, дают низкой зарплатой... Что мы сейчас собой представляем? Сколько раз уже народ в России ошибался — то с революцией, то с Горбачевым, то с Ельциным. Устал народ морально, ни во что не верит, ничего не просит, не требует. Надо, я думаю, страной иначе руководить: кабинет рабочих и крестьян, кабинет ученых, кабинет работников искусства и культуры... И чтобы каждый кабинет в решении государственных вопросов держал ответ... А нет, так надо, как во Франции!

Задумавшись, мужики опустили головы и только молчаливо сопели, пуская сизобежевый дым. Вскоре едкое облако повисло над столом, окутало пеленой углы, в которых стояли лопаты и грабли. Заляпанная красной краской монтровка лежала на подоконнике среди пустых бутылок и стружек, огромная конусовидная чаша, переполненная опилками и древесными отходами, висела на мазутных тросах. Леденящим копьём чёрный от угля лом был воткнут в плотный грунт возле стены. Над дверью напряженно гудел тумблер, словно жук перед взлетом, и одинокая муха истерично билась в пыльное стекло. Захлопав крыльями, горлица вспорхнула над стальными перекрытиями цеха: за стеной раздался шаг.

— Так, — высокомерно просипел худощавый инженер, вынув из кармана и поднеся к лицу наручные часы, — прохлаждаетесь?.. Уже пять минут рабочего времени просидели... В общем, так: сейчас вы бросаете свои сигарки, вывозите тес для погрузки, а затем у нас будет уборка территории. Приказ директора: к 4-му ноября должен быть порядок!..

— Ого! — возмутился Плотников, подняв густые брови и растоптав окуроч, — как в былые времена...

— А зачем праздник-то перенесли, Сергеич?.. Я лично не совсем понимаю, — продолжал задавать вопросы любопытный Иван.

— Думаю, Ваня, по нескольким причинам, — взяв метлу, ответил Игорь Сергеевич, — во-первых, 7-е ноября отмечать теперь нашим политикам совестно, народ и вовсе, кроме ярых ленинцев, этот праздник за праздник не считает: не верит больше народ ни коммунистам, ни тем, кто эту идею предал. Во-вторых, стыдно вроде бы нашим политикам от своей истории совсем отказаться. Вот и нашли они удобную дату — день изгнания поляков из Москвы. Но и здесь не все так просто. Дело в том, что Польша — слабое звено в дружбе с Россией. И эту слабость на полную катушку используют сейчас США: в Варшаве, между прочим, есть секретный отдел ЦРУ. Он организывает цветные революции или, по крайней мере, пытается. Патриотично настроенные поляки под эту марку начинают бросать в наш огород камни. А 4-е ноября — это для них напоминание, что, мол, шведов били, немцев били, а вас, горе-завоеватели, уже давным-давно на место вставили. Хотя обидно, что славяне недружно жить стали...

— А я так бы сказал, — внимательно выслушав, оживился вдруг Андрей Андреевич, пожилой электрик, — политики в нашей стране — ничто, пустое место: генералы ордена получают, депутаты яхты покупают, думают, что они — боги, цари и вожди... Ничего подобного! Советский народ — вот был царь! Народ, а не царь изгнал поляков из Москвы. Так что суть у этого праздника великая, но где же раньше были наши политики? Почему боялись вспомнить подвиги наши? Сколько побед у русского воина, да все они забыты, забыт народ у нас... Большая беда России — это нелюбовь к народу и человеку. Особенно, я скажу, к пенсионеру... Разве можно на мою пенсию нормально прожить?.. Наш, между прочим, директор в депутаты избирался и не прошел лишь потому, что выступал от «Единой России». Проголосовали за какого-то

проходимца: прикрыл он свой срам партийным билетом коммуниста... А нашему боссу, видите ли, страшно от коммунистической партии идти на выборы: из Москвы пришла бумажка, что, мол, главная партия — партия президента! Если же я не хочу за нее голосовать, то мне, по-вашему, в гроб ложиться?.. Вот вам и свобода выбора... Тьфу!.. Занимаются наши политики лицемерием: о народном ополчении говорят, а народ для них — скотина!..

— Сколько можно о нас ноги вытирать? — постепенно стала заводиться толпа.— Сколько можно мести?.. Уже время полочки, а мы — в пыли и на холоде!..

Из гаража долетел грохот: слесарь Ильин в сердцах бросил гаечный ключ на пол и, сдвинув картуз на затылок, подошел к рабочим:

— Все, мужики, бросай инвентарь, пошли за полочкой!

Но только толпа двинулась к конторе, навстречу из двери выскочил инженер и быстрыми шагами просеменил к Плотникову:

— Зарплаты сегодня не будет, а будет она четвертого числа, после того, как вы вернетесь с митинга!

— Нам еще и в митинге участвовать? — удивился Игорь Сергеевич.

— Бардак! — выругался Андрей Андреевич.

— Не имеете права принуждать!..— осмелел Федотов.

— Ничего не могу поделать: приказ главы района, а ему разнарядка спущена сверху — от губернатора,— проскулил инженер, дергая простуженным носом.— И еще: желательно за субботу сделать транспаранты, ну, как в былые времена. Например: «Единая Россия!», «Слава российскому народу!» и что-нибудь в том же духе. У нас в актовом зале есть красная материя и белая краска, столярный цех сделает рукоятки, а маляры напишут лозунги!..

— Это нам еще и завтра на работу выходить?..— двинулся на инженера коренастый Федотов, сжимая кулаки.

— Стой, Ваня,— схватил его за рукав Игорь Сергеевич.— Все, ребята, баста! Пошли в цех!

— Что будем делать? — сев на тесину, спросил Федотов.

— Есть идея...— подняв указательный палец, хитро выпалил Плотников.— Пока наш директор на совещании, мы успеем.

В четвертом часу вечера черно-синяя «Волга» уперлась бампером в словое бревно возле ворот, и, подтянув ослабшие подтяжки, из ее двери выкатился Анатолий Фролович Синицын, руководитель этой строительной организации. Вытягивая из клетчатого пиджака толстую шею, он, словно холеный гусь, переваливался в сторожку, но из-за угла раздался истошный металлический крик:

— Где наша зарплата?..

Поджав колени, Синицын грузно вломился в дверь конторы, сбил с ног уборщицу и, трясая животом, побежал по деревянной лестнице. Его вспотевшие ладони скользили по перилам, а за широкие штанины цеплялись крепкие пальцы слесаря Ильина:

— Не уйдешь от рабоче-крестьянского правосудия, перевертыш!..

Бывший коммунист Анатолий Фролович все-таки успел захлопнуть дверь перед разъяренной толпой, сел в кожаное кресло и, отдышавшись, потянулся к телефонной трубке, но замешкался, слыша сквозь удары в дверь:

— Мы на тебя в Европейский суд жаловаться будем! Уже заявление написали! Отдай зарплату, единоросс!.. единорог...

Набрав номер РОВД, Синицын быстро положил трубку и, подойдя к двери, тихо, с притворством спросил:

— А в чем, собственно говоря, дело?..

— Зарплату, зарплату!..— стучали рабочие гаечными ключами в дверь.

— Леночка,— позвонив в бухгалтерию, сдался Анатолий Фролович,— выдайте этим тунеядцам зарплату...

Несмотря на устроенную забастовку, столярный цех в полном составе приковылял на митинг... Погода была отвратительной: лепил мокрый снег с дождем, ветер, выбивая слезы, пронизывал до костей, руки замерзли. Даже милиционеры отсиживались по углам, изредка показываясь на площади Ленина, но, когда вдалеке над сдвинутыми на глаза шапками вспыхнули, словно революционные гвоздики, лозунги, придуманные Плотниковым, лицо мэра районного города покрылось чешуей, и он, как рептилия, открывая беззвучно рот, читал:

«ДОЛОЙ ОЛИГАРХОВ!»
«ДОЛОЙ САМОУПРАВСТВО!»
«ЧУБАЙСА — ПОД СУД!»
«ГОРБАЧЕВА — К ОТВЕТУ!»
«ДАЙТЕ ЖИТЬ РАБОЧЕМУ ЧЕЛОВЕКУ!»
«ПОВЫСЬТЕ НАМ ЗАРПЛАТЫ!»
«СДЕЛАЙТЕ ВЫШЕ ПЕНСИИ!»

Весть о нелецеприятных лозунгах дошла до губернатора, побродила в умах чиновников и вылилась в обыкновенную отписку: «Виновных наказать. Ко Дню народного единства относиться серьезнее».

Через две недели Плотникова подозвал инженер и о чем-то пролепетал на ухо. В его голосе мужики четко расслышали: «На ковер...» Так и вышло: Игорю Сергеевичу предложили уйти на «заслуженный отдых», вручили грамоту, премию в пятьсот рублей. И проводили...

Теперь он мастерит в своем стареньком гараже рамы и двери на заказ, по воскресеньям ходит к другу «забить козла», а 4-го ноября достает из подвала банку соленых огурцов и бутылку рябиновой настойки, выпивает рюмку и катает внуков на барашках.

— Господи,— обмолвился он однажды в семейном кругу,— как порой мало нужно человеку для счастья...



Том Нойер
(г. Москва)

КЕЛЬНЕР



Наш постоянный автор.

Было промозгло и ветрено. Стояла пасмурная обстановка. Вечерние сумерки звенели холодной тишиной, и только пустые жестянки из-под тушенки, колыхаясь, брякали о колючую проволоку. С французской стороны тоже не было ни шороха. Такое затишье бывало страшнее боя и перекрестного огня, от него веяло напряженной неизвестностью. Но человек, как известно, такая тварь божья, что со временем привыкает ко всему. Особенно солдат.

Они сидели бок о бок, окопавшись в бруствере, укутанные в этом гнетущем безмолвии Западного фронта, когда один закурил, откинув винтовку на плечо и сказал:

— Как думаешь, Отто, они сейчас смотрят на нас?

— Ну а как же? Мы на них, а они на нас. Ты рукой-то прикрывай бычок от греха, Берд, вечереет.

— Странно как-то: еще недавно, если на меня смотрели лягушатники, то только сквозь пенсне, а теперь-то через бинокль или прицел.

— Каких-то несколько месяцев назад я лично гнул на металлопрокатном заводе. А с «картавыми» пересекался, помнится, в двадцать втором, когда мне пришлось продать за бесценок этим чертовым туристам старинные золотые часы, чтобы прокормить семью. И смотрели они на меня, я тебе скажу, как на падаль!

— Вы склонны к обобщению, гефрайтер Вольцоген,— сказал Берд с легкой улыбкой.— Хотя, конечно, время было еще то.

— Дело не в обобщении, просто нынче, как и всегда, обстоятельства связаны с людьми, а люди с обстоятельствами. Кстати, а почему ты не на кухне?

— В смысле? Я ел час назад вместе со всеми — ночная вахта длинна...

— Да я не про то. Я вроде слышал, ты в общепите работал до войны?

— Ааа, ты про это. Так я был кельнером,— ответил Берд, сплюнув соринку табака.

— Хэх, ну да — нас тут в обнос не обслуживают. Знаешь, а ты не очень-то похож на официанта.

— Обстоятельства, Отто, как ты говоришь. Обстоятельства... Я же не всю жизнь был кельнером. Когда-то я вообще хотел стать юристом — мне это казалось тогда таким увлекательным, я видел себя успешным человеком, открывшим свое дело. Теперь так забавно вспоминать этот пыльный параграф своей молодости. Я тогда был так юн, так наивен, что, похоже, даже счастлив. Тогда казалось, что все дороги открыты, что все еще впереди...

— Может, расскажешь? Смена придет только под утро...— сказал Отто, повернув голову на товарища. Он знал, что разговоры отвлекают и помогают скоротать ночь.

— Ну что, закончил я реальную гимназию, даже с отличием,— начал Берд свой рассказ.— Особенно хорошо мне давались точные науки. Затем поступил на юридический. Денег постоянно не хватало — на учебу и вообще на жизнь, хотя отец порой помогал мне, пока не переехал в Швейцарию. Оттуда тоже первое время присылал деньги и письма, но потом мы потеряли связь.

— Подожди, Берд, что-то не пойму, а как же твоя мать?

— Мать всегда снабжала меня самым необходимым: едой, одеждой и побоями. Она считала, что я ей по гроб жизни обязан за то, что она меня взрастила. И постоянно напоминала мне об этом.

Помню такой случай, когда я был маленьким. Мы шли с ней из зоопарка, у ограды которого на холодном тротуаре сидела безобразная цыганка. Вокруг нее вился маленький бродяжка — ее сынок, которому достался крендель, и он приговаривал: «Мамочка, мамочка, как вкусно! Какая ты у меня хорошая, давай скушаем вместе?» Моя мама меня отвела чуть в сторону и при прохожих, показывая пальцем на цыган, сказала: «Вот видишь, этот чурбан и то любит свою опустившуюся мать, не то, что ты — избалованный паршивец!» Она была строга, но многому меня научила — многое из того, что я знаю, я получил от нее; остальные уроки дала жизнь.

Но я ни в чем ее не винил и любил своих родителей такими, какими бы они ни были. Просто мать ненавидела отца и все, что с ним связано. Она считала, что он испортил ей жизнь, а я был очень на него похож, как внешне, так постепенно и по характеру. Они развелись, когда я был еще в младших классах, будучи неплохими людьми, но плохой парой. Они постоянно ссорились, сваливали дела друг на друга. Дошло до того, что однажды забыли меня в детском саду. Перепуганные они примчались на квартиру к воспитательнице — фрау Шнайдер. Она была очень доброй женщиной: сначала отвела меня к нам домой, но на звонок в дверь не ответили — никого не было дома, тогда она написала записку и забрала меня к себе, где я поиграл с ее детьми.

Позже с отцом мы виделись каждые выходные, ходили куда-нибудь — в цирк или на футбол. Но лет пять спустя он познакомился с одной швейцаркой и теперь живет с ней в Цюрихе. Он и после этого присылал мне подарки или карманные деньги, один раз мама меня отпустила к нему в гости на каникулы. Тогда я узнал, что у меня есть маленькая сестренка и скоро будет еще братик, но с ними я сейчас не общаюсь, да и с отцом связь оборвалась.

Но к счастью благодаря старым знакомым отца, мне чудом удалось найти работу в Рейхсбанке, гдегодились мои математические способности. С утра я отправлялся в контору и затем погружался в суету среди таких же мелких клерков, а вечером спешил в университет, взяв часть отчетной работы на дом.

Период учебы в университете мне запомнился знакомством с Урсулой, которая позже стала моей девушкой. Мы познакомились на танцах в городском саду. Она была постарше и училась в женской гимназии в другом районе города, на противоположном берегу реки. Вечером я садился на трамвай, порой сбегая с последних занятий, проезжал несколько остановок, и мы проводили время вместе допоздна, гуляли в парке или бродили по мосту. Я даже мог позволить себе сводить ее в кафе или кино в отличие от своих сокурсников, например.

Вскоре я понял, что юрист из меня получится так себе и бросил учебу, перейдя на полный рабочий день. Мы все находимся в постоянном поиске и все мы достойны чего-то большего, однако, не каждому из нас удастся встать на нужные рельсы. К тому же, мужское удовлетворение ходом событий, столь же скоротечно, как и

мужской оргазм, впрочем, неудивительно, что так же справедливо бывает и обратное, относительно женщин. У нас в отделе работало несколько женщин, которые, как мне кажется, были столь увлечены своей работой, что она им даже нравилась. А мне не то, что не нравилась — работа, может, и нудноватая (хотя, сдается мне, не такая тяжелая, как у вас на заводе), но и пойми, не каждому по душе сидеть в офисе на одном месте.

Я иногда отправлялся присесть после работы за кружкой пива в баре неподалеку, размышляя про себя о жизни и по поводу других профессий: вот те же курьеры и посыльные, которые нам доставляли цветы или обеды, бегают и в дождь и в жару — тоже работа не сахар.

Словом, моя работа явно не делала меня счастливым, но она и не была в тягость. Я к ней привык, к коллективу тоже — я и не любитель резких перемен.

Однако перемены иногда происходят независимо от нас. Однажды вечером Урсула довольно будничным тоном объявила мне, что, похоже, беременна. Первое, что я смог из себя выдавить было слово «забавно»...

Раньше мне казалось, что эта новость станет для меня самой счастливой на свете, и я буду замечательным отцом. Но когда назрела вероятность этого самого отцовства, мне стало как-то не по себе, и я нес всякую чушь, мол, «ты уверена, что ребенок от меня?», от чего мне самому было противно. Мы на пару понимали, что эта ситуация выглядит катастрофически, и оба не знали, что нам делать.

Все усугублялось тем, что ее родители меня и так явно недолюбливали. Наверное, не воспринимали в серьез, раз я был младше нее и забросил учебу ради работы, но почему они не думали о том, что у меня не было выбора? Родители всегда хотят для своих детей как лучше, но порой выходит совсем наоборот.

В общем, в итоге выяснилось, что у нее была задержка из-за какой-то там проблемы с женским здоровьем, и что я вовсе ни при чем, но отношения наши стали натянутыми.

В банке тем временем прошел слух о грядущей инфляции. Это явление было в новинку для всех обывателей. У нас же в отделе были нехорошие предчувствия. Я стал замечать, как постепенно поднимались цены на все, включая мою дежурную выпивку. Тогда казалось, что это явление временное и вскоре подорожание остановится. Но оно не остановилось, цены все стремительнее взлетали. В банке работа велась ускоренными темпами, она превращалась в ад. Деньги обесценивались, номиналы купюр постоянно росли, и голова пухла от бесчисленных нулей.

Некоторые люди, включая Бастиана, моего знакомого — хозяина бара “DF”, в который я все время ходил, стали небольшими нумизматами. Я просил своих коллег из отделений банка в других регионах прислать мне их нотгельды* и помогал тем самым пополнять его личную коллекцию. Там были простые банкноты на бумаге или картоне, но попадались и настоящие раритеты, напечатанные на алюминиевой фольге, шелке, коже, керамике.

Правда это продолжалось не долго — цена почтовых марок тоже росла, как на дрожжах. Обычные же деньги менялись так быстро, что их едва успевали печатать, и тогда Бастиан решил украсить барную стойку обесценившимися купюрами, которые

* Нотгельд (нем. *Notgeld* — *вынужденные деньги*) — деньги чрезвычайных обстоятельств, специально выпускаемые различными органами местной власти, а также неправительственными организациями Германии и Австрии. Являлись эквивалентом национальной валюты в связи с кризисом и гиперинфляцией в период 1914—24 гг.

превратились, по сути, в бумагу. Ты, наверное, сам помнишь. Скажем, буханка ржаного хлеба, стоившая до первой войны 29 пфеннигов, к весне 23-го года продавалась более чем за 400 миллиардов марок!

Пришло время, когда государство стало сокращать количество служащих. Часть предприятий законсервировали, какие-то сменили профиль, например, мебельные фабрики стали выпускать спички, а промышленность постепенно переходила на военные рельсы.

Вскоре эпидемия увольнений докатилась до Центрального банка, и коснулось конкретно нашего отдела. Тогда часть из нас, включая меня, оказались на улице. Сказать, что я был подавлен — это не сказать ничего. Я был в отчаянии! Потерять работу само по себе малопривно, а в такой кризис — просто катастрофа. Жизнь превратилась в кошмар, просыпаться от которого буквально было и того хуже. Докуриваю вечером пачку сигарет, а наутро она же стоит тех денег, на которые вчера можно было купить блок!

Дворники, убирая улицы метлой, сметали кучи обесцененных купюр, которые самые отчаянные выбрасывали прямо на тротуар — и никто их не пытался поднять и собрать. Деньгами топили печи, потому что деньги были дешевле дров, ими оклеивали стены — они были дешевле обоев, деньгами играли дети — деньги были дешевле игрушек, деньги, деньги...

Мы все вдруг превратились в игрушки. Меня охватывал ужас, я был теперь один. Я к тому времени жил отдельно от матери, помогал ей, как мог, но возвращаться мне не хотелось. У отца я бы не решился просить помощи из принципа. Получилось так, что мне было не на кого рассчитывать. Я не спал, я, будто сидел на пороховой бочке, заканчивались последние деньги, а мои скромные сбережения превратились в прах...

Я пытался найти другую работу, но это оказалось как никогда сложно. Мало того, что я привык работать головой, а не зарабатывать руками, но и найти даже тяжелую работу нелегко, когда ее ищут помимо тебя более трети от общего числа рабочих, сокращенные на различных производствах. Особенно после роспуска профсоюзов при Гитлере.

Но, в конце концов, выживает ведь не сильнейший, а самый приспособленный, правда? Вон — динозавры были самыми сильными на свете, пока не получили «привет» от любящей Вселенной. А всякие там черепахи, тараканы или кто там еще? Они выжили, до сих пор существуют, и после войны будут жить и всех нас еще переживут...

Отто вытянул руку, сорвал травинку и прикусил ее, глядя в одну точку и задумчиво нахмуриваясь.

— Эй, ты чего? Я тебя не хотел обидеть — ты парень здоровый, видно, что горбом зарабатывал, но...

— Перестань, Берд, я понимаю, что ты имел в виду. Тут ты прав, — кивнул Отто.

— Это не я придумал — Спенсер, кажется, но в тот момент меня это осенило на яву.

— Да, хорошая мысль. А мы, когда были детьми, помню, спорили, кто сильнее — кит или слон?

— Ха, да что-то такое припоминаю: и у нас в детском саду, точно-точно.

— А помнишь, еще сказка какая-то была: там злодею дали выпить обычный стакан воды, но при этом, сказали ему, что там яд? Должно быть, выживает тот, у кого есть желание жить...

— Да, Отто, я и хотел сказать, что физическая сила тут ни при чем.

— Не знаю. Мы, похоже, уходим от темы, но тебя разве никогда не били? Хотя бы в детстве...

— Конечно, перепадало иногда, но хитрость тоже выручала. Ну, хорошо, сила тоже важна, только она не на первом месте. Я все же, вначале говорил в широком смысле слова, скорее даже о силе духа. Должен быть у человека какой-то внутренний стержень.

Вот знаешь, есть такая бесславная мужская черта: глубоко переживать потери, особенно это касается работы, сокрушаться, напиваться допьяна, но почти не найти в себе сил что-либо предпринять... Я знал, что ни в коем случае нельзя опускать руки, нельзя сдаваться, что надо браться за ум, а не хвататься за голову. И я пытался уцепиться за все возможные варианты, даже самые навязчивые — такие, как ставки на скачках, но все тщетно. В паре мест мне и вовсе не заплатили.

Что ни говори, а работа для человека, для мужика — это все. И не важно, опять же, физическая она или умственная, работа — это его идея, смысл, одна из важных составляющих бытия, такая же, как дом и семья. Без работы чувствуешь себя ненужным и беспомощным, становишься сам не свой — естественно, если ты не законченный пьяница или лентяй, хотя такими и становятся опять-таки при отсутствии работы или, если хочешь, от ее недостатка в том числе. Потребность в работе и самореализации начинает бить по самолюбию, и ты как бы гниешь изнутри. Утрачивается и способность к тому, чтобы как-то генерировать радость, искать ее в чем-то другом тоже.

Хорошо, если тебя при этом понимают близкие. Урсула все поняла — то ли по-своему, то ли ее мама ей нашептала. В общем, спуталась она потом с каким-то коммерсантом, и я о ней больше не слышал.

Я чуть не сломался, я не видел выхода, кроме того у меня стали накапливаться долги. Причем денег в долг уже не давали — отношения на рынке и попросту между людьми в городе перешли на натуральный обмен (например, соль стала твердой валютой).

В общем, что называется, все тридцать три несчастья сразу, как в том анекдоте про то, что жизнь полосатая...

Однажды, пытаясь побороть свои душевные тревожения, я заглянул в свой любимый бар — “DF”. Вообще-то, он называется “Doppelfilterung”^{*} по методу приготовления фирменного барного пива Бастиана, отсюда и название. Немного выпив, я решил поговорить с самим Бастианом, спросить у него насчет работы, чем черт не шутит?

Он, конечно, меня узнал как завсегдатая. Бастиан сказал, что в принципе дела идут не так уж плохо, народ заглядывает, что мол, сейчас большинство людей во многом себе отказывают, но пить и гулять будут во все времена — от радости или с горя, тем более, что и в данном положении находятся те, кто умудряется сколачивать состояние. Мне понравился его оптимизм и, похоже, что не напрасный. Дело он свое знает, да и месторасположение у бара неплохое — в нескольких шагах от гостиницы «Метрополь». Человеком он всегда был деловым и отнесся к моему вопросу серьезно. Он сказал, что вряд ли доверит кому-либо вести дела, к сожалению, несмотря на мой опыт работы с бумагами — он занимается всем сам, поскольку его ресторан это чисто семейный бизнес.

— Ты немного опоздал — я мог бы тебе предложить поработать за барной стойкой, но уже буквально на днях взял еще бармена. Не обижайся, но я могу тебе предложить разве что вакансию кельнера. Тебе, по крайней мере, меню зубрить не при-

^{*} Doppelfilterung — двойная фильтрация (нем.)

дется,— улыбнулся Бастиан, прихлопнув меня по плечу — Вот хороший официант мне бы действительно не помешал.

Я кивнул. Меню я, конечно же, здесь знаю наизусть — это правда. И все же мне надо было немного подумать, хотя бы до следующего дня. Кельнер. Конечно, это было не тем, на что я рассчитывал — как-то даже унизительно, но других вариантов у меня попросту не было. Я расплатился и отправился домой, чтобы попробовать хорошенько выспаться.

Возле подъезда стояла карета скорой помощи. Я скользнул в парадную, пройдя мимо скучающего водителя. Резко, перепрыгивая через две-три ступеньки, преодолел первый пролет — такой у нас во дворе был в детстве маленький ритуал: бегом подняться до первого пролета до того, как закроется тяжелая дубовая дверь подъезда (не знаю зачем, на удачу, по-видимому, ну этот, как обязательно попытаться допрыгнуть до ветки, висящей над тротуаром). Успел — все, как надо. Я поднимался дальше, оглянулся на дверь и резко вытянулся вдоль стены, прижавшись к ней спиной. Меня едва не сшибло с ног столкновение с санитарями. Они спускались по узкой лестничной клетке, приподняв над собой тело. С носилок свисала, безвольно болтающаяся рука.

Я извинился, быстро спустился и придержал им уличную дверь. На носилках я узнал Шульца — соседа по коридору. На нем был затянут галстук, срезанный пополам, на котором он, по всей видимости, повесился.

Волна самоубийств накрыла город; печальная юдоль все чаще постигала обреченных людей в особенности из неблагополучных районов. В нашем квартале это случилось впервые.

На этаже на меня набросилась разнервничавшаяся хозяйка:

— Берд Ульман, хочу и вас предупредить: не вздумайте сводить счеты с жизнью в моем доходном доме, слышите?! В городе есть замечательный высокий мост, например!

Выспаться не получалось. На хозяйку я не обижался — кому понравится объясняться с полицией и носиться с человеком, у которого нет родственников?

Шульца я практически не знал и жалко, что я запомнил его не жизнерадостным, а таким вот — с выпученными глазами и длинным посиневшим языком. Я думал о нем и о том, что я, пожалуй, еще в силах побороться. Однако это не давало мне заснуть, к тому же стояла светлая ночь и смотрела на меня сквозь окно. Мне снова не удавалось заснуть, пока не минует за полночь. Часы отсчитывали час, два ночи, а я все ворочался, смотрел в потолок и на освещенную стену. Я стал считать, как в детстве, но досчитав до шестисот, перестал. Вскоре, наконец, выпивка дала о себе знать, измождение взяло верх, покрасневшие веки отяжелели, и я уснул.

Встал я неохотно и с трудом. Чай кончился, и я просто попил воды из носика чайника. Подошел к зеркалу, в котором обнаружились мешки под глазами на усталом лице. Умылся, гремя часами об умывальник, потом по привычке решил побриться.

Я был в нерешительности, которая всегда сопутствует мыслям о новой работе в незнакомом месте и области. Какой я к черту кельнер? Пусть я дружу с этикетом — все-таки семья у нас была интеллигентная, хоть и не богатая, но почему именно я и официантом? Я думал о том, что отец вряд ли бы мной гордился, что профессия клерка все же была по мне более престижной, что ли. Наоборот, это я принимал курьеров и посыльных, а не обслуживал людей напрямую и не был ни у кого на побегушках, получая случайные подачки от жизни. Меня обуревали всяческие сомнения,

и я пытался настроиться, найти в своей будущей работе плюсы, оправдания, чтобы размежевать в себе малодушие и слабоумие.

Ну, положим, во-первых, мне не придется теперь готовить себе еду. Во-вторых, не нужно будет бриться каждое утро начисто, как до того — я хотя бы смогу носить бородку или отпустить бакенбарды — раньше мой шеф в банке почему-то относился к этому весьма щепетильно. К тому же, возможно, я смогу ночевать в подсобке и сэкономить на съеме жилья. Ну и, в конце концов, я буду иметь небольшое жалование в купе с чаевыми, на которые смогу прожить, ведь сейчас я почти на нуле. Да бывает и похуже работка, так что факты, безусловно, перевесили.

Без четверти десять я переступил порог “Doppelfilterung” и поприветствовал Бастиана. Он обернулся и подошел пожать мне руку:

— Ты все-таки пришел — рад тебя видеть, проходи. Что ж, я могу назначить тебе небольшой оклад, а в дальнейшем ты сможешь рассчитывать и на чаевые. Соответственно, чем быстрее освоишься, тем лучше. До открытия у нас около десяти минут, давай я тебе здесь все покажу.

Мы прошлись по всем помещениям, я увидел раздевалку, подсобку с чистящими принадлежностями, склад, линию раздачи, и собственно залы для посетителей. Признаться, я все открыл для себя заново — мне почему-то раньше и в голову не приходило наличие прочих помещений, хотя так, наверное, и должно быть. Давно знакомый бар теперь казался совершенно иным, я смотрел на него под другим ракурсом. Все осталось на своих местах, но теперь уже я находился как бы снаружи, на орбите — не сидел, расслабившись на стуле, а стоял у стены возле барной стойки, и все столики в немом пока еще зале, казалось, развернулись и, прижимаясь ниже к полу, усталились на меня, как на амбразуру. Я даже немного смутился.

Разве я мог тогда представить, что сейчас, сидя в промозглом окопе, я буду вспоминать ту свою неловкость с улыбкой, потому что она никак не вяжется с лишениями и тягостями солдатской службы? Но это будет много позже...

Первым делом Бастиан распорядился, чтобы я вымел тротуар перед входом. Потом выдал мне жилет и фартук (сорочку я одел пока свою), а так же блокнот и карандаш. Затем познакомил с напарниками по смене. Одним из них был почти такой же новичок, как я, бармен — кудрявый брюнет с тонкой бородкой. Звали его, не то Джафар, не то Джабраиль — у него были восточные корни, и никто сначала не мог запомнить его имя, пока Бастиан не предложил звать его для простоты — Джонни. Я боялся, что сразу не запомню и это имя, но потом заметил на стеллаже вдоль стены бара вместе с другими напитками бутылку виски John Jameson. Джон, Джонни — так было легко, а если надо было быстро обратиться к нему, то я сначала искал глазами бутылку и уже не запинаясь. Правда, болтали мы не так часто, потому что я плохо разбираю его ломаный немецкий.

Общались мы чаще со старшей официанткой Штеффи — дамой средних лет, которая меня как бы взяла под крыло. Штеффи рассказала мне, как следует сервировать стол. Вместе с ней мы застелили скатерти и расставили на все столы солонки, разложили приборы и красиво сложенные салфетки.

Вскоре появились первые посетители. Один заказал яичницу-болтунью и кофе с выпечкой, а небольшая компания, явно продолжая давешнюю вечеринку, попросила пива. Смотреть за работой Штеффи было одно удовольствие — она плавно скользила между столиков, была доброжелательна и находчива, о чем я знал не понаслышке.

Что касается меня, то поначалу в мои обязанности входила, в основном, черно-

вая работа: протираю полы в коридоре, сносию грязную посуду в мойку и выношу мусор. Между делом я помогаю Штеффи убирать столы после ухода гостей и сервировать их к приходу новых. Но самым главным было наблюдение за столами и гостями, чтобы убирать ненужную посуду и менять пепельницы или позвать Штеффи, если требуется.

В общем-то, первый день прошел довольно быстро, но я очень устал, особенно болели ноги. Раньше мне эта профессия казалась несложной. Однако легкой работы, в общем-то, не бывает. Трудного действительно ничего не было, но и легкой ее тоже не назовешь. Благо, Бастиан отпустил меня чуть-чуть пораньше домой.

На следующий день у меня все еще сохранялся энтузиазм, даже настроение появилось, не говоря уже о сне — спал я крепко, как ребенок. Но кроме энтузиазма в работе еще требовалась ловкость и сноровка — у меня долго не получалось захватывать разом восемь кружек пива или нести до трех тарелок с блюдами в одной руке — в этом Штеффи была непревзойденна, а мне оставалось вместо этого лишний раз сходить туда и обратно.

В тот день случилась небольшая неприятность: я отнес целый поднос посуды в мойку, но когда его ставил, едва не уронил фужер. Однако, принявшись балансировать над фужером, я грохнул весь поднос... Бастиан был, конечно, явно не в восторге и записал убытки на мой счет.

Физическая выносливость у меня тоже тогда была не ахти, к концу дня я валился с ног, хотя, как говорится, для бешеной собаки семь верст не крюк. Наверняка это было с непривычки, потому что потом начал потихоньку вкатываться в работу и было уже полегче. Но хватало таких моментов, к которым было тяжело привыкнуть.

Столько лиц проносится перед глазами — на смену одним приходят другие; они разговаривают, употребляют разные блюда, пиво непрерывно льется через запрокинутые бокалы, кофе, десерты, дымок тлеющих сигарет...

И ты вроде бы сыт, но украдкой посматриваешь на гостей. Внутри разгорается жажда, сосет под ложечкой, текут слюнки, несмотря на то, что ты и сам недавно пообедал или поужинал. Это происходит бессознательно, прямо как у домашних животных.

К этому стоит прибавить постоянную потребность в никотине. Сходишь покурить на задний двор, а через пять минут опять тянет, потому что ты идешь поменять пепельницы, а перед тобой прикуривают, пускают дымные колечки и т.п.

Однако самым провокационным было желание выпить: гости навеселе частенько предлагали присесть или просто угощали выпивкой, на что естественно мы не могли согласиться. Так что мы набирались после работы и возвращались домой, как кораблики по штормовому морю, как бы от зависти гостям, ну и от усталости, от бессилия. Главное потом было вовремя проснуться и свежо выглядеть, потому что лично я работал каждый день.

Да, я работал практически без выходных — отпрашивался только в крайнем случае, из-за простуды, например, поэтому многих посетителей я знал в лицо. Но поначалу у меня случались какие-то галлюцинации. Я принимал сидящих за столиками гостей за своих знакомых. Например, приходит пара гостей, Штеффи приносит им меню, а я стою у бара, смотрю на них, и мне кажется, что они прямо копии моих соседей по лестничной площадке — Микаэля и Беретты Вестерман. Я даже хотел подойти поинтересоваться, может, они меня просто не узнали, но не стал. А потом, когда случайно встретил Микаэля — он сказал, что они сами в тот день были в театре. Просто похожие лица, но такое случалось не один раз — были еще гости, похожие на

моих приятелей и бывших однокурсников. Мне уж подумалось, что я схожу с ума. Впрочем, Штеффи сказала, что с ней тоже такое бывало.

Что еще рассказать? Изо дня в день жизнь бара шла своим чередом. Утром суэта с сервировкой, сменяющаяся неспешным обслуживанием немногочисленных гостей, пришедших позавтракать. Затем небольшое затишье, после которого ураганом проносится обеденное время: обслуживание спешащих на ленч клерков из близлежащих контор, неторопливых господ и беззаботных туристов.

Далее происходит резкий скачок вниз, когда отобедавшие гости начинают расходиться, а решившие поужинать ожидают много позже — время замирает в воздухе ароматом цветочного чая и сигар. В этот момент стрелки часов практически неподвижны, особенно когда к ним то и дело разочарованно обращаются глаза кельнера или бармена. В такие моменты я просто изнемогал и молился, чтобы день поскорее закончился.

Как только приходит время ужина бег стрелок ускоряется. Ускоряется и проходимость людей — в баре начинается настоящий час пик. У кельнера в этот момент открывается второе дыхание: ноги уже едва ходят, но в голове срабатывает напоминание о чаевых, и тогда снова приходит тонус. И так до глубокой ночи...

Таким образом, я настолько погрузился в работу, что перестал обращать внимание на то, что происходило за стенами “DF” — для меня в тот момент вся жизнь была там, дома я только ночевал, в продуктах и готовке так и вовсе не нуждался — словом, жил, как у Христа за пазухой.

Меня вновь осенило, что не все так просто где-то в середине октября, когда от постоянной беготни на ногах подошвы моих ботинок протерлись, а пара новых по теперешнему курсу могла стоить что-то около 30 триллионов марок.

Я отправился в универмаг на Кайзерштрассе. Он оказался закрытым, как и все лавки при нем — все было опечатано. «Ну да, как же — освобождение от гнета «еврейского капитала», — подумал я про себя, глядя на нацистские листовки, наклеенные на стеклянную витрину магазина. Когда все плохо и нестабильно, человеку нужен «образ врага», очевидно евреи стали подходящей мишенью, когда власти провозгласили идею «пушки вместо масла».

Что ж, я развернулся и отправился на рынок, где нашел другого сапожника. Мы не были знакомы, но легко сошлись, когда я развернул платок. Естественно, я имел доступ на кухню и мог понемногу брать кое-какую снедь. Так оказалось даже проще: он сменил мне каблуки, получив за работу кусок Брауншвейгской колбасы. Такое вот взаимовыгодное сотрудничество.

Некогда гордо придя на земли стран третьего мира и основав колонии, европейцы насаждали местным жителям денежный оборот. Хотя те долго не понимали, их рассудок не мог принять, как можно менять натуральные продукты на какую-то бумагу или монеты?? А теперь мы сами перешли на бартер, великая Германия откатилась на уровень тех самых стран, и люди, даром, что со светлой кожей, вновь отказывались от денег. Как это было парадоксально — горько и удивительно.

Когда-то уже, видимо, давным-давно по теперешним меркам, когда я был подростком, мне казалось, что во время войны или теперь, во время инфляции, все вдруг станут равны — прямо, как в бане. Но все оказывается гораздо сложнее и уж совсем не походит на общественную купальню, даже если судить только по тому, что можно было наблюдать в нашем баре.

Цены могли меняться несколько раз в день. Я слышал, как люди грустно подшу-

чивали друг над другом, мол, «Людвиг, ешь скорее свой гуляш, а то за время обеда он успеет подорожать вдвое!» и все в таком духе.

Большинство из тех, кто раньше сюда часто заходил, теперь располагались у окна, только не за столиком, а наблюдая с улицы. Кто-то жил сегодняшним днем и веселился до упаду, а потом вдруг уходил куда-то на дно... Были и такие, кто чувствовал себя в кризис, как рыба в воде и ухитрялся зарабатывать, когда все теряют или хотя бы оставаться на плаву, как небольшие коммерсанты и перекупщики товаров первой необходимости.

На этом фоне наши соседи могли почувствовать себя здесь королями, ведь взлетающий с упорством летчика-испытателя, курс марки по отношению к иностранным валютам был обязан адским рвением правительства списать внешний долг и опростать контрибуционную тяжесть. Этот период нужды, голода и страха для немцев в то же время, скажем, для англичан или французов был примечателен совершенно обратной ситуацией.

В начале 1920-х годов в Германию хлынул поток иностранных туристов, которые ранее не могли и подумать о столь масштабных расходах, а нынче за счет разницы курсов валют могли себе позволить ездить первым классом по железным дорогам, брать такси, покупать ценные сувениры, занимать апартаменты в лучших отелях и посещать дорогие рестораны.

В глубине души мы их стали недолюбливать: сытых, беззаботных, особенно некоторых, начинающих бравировать своим положением перед немецкими женщинами с какой-то аффектацией и в неестественной манере, не говоря уже про ужасный говор с акцентом. Так что, несмотря на это, нам иногда приходилось прибегать к некоему заискиванию не переходящему, однако, в низкопоклонничество. Все же иностранцы приносили стабильный доход и, само собой, хорошие чаевые. Они для нас были, что называется, «соль и сахар в одной посуде». Мы еще тогда со Штеффи шутили, что заколачиваем чаевые миллионами. Это действительно было так, но при такой гиперинфляции люди уже не доверяли деньгам и частично перешли на натуральный обмен, как тот же сапожник на рынке.

Помню, был у нас как-то один из таких толстосумов. Заказал себе Камю. Я отметил его выбор.

— Прекрасный коньяк,— говорю я.

— Да. Даже можно двойной,— добавил он и, расплываясь в ухмылке, показал два пальца. Я принес ему заказ. Он остановил меня и спросил кое-что по меню, потом поинтересовался, давно ли я работаю кельнером, добавив быстро еще один вопрос, не успел я и рта раскрыть:

— А вы не можете присесть за мой столик?

— Боюсь, что это исключено.

— Я просто хотел бы угостить вас коньяком — он и в правду отличный.

— Простите, но я на работе.

— Ну, хорошо, так насколько давно вы здесь?

— Почти полгода, герр — ответил я.

— Морель.

— Что, простите?

— Моя фамилия де Морель.

— Ах да, месье де Морель.

— У вас есть высшее образование?

— Эм, юридическое. Неоконченное...

— А почему вы работаете кельнером?

— Нравится,— ответил я. Не рассказывать же ему все с начала про водоворот разочаровывающей действительности и неизбежную измену идеалу. Очевидно, сытый голодного не разумеет. К тому же, как говорится: умный не скажет, дурак — не поймет.

Он обмолвился еще о том, что во Франции с работой было бы получше. Потом высказал какую-то чушь, мол, «когда минует время блестящих и шумных удовольствий, их заменят другие, более безмятежные и приятные...»

Теперь уже я не понял, к чему он клонит, извинился и сказал, что мне пора. Он успел всучить мне свою визитку, на которой было указано, что живет он в «Метрополе». Впрочем, кто бы сомневался. Он оставил неприлично большие чаевые и пропал.

— Берд, это был твой отец?

— Если бы! Это был какой-то псих. Он потом появлялся еще пару раз, а через неделю явился снова и попросил меня выйти на разговор, чтобы сообщить нечто важное. Он начал рассказывать, что скоро уезжает и хотел бы взять меня с собой, что у него есть свое тихое поместье в альпийском предгорье, что он хорошо готовит, представляешь? Я, естественно, послал его куда подальше, но он, видите ли, обиделся:

— Как вы себе позволяете такой тон, вы же всего лишь кельнер! Я сейчас пойду, пожалуюсь на вашу грубость и вас выго...

— Это я там кельнер,— сказал я, указывая через плечо на гербовую рекламную вывеску “DF”, — а здесь я сниму бэйджик и дам тебе по морде, понятно?! И никуда ты, паршивый гомик, не пожалуешься.

Больше в баре его видно не было.

В общем, чего я там только не насмотрелся! Кстати, до этого я как-то не наблюдал потасовок в районе бара, но потом мне вспомнилась мысль Бастиана о том, что в такие времена, как сейчас, лучше оставлять мужчин, а Штеффи отпускать под вечер домой. Одна заварушка (на почве политических предпочтений) случилась в мою смену.

Я обслуживал компанию мужчин среднего возраста, как я понял, нацистских партийных функционеров, поскольку они заказали бутылку «Доктора Вагнера». Со стола, занятого этими беззаботными партгеноссе, целый вечер волнами неслись взрывы хохота. Я разливал вино в Sekflute — узкие длинные бокалы, когда увидел, что один из захмелевших молодых людей встал из-за столика напротив, и отправился к тому, за которым сидели люди из НСДАП*.

Пришлось звать Джонни — на пару мы их еле растащили. Все то время, пока Джонни выводил бунтаря к выходу, тот кричал:

— Зажравшиеся морды! Какие вы к черту национал-социалисты? Забыли, как в 20-х годах кормились с руки Генри Форда и других капиталистов?

Думаю, если его потом нашли — досталось парню за здорово живешь... Хотя, если откровенно, в глубине души я с ним где-то даже был согласен. Мне лично при монархии жилось спокойно — все было как-то четко: есть титулованные особы, и есть все остальные. А сейчас-то что толку — вроде бы формально никаких каст и сословий, и ты среднестатистический свободный человек, то есть попросту никто. А кто был никем, тот стал всем. Странно. Я уж не говорю про штурмовиков, которые захватили многие магазины и кабачки. Ведь не все же их хозяева были евреями —

* НСДАП (нем. *Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei*; сокр. *NSDAP*) — Национал-социалистическая рабочая партия Германии.

часто это случалось по доносу, из обыкновенной зависти. Бастиану в этом смысле повезло — его бывший одноклассник и старый друг был членом партии.

На чем я остановился? Да, а насчет денег, точнее чаевых, на эту тему у меня бывало много разных ситуаций и историй, из которых, пожалуй, самая распространенная заключалась вот в чем. Например, если условная сумма по чеку составляет 989 марок, то трудно рассчитывать на хорошие чаевые. Велика вероятность того, что гость расплатится банкнотой в 1000 марок и т.п. в зависимости от курса. Очевидно, что тебе тогда достается мелочь — Штеффи ее прозвала щебенкой, когда еще монеты были в обороте. Хватало таких проходимцев.

Кроме того, за время работы меня всегда удивляли люди, логика которых сводилась примерно к тому, что если оставлять кельнеру на чай, то надо давать и таксисту на бензин, сантехнику на прокладки и проститутке на белье — и все в таком духе. И я говорю не потому, что я какой-нибудь жалкий брюзга, просто на мое базовое жалование прожить было невозможно. Поэтому чаевые для меня были важны — это был главный и практически единственный источник моего существования, если не учитывать тот факт, что я работал, по сути, за еду главным образом.

— Хм, я сам нечасто ходил в хорошие заведения, но если быть честным, то я только иногда оставлял нормальные чаевые — в основном, если кельнер действительно хорош. Ну, то есть вежливый, если спиной не стоит, когда хочешь его позвать и вообще, если толковый, — напрягся Отто, вспоминая.

— Понятно. Ну, а я оставляю любому официанту, так или иначе. Просто хорошему — больше, — ответил Берд.

— Слушай, когда мы выберемся отсюда, мы должны обязательно встретиться и выпить. И я непременно оставлю нашему кельнеру на чай, я думаю, что теперь буду всегда оставлять! Особенно после твоей истории, — сказал Отто с доброжелательной улыбкой на русской бороде.

— Было бы здорово. Встретимся, — сказал Берд, добавив с оттенком горечи — Если выберемся...

Они оба смотрели в непроглядную даль вражеской стороны. На небе поблескивали, словно нож, холодные стальные звезды. Отто достал сигарету, пожившись от холода. Он укутался поглубже в шинель и устроился на пустом деревянном ящике из-под снарядов. Берд тоже закурил и поднес догорающую спичку сослуживцу.

— Спасибо. Мне тут вспомнилось, к слову. Знаешь такую шутку про скрягу: «Пруссак, баварец и шваб сидят, пьют пиво. К каждому в кружку залетает муха. Пруссак выливает пиво вместе с мухой и требует принести ему новую порцию. Баварец пальцами вытаскивает муху из своей кружки и продолжает пить пиво. Шваб вытаскивает муху и заставляет ее выплюнуть пиво, которое она успела проглотить».

— Ха-ха, занятно! Нет, не слышал. Но у нас как-то был подобный случай.

Бастиан уехал в порт решить какой-то вопрос по доставке рыбы, я уже не помню. Штеффи осталась за старшую. Штеффи... Она была само очарование, а главное, она работала не за деньги, она была предана своей работе настолько, что могла ради нее съесть и таракана.

Она стояла в зале и общалась с посетителями, а я был у окошка на раздаче, ждал заказанный Eintopf*. И в это время один из посетителей закричал: «У меня таракан в супе!» Все затихли и обернулись на выпучившего глаза незадачливого бюргера...

* Eintopf (нем. «один горшок») — блюдо немецкой кухни, густой суп из мяса и овощей, заменяющий собой первое и второе блюда.

Ты не в курсе, наверное, но у наших официантов, как и во всех немецких барах, была своя специализация: один подает только десерты, другой — исключительно закуски, там третий — супы и так далее. Так вот, супы подавал я, но то ли не заметил ничего, то ли этот злосчастный таракан заполз в тарелку уже после подачи. Я направился к эпицентру этого кошмара, но Штеффи тоже кинулась туда и подоспела раньше. Ничего не говоря, она взяла ложку из рук посетителя, выловила этого таракана и съела!

Мне было так плохо, меня так рвало! Я не мог остановиться: плечи и шею окутывало жаром, и тошнота сдавливала живот. Очнувшись, я сгорал от стыда и не знал, что я скажу Штеффи. Она подошла ко мне сама и говорит: «Если любишь свое дело, умей и тараканов есть. А не любишь — иди, работай в другом месте». Инцидент был исчерпан, хозяйину она ничего не сказала.

Я тогда этих слов не понимал, а понимать их стал все больше сейчас. Очень мало людей, которые работают и делают любимое дело — гораздо больше людей, которые ходят на работу, и она им что-то должна. Люди, которые любят дело — всегда будут иметь доход. Потому, что они не работают — они зарабатывают.

— Вот это конфуз! Знаешь, я до этого разговора действительно никогда не задумывался об этой работе, все наверняка считают, что именно у них самая трудная жизнь и что им тяжелее всего работается...

— Да, а ведь дело даже не в том, что кельнер на секундочку несет материальную ответственность за выручку, сохранность посуды, что ему так же требуется внимательность и хорошая зрительная память — он является лицом заведения и его квалификация влияет на успех предприятия.

Как бы это ни звучало банально, но, работая здесь, я стал к тому же уважать чужой труд и внимательнее относиться к людям. Мне были известны имена и адреса всех постоянных клиентов, их привязанности, привычки и вкусы.

Например, одна состоятельная дама, фрау фон Рихтер, имела обыкновение пить вермут из ледяного бокала. Это был ее пунктик. Она была нашей постоянной клиенткой. Едва заметив ее появление, я несся к Джонни, чтобы он убрал пару бокалов в холодильную камеру. Хотя, само собой разумеется, на это не было никаких рекомендаций, включая правила подачи. Она воспринимала эту свою прихоть, как должное, однако, в свою очередь, выражала благодарность самым простым, но доступным для меня способом — никогда не забирала сдачу. Но когда на ее столике появились свежие цветы — она была действительно тронута, ведь она не подозревала, что в толстую записную книгу Бастиана были занесены даты дней рождения клиентов, юбилеи и прочие праздники, знаменательные даты...

Став официантом, я неожиданно впервые ощутил себя в своей тарелке, как бы это ни звучало здесь комично, словно «масляное масло». Мне показалось, что я нашел себя. Мне нравилось общаться с людьми, как бы делал это, стань я юристом. Я мог угодить любому гостю, уладить любую ситуацию, даже в укор своему жалованию, ведь главное, чтобы каждый ушел довольным. Моя работа доставляла мне радость, которой я делился с окружающими.

Впрочем, кому теперь какое дело, ведь не так давно мне снова пришлось сменить работу, когда пришла повестка...



Алексей Яшин
(г. Тула)



НОВЫЕ МЫТАРИ*

◆ Опальный профессор Игорь Васильевич Скородумов, душой отдыхая от зимне-весенних боевых операций против него, массированно организованных добрыми своими кафедральными и факультетскими коллегами, полюбил раз в неделю — в две заглядывать на огонек к пригородному Прокофьючу с супругой Тихоновной и налогоплательщиком котом Мичманом. Во-первых, хотя и седьмая вода на киселе, но какой-никакой родственник им: брат Витька, мужа их дочери Веры; во-вторых, в пригороде, уже двадцать лет как лишенном всякой промышленности, дышалось легко зимой и летом, а главное — здесь была сведена к нулю вероятность встретить лицом к лицу кого-либо из этих самых коллег. Тем более, не ездили по поселковым дорогам крупные университетские чиновники на «меринах» с самыми блатными номерами. Хотя они-то как раз никакого участия в импичменте Игоря Васильевича не принимали, но на всякий случай при встречах в коридорах административного главного корпуса руку, как прежде, заслуженному профессору не протягивали, ограничиваясь безличным кивком головы. Скородумов их понимал, не обижался, даже — как в том стокгольмском синдроме — сочувствовал. Непросто быть-стать чиновником!

Кстати, о блатных номерах, по поводу которых с завидным постоянством начинает верещать телеящик и даже волнуются думские фракции: то рекомендуют гаишникам отдавать их только коммунальным мусоровозам, то вообще изъять... Возникают и радикальные варианты, например, разрешить тем же гаишным управлениям торговать такими номерами с выпиской квитанций, чеков и прочей финотчетности.

...Когда, еще совсем недавно, проректора и начальники отделов здоровались с Игорем Васильевичем при встречах за руку, называя его гордостью университета, то если таковая происходила перед парадным входом в главный корпус, через который вступали в храм науки только высшие чины, имевшие ключи-карточки, подъезжавшие на специальную шлагбаумную стоянку в своих авто, то Скородумов фамильярно восхищался номером, составленным из одинаковых цифр и букв.

Хозяин авто от похвалы разливался в неофициальной улыбке, любовно похлопывал свою «ласточку» по тонированному боковому стеклу и отвечал просто и однообразно: «Друг на день рождения номерок подарил!»

Склонный по своим научным упражнениям к анализу, синтезу и обобщениям, Игорь Васильевич четко усвоил: русский народ любит дарить подарки, но каждый по своей епархии. Кто чем богат, желательно из чужого, из казенного котла. Поэтому гаишник в чине не меньше майора, собираясь на именины-крестины к полезному, даже в далекой потенции, человеку, прихватывает с собой жестянку с блатным номером, который он уже заранее «вбил в комп» на именинника. Потом дойдет дело и до крестника.

* Из цикла «Картинки с выставки»; начало см. в «ПЗ» № 2, 2013.

...Но более всего наш профессор сошелся с простым, но многомудрым работягой Прокофьичем в части любви к книжной мудрости. Где старику найти такого собеседника в полудеревенском пригороде? Это только у писателей-шестидесятников что ни деревенский мужик, так кладезь этой самой исконно-домотканой мудрости! И Игорю Васильевичу в страшном сне не приснится завести разговор на отвлеченно-историческую или философскую тему с коллегами — профессиональными «преподами». Последние последнюю книгу в своей жизни прочитали на первом курсе института-университета, а говорить на своем суконно-училкинском языке умеют только о ЕГЭ, стобальной болонской системе оценок, экзаменационных ведомостях и — со злобной завистью — о высоких зарплатах деканатских баб. О доходах более высоких университетских чинов опасно помалкивают.

◆ Так они еще несколько лет назад и нашли друг в друге уважительных собеседников. Особенно когда Прокофьичу досталась большая часть раритетных изданий из ликвидированной поселковой библиотеки. А Игорь Васильевич сам великий охотник до редкостных старопечатных книг, запах которых отдает вековой мудростью.

В обычный будний день, чтобы застать дома только Прокофьича с супругой и котом, а то по выходным наезжает родня — оно приятно повидаться, но гостеприимная и тороватая Тихоновна локализует все общение у большого гостинного стола... так вот, в будний день недели, захватив из дома для показа Прокофьичу какую-нибудь редкую книжицу, а из соседнего голландского магазина «Спар» бутылочку акцизной, садится Игорь Васильевич на рейсовый автобус или на нелюбимый им автолайн и через полчаса уже входит в незапертую калитку знакомого дома, где его по летнему времени уважительным «мяу» встречает Мичман, развалившийся на солнышке обок крыльца.

Тихоновна подает в «кабинет» супруга, совмещающий библиотеку и поделочную мастерскую, закуску к акцизной и литровый заварной чайник. Больше не мешается, а тотчас появившийся «на огонек» Мичман располагается на *своем* стуле-полукресле и внимательно вслушивается в суть степенного разговора двух книжечеев.

Прокофьич деликатно не расспрашивает профессора о завершении его зимневесенних злоключений, но Игорь Васильевич сам докладывает текущую диспозицию.

В Астану профессорствовать в Евразийском университете имени Льва Николаевича Гумилева за двадцать штук «зеленых» он, конечно, не поехал. Даже не резко-континентальный казахский климат и вынужденная временная отдаленность от дома-семьи его смутили. Здесь дело в другом. Вконец осточертело ему преподавательство. Он и раньше читал лекции, стиснув (мысленно) зубы, вообще старался свести их к минимуму, «забывая часы» аспирантами-докторантами, членством во многих диссертационных советах. Теперь и вовсе обрыдло. Потом... сами студенты. Их университет давно уже увлекся вербовкой иностранцев: настоящих и из бывшей советской Средней Азии. Их уровень школьной подготовки и знания русского языка доводили до тихого помешательства и без того слабоуравновешенных училок — профессиональных преподавателей обоего пола. А что его ждет хотя бы и в русскоязычном Северном Казахстане? Тем более что в многократно переименованную* Астану сейчас съехалось все огромное чиновничество страны — сплошь этнические казахи. Соответственно, их дети и заполняют университетские аудитории. Русские же подданные возрожденного суверенного половецкого** государства, как и в советское время, трудятся на

* Со времен кочующих султанатов город назывался Акмолинском. В 1961 году он стал геройским Целиноградом; в 1992 году стал суверенной Акмолой; в 1994 году туда перенесли столицу из Алма-Аты; через четыре года Акмола стала называться Астаной. — Прим. авт.

** Некогда, во время учебы в Литературном институте им. А. М. Горького по рукам студенческой братии ходила только что изданная книга Олжаса Сулейменова, тогда главного казахского поэта и члена ЦК республиканского ВЛКСМ, под названием «Аз и Я» (читается как «Азия», но смысл иной: Аз — это русский, Я — казах). В ней автор обосновывает версию происхождения современных казахов от половцев. — Прим. авт.

рудниках и заводах, теперь работающих на западные демократии... Из тех, конечно, которые по каким-то причинам не смогли в девяностых перебраться в Россию.

Конечно, по опыту общения Игорь Васильевич знал, что студенты-казахи на голову выше — в прямом и переносном смыслах — среднеазиатских потомков чингизхановцев и индоарийцев-таджиков. Да и Прокофийч казахов похваливал: ввиду высокого роста, крепкого телосложения, хорошей грамотности их в советское время, наряду с русскими, украинцами и белорусами охотно брали на срочную во флот. «У нас на крейсере «Киров»,— вспоминал он с легкой ностальгией,— при общем парадном построении на палубе весь правый фланг сплошь казахским был. Хорошие ребята!»

Профессор охотно соглашался, но в голове держал, что именно в Алма-Ате в середине восьмидесятых годов, еще до прибалтов, началось первая антисоветская буча... Короче, раздумал он ездить на подработку в Астану и вообще куда-либо. Славны бубны за горами...

◆ Тем более — нет худа без добра даже в наше волчье время,— все как-то само собой «устаканилось», говоря инженерным языком молодости Скородумова. Остался он и в университете, лишь самую малость потеряв от прежней, тоже нищенской, зарплату профессора; и любимое детище — журнал *«Феномены разума: XXI век»* университетская типография продолжала тиражировать. Кабинет его с полутора тысячами книг и журналов, всей полудомашней инфраструктурой также остался за ним. Но главное — никакого преподавательства! «Сбылась мечта идиота»,— бормотал он порой с ухмылкой, слыша из коридора вопли среднеазиатских и ближневосточных студентов на гортанных родных языках и не менее громкие понукания вконец осатаевающихся под конец учебного года «училок»... обоего пола.

Самое существенное, что Игорю Васильевичу даже не пришлось прибегать к поддержке извне, не пустил он в ход малую, среднюю и большую «артиллерию». Здесь помогли декан их факультета и, особенно, его первый заместитель — все тот же Дмитрий Алексеевич, у которого некогда Скородумов почти год «отсиживался», защищая первую докторскую диссертацию после ухода из НПО «Меткость». С которым участвовал и в зимней дачной эпопее с «кувалдометром».

Как судьба их вновь свела? — Да очень просто. Лет пять назад Дмитрия Алексеевича, как человека очень воспитанного, порядочного и заботящегося о своем коллективе, со всем его старорежимным набором совковых качеств выжили с должности гендиректора созданного его трудами департаментского информационно-аналитического центра. Предчувствуя это, Дмитрий Алексеевич загодя защитил докторскую диссертацию, в части которой Скородумов был у него научным консультантом, и перебрался в кабинет замдекана.

Да и сам декан на том заговорщицком совете факультета, где Игоря Васильевича опустили донельзя, не голосовал против него, но выбрал позицию Понтия Пилата; дескать, как коллектив решит... И даже в приватном разговоре после собрания для острастки покричал на бывшего коллегу: «Да ты надоел всем своими...» Чем «своими» он не сформулировал, смяв концовку. Понятно «чем своими». Когда же Игорь Васильевич все же попробовал обрисовать ситуацию сговора против него, то декан безглаголиво обрезал: «Да кому т-ты нужен!»

Скородумов никакой обиды на него не держал, понимая: как не быть Понтием Пилатом, умывающим руки, если на нем немалый факультет, много недоброжелателей в городе и в министерстве. Никакого резона менять одного пострадавшего профессора, хотя бы и двойного, на десяток «училок», проголосовавших против, у него, как руководителя, нет. На вопрос же Игоря Васильевича о журнале и каком-никаком «закреплении» в университете до лучших времен, декан заверил, что «Феномены разума» надо и дальше издавать; он, дескать, уже говорил на эту тему с ректором.

Насчет же «местечка, порадеть человечку» он перескочил на любимого конька, начал рассуждать на отвлеченные темы: вот, мол, возродим наш *НИИ* в составе университета, там и тебе достойное место найдется; знаю, преподавать ты не любишь, зато наука тебе хорошо дается... И далее в том же наклонении. Мечтательном.

Игорь Васильевич «отстоял» оставшиеся полмесяца своего профессорства, а затем поговорил с конкретным Дмитрием Алексеевичем. Тот сразу взял быка за рога и с помощью декана приискал Скородумову «зацепку»: какое-то ничтожное инженерное место, настолько ничтожное и ни к чему его не обязывающее, что название своей новой должности он не запомнил. Оклад еще более ничтожный, но к нему выхлопотали серьезную надбавку, как главному редактору издаваемого университетом журнала, да еще положенную ему надбавку за звание «заслуженного»... словом, почти как прежнее жалованье. Да еще прежний его завкафедрой почасовое время от времени подкидывает, поскольку Игорь Васильевич оставил за собой кафедральных аспирантов и научную работу.— Все на рейтинг, как сейчас говорят, кафедры.

Кстати, переоформляясь с одной должности — преподавательской на другую — служащих и сотрудников, Игорь Васильевич со смешанным чувством изумления, порой негодования, но и сарказма, понял: как он отдалился за годы профессорства от реальной жизни?

Как условного препода-почасовика его тотчас отправили в тулуповский Большой дом, то есть в областное управление *МВД* за справкой об отсутствии судимости. Пояснили: уже год как ото всех «вновь поступающих» в преподаватели всех видов обучения требуется такой документ. Выстояв в подъезде № 2 Большого дома большую очередь из вузовских и школьных преподавателей, соцработников и даже соискательниц мест уборщиц в детсадах, он попал-таки в нужную комнату, где у него забрали заполненную в очереди анкету и велели прийти за справкой через месяц. «Сразу две справки заказывайте,— понимающе посоветовала делопроизводительница,— может пригодится, например, для совместительства; чтобы еще один месяц не ждать».

Так он и сделал. Кстати, знакомясь с анкетой, он прикинул: примерно такую он не раз заполнял, работая инженером в военпроме, на получение по линии *КТБ* справки для доступа к секретным и совсекретным работам и документам...

Но вот где поиздевались над ним вволю, так это в университетском отделе кадров. Если в профессорской должности он, хотя и редко, но общался с кадровиками преподавательского подотдела, где народ вежливый, то теперь им занималась дама из подразделения для сотрудников и служащих. При первом его появлении матерая кадровичка, доселе много лет приятно улыбавшаяся, как всякая молодящаяся (в «пятьдесят лет выглядеть на тридцать пять»,— из *ТВ*-рекламы), и здоровавшаяся при встрече, сугубо официально осведомилась о цели прихода и фамилии. Игорь Васильевич усмехнулся: почти два месяца женщины административного главного корпуса обсуждали, почти обломав языки, невероятную новость, в фантазийном неистовстве расписывая профессора Скородумова, этакого ухаля-купца, что только и делает весь рабочий день, как пьет самоварами водку, поет на весь учебный корпус лихие разбойничьи песни, матом шлет куда подальше добрых своих коллег — профессоров и деканатских девушек-женщин, в коридорах публично обнимает и тискает грудастых азиатских старшекурсниц, а устав от публичности, на час-другой запирается в кабинете с одной из своих аспиранток. Даже такую пикантную подробность сообщали друг дружке женщины главного корпуса: этот охальник Скородумов требует, чтобы аспирантки непременно носили кружевное французское белье и склонялись к французской же специфике интимной близости...

◆ Игорь Васильевич пояснил молодящейся Любове Геннадьевне цель прихода.

— Так...— кадровичка сделала вид, что не знает *Ф.И.О.* проштрафившегося *быв-*

шего профессора и, обиженно поджав губки, продолжила,— Заполните анкету *вновь* поступающего на работу в университет, вот вам направление на медосмотр в нашу поликлинику или по месту жительства, «бегунок» по разным отделам: технике безопасности, пожарной службе... там все написано и...

Здесь Игорь Васильевич не сдержался:

— Какая анкета? Какая поликлиника? Вы же прекрасно знаете, что я только что получил трудовую книжку в соседней комнате. Возьмите у соседей мое личное дело, там все имеется! А профмедосмотр я прошедшей осенью проходил.

— Видите ли,— Любовь Геннадьевна сделал вид, что вспоминает его фамилию, не вспомнила, однако,— раньше вы профессором работали, поэтому как преподаватель и проходили профосмотр. Сейчас же вы оформляетесь на инженерно-техническую должность, а там другие требования к состоянию здоровья. Ведь вам теперь придется заниматься со станками, оборудованием...

— ...Подъемными кранами, торпедными аппаратами,— съехидничал Игорь Васильевич.— Вы, уважаемая Любовь Геннадьевна, прекрасно понимаете: никакими станками и оборудованием я заниматься не буду, а продолжу свои прежние дела: научную работу и редактирование журнала!

— Не знаю, не знаю. Может, вы и чем другим будете заниматься,— со значением произнесла кадровичка, язвительно усмехнувшись,— но без медсправки я вас оформить не имею права. До свидания!

На следующий день Игорь Васильевич, благо жил рядом с университетским городком, обегал все пожарные и иные службы, получил от скучающих, очень приятных старушек, бывших преподав-ассистентов подписи и печати. Под конец отправился в университетскую же поликлинику.

Хорошо зная главврача Нину Тимофеевну, вошел в ее кабинет, протянул направление из отдела кадров, объяснил ситуацию. Та дружелюбно посмеялась и хотела уже написать на бланке направление разрешающее, но здесь, что-то вспомнив, спросила:

— А вы, Игорь Васильевич, в последние год-два приносили бумаги из психдиспансера и алкодиспансера?

— Да-а, Нина Тимофеевна, вроде как раньше не требовалось. Я ведь не первый год в университете работаю.

— Видите ли, уважаемый Игорь Васильевич, как говорили древние: «Все течет, все изменяется». Особенно в части руководства минобразования. Вот и циркуляр о диспансерах только-только подоспел. А это — приказ, который мы должны неукоснительно исполнять. Увы... Кстати, вам еще повезло: на «выходе», как я краем уха слышала на областной медконференции, указ предоставлять при приеме на работу справки из кожвендиспансера, госимущества, земельного кадастрового бюро и еще откуда-то... не запомнила. Так что Наталья Тихоновна,— Нина Тимофеевна кивнула своей почтенной секретарше,— объяснит, где располагаются эти два диспансера и — ждем вас со справками!

Наталья Тихоновна надписала на случайной бумажке адреса — в разных удаленных частях города, заметив:

— Направлений мы не даем. Они сами по компьютеру проверят и выдадут справки. Каждый диспансер — свою. Да, еще не забудьте для психдиспансера захватить военный билет.

Игорь Васильевич, понятно дело, никуда идти не собирался. Выйдя из поликлиники, позвонил давнему знакомому — терапевту заводской поликлиники и уже через час имел на руках искомое. Даже восхитился, читая справку. Видно, терапевт накануне был на «свадьбе у архиерея». Получалось так, что Игорь Васильевич был годен

ко всем видам трудовых свершений: от сварки под водой до монтажного верхолазания. Даже Любовь Геннадьевна, ознакомившись со справкой, случайно вспомнила имя-отчество бывшего профессора.

◆ Прекрасно понимал он специфику работы в вузе, переплетенную иерархию горизонтальных и вертикальных, как сейчас модно говорит, взаимоотношений, сложившихся за многие десятилетия традиции... Опять же сам контингент тружеников высшего образования. Несколько странно смотрящийся со стороны.

Но доселе, до зимне-весеннего натиска на него, Игоря Васильевича все это мало касалось. Он знал свой «должностной шесток», в начальство не стремился, общение с коллегами сводил к минимуму. Иные дела, сугубо научные, довели над ним. С сожалением тратил он немногие, слава богу, часы на ненавистное ему преподавательство.

Соответственно, и окружающий его народ — от матерых профессиональных преподавателей до бесчисленных служащих женщин главного корпуса — мало интересовался странноватым профессором со множеством степеней, званий и наград. «Рядовым профессором», — как любили к месту и не к месту подчеркивать проректора и высшая служилая часть учреждения.

И вот сейчас, когда его «опустили» донельзя по вузовским меркам, Игорь Васильевич (о, натура доброго русского человека!) испытывал болезненную почти что жалость при случайных встречах с прежде доброжелательными коллегами. Сколько он в жизни прочитал романов о бедолагах, впавших в коллективную немилость, но ведь многожды верно сказано: только проверив на себе, поймешь страдания библейского блудного сына.

Здесь проще всего было с проректорами и другим высшим служебным людом. Во-первых, Игорь Васильевич, как «рядовой профессор» по должности, с ними и ранее почти не общался. Опять же про шесток. Во-вторых, то, что теперь они при встречах во «властных коридорах» главного корпуса в лучшем случае задумчиво-неопределенно кивали в четверть наклона высокооплачиваемой головы, а то и вовсе поворачивались к стене, с интересом рассматривая фотографию бывшего тулуповского губернатора с подписью: «Кандидат технических наук. Почетный доктор наук», кстати, уже второй год находящегося под следствием, Игорь Васильевич воспринимал с пониманием. С опальными нечего амикошонствовать!

...Сразу вспоминался кадр из недавно показанного по *ТВ* фильма-скороспелки о маршале Победы: как только Георгий Константинович волею Кукурузника поменял мундир на штатский пиджак, так даже его бывшие подчиненные, по гроб жизни обязанные протезе, начали обегать его округ как чумного...

Совсем просто и с теми десятью «добрыми коллегами», членами факультетского совета, что проголосовали против двойного профессора. Игорь Васильевич их просто и навсегда вычеркнул из своей жизни и памяти. Так они, стервецы, не слыша от опального профессора дежурного «здрассьте», еще и обиделись на него смертельно! Дело в том, что Скородумов нарушил неписанный «кодекс училки», неважно, вузовской или школьной.

Суть кодекса в том, что хоть насмерть переругайся с кем-то на педсовете или деканском собрании, подсунь друг другу даже не свинью, но уголовно-преследуемого хряка, однако на другой день при встрече будь добр раскланяться. Да еще и змеиную улыбочку изобрази!

Но вот где ничего не изменилось, так это во взаимоотношениях Игоря Васильевича с «нижними чинами» университета: вахтерами, уборщицами, электриками и сантехниками. Они люди простые, русские, то есть на добро отвечают добром. А профессор Скородумов со всеми был отменно вежлив, полагал нужным перекинуться

при встрече парой-тройкой слов с себе на уме электриком Сергей Сергеевичем, слабопохмельным водопроводчиком-канализатором Михайлой...

...И вообще Игорь Васильевич придерживался мнения: лучше с пастухом два часа проговорить, чем пяток минут с коренным университетским профессором. Первый великолепным народным русским языком (словарь Даля + многоэтажный беззлобный мат) охарактеризует всю суть нынешней жизни, которую городские жители слабо представляют. А вот слушать, даже пять минут, профессионального препода — все одно, что комок ваты жевать.

Но болезненная жалость, чисто русское сострадание к типичному чеховскому персонажу, всякий раз пронизывала Игоря Васильевича при встречах с профессорами и доцентами других факультетов, а особенно со служащими женщинами главного и иных корпусов.

Преподы, ранее не упускавшие возможность остановиться, поздороваться, изобразив на лицах радость, с шапочно знакомым им знаменитым в университете «четверным двойным», то есть двойным доктором, профессором, заслуженным и почетным — все «в квадрате», теперь, опасаясь скомпрометировать себя, либо кивали, но чаще, чуть усмехнувшись, отворачивались. Совсем нагло вели себя выдвиженцы, то есть молодцеватые доценты из тех, что в прежнее время к тридцати годам уже уверенно занимали вторые позиции в вузовских партийных, комсомольских и профсоюзных кормушках. Теперь же они не менее уверенно отирались ошуюю и одесную университетского начальства. При встречах они немигающе, в упор смотрели на штрафника, презрительно, как голливудские актеры в амплуа супермена, перекосив нижнюю челюсть. Зимой Игорь Васильевич вычислял выдвиженцев по однотипным, лихо заломленным высоким шапкам-киверам. Вспомните схожий головной прибор «князя» Жоры Милославского из «Иван Васильевич меняет профессию»...

И их, вроде как нахальных, Игорь Васильевич понимал и даже сочувствовал им. Они, хваткие не умом, но чем-то его заменяющим, еще не осознали сложность запетлеванного пути выдвиженца без сколь-либо влиятельной «руки». Сколько им придется вылизать чужих, замызганных навозом, сапог; не один десяток мелких и средних пакостей сделать; шея постоянно саднит и ноет от бесчисленных полупоклонов, а тут и геморрой — неизменный спутник многочасовых посиделок-обязаловок на конференциях и совещаниях по части выеденного яйца. — И при этом все писано вилами по воде: можно чудом выскочить в помощники проректора или в завыв подотдела какого-то менеджмента адаптации к чему-то, а чаще всего остаться в доцентах до пенсии.

Ох, женщины-девушки на секретарских и служащих должностях, что в бесчисленных управлениях, отделах и подотделах главного корпуса чинно сидят за своими столами: в два-три ряда в помещении!..

◆ Ох, женщины-девушки! Сидите вы всю свою, вечно молодую, жизнь по восемь часов с законным обеденным перерывом от 12.00 до 13.00 на жестких стульях, с годами деформирующими прелестнейшую округлость тела, сверяете и переписываете скучнейшие сводки, ведомости, циркулярные письма. А мысли ваши где витают? А где надо, не охальничайте, Игорь Васильевич! Это они раньше так смешливо укоряли много чего знающего профессора. А он, подписывая у эффектной (крашеной) блондинки Аллы некую второстепенную бумагу, рассказывал, со ссылкой на Зигмунда Фрейда, что хронически сидячая работа постоянно вызывает прилив крови в тазовую область у женщин бальзаковского возраста, что, в свою очередь, постоянно держит их в состоянии сексуального возбуждения.

— ...Вот, Аллочка, вечером, наверное, охотно смотришь сериалы из современной жизни, где в каждой серии не менее трех-четырех адюльтеров, причем все женщины из «офисных креветок», как сейчас говорят, то есть весь день сидящих перед «компом»?

— Да, Игорь Васильевич, смотрю: такая красивая жизнь! И любовь, конечно, если только стрелять ревнивцы под завязку серии не начинают.

— Вот-вот, офисная любовь по поводу и без него и сопутствующие трупы — все следствие фрейдовского либидо, усиленного приливом крови в тазовой области!

— Фи, Игорь Васильевич, все у вас как-то обыденно, прилив крови... А высокое чувство?

— Для высокого чувства нужен мужик с высоким банковским счетом. В долларах, конечно,— опошляет игривую болтовню профессора и регистраторши пожилая сотрудница с соседнего стола, воспитывающая двух внучек-безотцовщин...

Все было так безобязательно — мило, легковесно и даже давало профессору некий заряд бодрости от пикировки с молодыми и грудастыми инспекторшами, секретаршами, учетчицами и носящими неопределенное название должности «специалист».

И все так скверно закончилось. Поскольку у него теперь, как технического сотрудника вспомогательного подразделения университета, никаких дел в главном корпусе не имелось, то со служащими барышнями он встречался только на улице, в основном, в пределах студгородка.

Издали завидев ту же Аллочку, секретаршу какого-нибудь проректора, «специалиста» из учебно-методического управления, любую другую женщину-девушку, Игорь Васильевич внутренне морщился, если не было возможности разминуться, ибо знал, что своим видом он вызывает в случайной визави серьезное душевное смещение. И вот неумолимо приближающаяся к нему навстречу та же Аллочка либо неестественно строго и официально произносит «здравствуйте, Игорь Васильевич» — с логическим ударением на первом слове; либо же, полуотвернув испуганно-встревоженное лицо, едва заметно кивает, причем так, что непонятно: ему ли она кивает, а может проезжающей мимо мусороуборочной машине...

Слабознающие опального процессора женщины и вовсе проходят мимо него, как мимо пустого места.

...Бедные вы, бедные, рабыни нелегкой служебной жизни в университетском змеином гнезде!

◆ На исходе первого летнего месяца Игорь Васильевич появился у Прокофьича озадаченно-веселый. Поздоровался с хозяином, передал Тихоновне «к обеду» бутылочку редкой сейчас «зубровки», причем белорусского производства, дурашливо потрепал за пушистый хвост налогоплательщика кота Мичмана.

— Однако, Прокофьич, еще раз аукнулось мне изгнание с профессорской должности!

— Что такое? Опять доносы пошли? Ишь, народ какой ваш, пока не добьет до конца, не успокоится...

— Да нет, доносы, конечно, время от времени пишут. От этого никуда не денешься. Так истари заведено в вузах. Настоящий препод-профи считает день из жизни потерянным, если не полается с коллегой или не «капнет» на кого: изустно либо письменно. А на меня теперь и сам бог велел: то завкафедрой покажется слишком раскрасневшимся (накануне, в воскресенье, загорал на городском пляже в парке) мое лицо, то деканатская бабенка заподозрит некоторую матросскую развалистость в походке,— это когда погода меняется, и коленка левая ломит... Да мало ли что кому покажется. По привычке доносят декану, хотя я сейчас вроде как никому и не подчиняюсь. Пущай их душу отведут!

— Так что акнулось-то, Васильич?

Скородумов вкратце напомнил Прокофьичу завершение той первой зимней провокации: когда случился с ним в рабочем кабинете гипертонический криз из-за тре-

волнений с лжесожжением любовно построенной дачи, вызвал он сразу «скорую» и «ментовскую» — чтобы сделать официальное заявление о телефонном терроризме.

Как и положено, менты, теперь уже в гордом полицейском именовании, прибыли всей опергруппой первыми. Со скукой прочитав загодя написанное Игорем Васильевичем заявление, лейтенант с водянистыми глазами и злоугольными усиками, вернул бумагу хозяину кабинета, почему-то порекомендовав отдать ее жене... Оба подчиненных сержанта паскудно заготали, видно вспомнив что-то веселое.

— Давайте-ка, гражданин профессор, проедемся с нами: лицо у вас слишком красное, двигаетесь неуверенно, в словах частите, так что все понятно: состояние среднего алкогольного опьянения с нахождением в общественном месте.

Сколько ни объяснял полицаям Игорь Васильевич, что у него гипертонический криз, а потом, хотя он и профессор, даже двойной, но все же не совсем идиот, чтобы, будучи выпившим, сам себе вызывать опергруппу, те, оправляя портупеи, торопили Скородумова на выход:

— Вот сейчас проедем в наркодиспансер, освидетельствуем; врачи и скажут: криз у вас или, так сказать, кризис неумеренного употребления... Одевайтесь, а то мы и в одном пиджаке доставим!

Зазвали из коридора двух лаборанток, приказав им подписаться свидетелями в акте фиксации нарушения. Но здесь в кабинет уверенно вошли врач и медсестра прибывшей «скорой». Деловито померив давление и сняв кардиограмму, они так же молча-деловито отбили профессора у ментов и отвезли в больницу скорой помощи.

— Я уже, Прокофьич, как-то забывать стал все эти перипетии. Про ментов и вообще не думал, коль скоро не удалось им меня «освидетельствовать», так и взятки гладки. Тем более, есть эпикриз из больницы, где много написано про криз, но ни слова про «промилле».

◆ — Ну, забыл и правильно сделал. Так человек устроен, а тебе, как большому ученому, и вовсе это хорошо известно, что долго он помнит о хорошем, но напрочь хоронит память о плохом. Если, конечно, он не злопамятный. Кстати, Васильич, похвастаюсь я. Надысь послала меня Тихоновна на наш поселковый базарчик: того-сего по хозяйству прикупить. Самой некогда было — тесто для пирогов на именины старшей внучки творила.

А в заднем, блошином ряду заметил незнакомую старушенцию с ворохом потрепанных книг. Просмотрел? Всякая чушь детгизовская, старые школьные учебники, а среди них — смотри, что нашел и за полтину бумажную купил!

И Прокофьич, светясь довольством и только что введенной в организм стопкой разгонной «перцовки», снял с полки для наиболее редкостных морских книг малого формата томик в обтрепанном матерчатом переплете. Игорь Васильевич развернул ее на титульном листе и несколько разочаровался: то было обычное, стереотипное, двадцать какое-то по счету издание «Нового Завета» конца 1890-х годов в переводе с церковнославянского на русский. У него самого дома такой же имелся.

— Нет-нет,— правильно понял его сомнения Прокофьич,— ты штампик почти затертый в левом нижнем углу смотри!

Напряг профессор зрение и кой-как разобрал текст библиотечного штампика по старой орфографии. Следовало, что книга та относится к имуществу кают-компания линкора флота Его Императорского Величества «Императрица Мария».

— Ух ты! — Игорь Васильевич восхитился.— «Императрица Мария» не канонерка «Кореец». И какими судьбами это Евангелие занесло на тулуповский пригородный базар?

— Бывает, Васильич, бывает и не такое. Спрашивал, да та немой оказалась. Или придурялась на всякий случай. Кинул ей пятидесятку, забрал книжку и пошел мало-

сольную селедку искать. Тихоновна особо мне про нее талдычила. А вот интересно, Васильич, все апостолы Христа по молодости грешниками были, но потом опамятовались и пришли к нему учиться. Тот же Павел фарисей известный, Христа ругмя ругал; Матфей-евангелист мытарем служил...

— Извиняюсь, Прокофьич, перебью. Павел живого Христа и не видел, а учение его воспринял и по Свету распространял уже после распятия и вознесения Иисуса. Что же касается Матфея, то сейчас и у нас в России его коллеги по первой, так сказать, профессии распространились чрезвычайно. Грядеши племя новых мытарей, будь не к ночи они помянуты. Я, кстати говоря, новых мытарей и имел в виду, говоря с порога, что аукнулось мое изгнание из профессоров. Давай-ка по второй под закусочку Тихоновны махнем для разговора.

◆ Закончились-таки для Игоря Васильевича зимне-весенние правежи над ним со стороны объединившихся добрых коллег при занявших позицию Понтия Пилата администраторах. Обломав языки, несколько поуспокоились университетские девушки-женщины. А давний друг Дмитрий Алексеевич помог ему закрепиться в вузе. И профессор — двойной, но без таковой должности — Скородумов, несчастливо-счастливо освобожденный от доуки чтения лекций потомкам Чингиз-хана и горских князей, снова вошел в обычный ритм трудовой жизни. Опекаемый им журнал, очередная книга многотомной монографии... все «устаканилось». Впрочем, подобные термины декан рекомендовал ему не употреблять. Впредь до новой левизны-правизны в «линии партии и правительства».

Да еще декан несколько смягчил правеж: «Полгодика подожди, Васильич, все ус... то есть успокоится, сходим на прием к ректору и, так сказать, восстановим статус-кво!»

Совсем успокоился опальный профессор, но тут-то и аукнулись события полугодовой давности. Семнадцатого числа, как у него было принято, зашел он с утра с ближнюю к его университетскому корпусу сберкасса, на счет свой в которой он перечислял зарплату и недавно оформленную пенсию. Зашел снять обычную сумму на месячные домашне-хозяйственные расходы.

Но приятной молодости и наружности девушка-операторша в окошке № 3 сберкассы огорошила знакомого клиента:

— Игорь Васильевич! Я, конечно, выдам вам нужную сумму, но... на ваш счет наложен арест. И из пенсионного фонда в этом месяце перечисления не было; также, наверное, наложен арест.

Поскольку Скородумов ошарашенно молчал, то девушка, улыбнувшись, успокоила его:

— Да вы особо не беспокойтесь. Это сейчас у нас случается; наверное, какой-нибудь штраф забыли уплатить, а может, что по коммунальным платежам напуталось? Я вот вам запишу адрес приставской службы по нашему району, сходите, разберитесь.

Пока ждал автобус, затем ехал до нужной остановки и искал, расспрашивая всезнающих местных старушек, приставский «полуподвал со входом с торца дома», ему и в голову никакой штраф не приходил: дороги он переходил только на «зеленый», автомобиля отродясь не имел и так далее. На личного его кота, в отличие от Мичмана Прокофьича, никаких налоговых квитанций не присылали.

Потолкавшись в пустынном по жаркому летнему времени приставскому полуподвалу, Игорь Васильевич нашел ту комнату из десятка их, где его выслушали, нашли фамилию в компьютере:

— За вами числится неуплаченный с декабря прошлого года административный штраф, выписанный нашим райотделом полиции, тогда еще милиции, за ложный вы-

зов сотрудников полиции с малоубедительными доводами и пр. нахождение в состоянии среднего опьянения в общественном месте.

«Все-таки достали менты-полицаи»,— беззвучно пробормотал экс-профессор, а толстоватая приставша в старлейском звании докончила:

— Сумма штрафа — сто рублей; еще пятьсот — за приставское исполнение взыскания...

— Послушайте, уважаемая, но ведь мне никакого извещения о штрафе не приходило?

— А их сейчас никто и не рассылает. Согласно положению, вы сами должны в пятидневный срок от момента наложения штрафа уплатить его через любой банк или почту, предварительно зайдя в отделение... послушайте (старлейша взглянула на экран монитора), Игорь Васильевич, дело прошлое и... копеечное, а у вас аресты на счет и на выплату пенсии, проще ведь заплатить?

Игорь Васильевич охотно согласился и еще с полчаса томился в коридоре, пока разомлевшая от жары приставша, бормоча про «зависшие» компьютеры, ходила по комнатам. В итоге она вынесла клиенту нужную бумагу:

— Вот по этой заплатите в любом банке шестьсот рублей. Квитанцию с отметкой нам принесете, тогда остальное объясню.

◆ Через полтора часа Скородумов, запотев от езды туда-обратно в автобусах, снова отыскал в подвале давешнюю приставшу, вручил ей квитанцию об оплате.

На этот раз старлейша управилась минут за двадцать:

— В сбербанк и в пенсионный фонд сообщение о снятии ареста ушло, но кто их знает: дойдут ли? Компьютеры у нас старые... случается, что и не доходят. Потому возьмите две наши справки и, на всякий случай сами занесите в вашу сберкассау и обслуживающее вас отделение пенсионного фонда. Так-то надежнее!

На следующий день по утреннему свежаку Игорь Васильевич разнес-развез справки, где с них сняли копии, а оригиналы вернули, наказав на всякий случай, хранить у себя до конца календарного года.

— Вот так-то, Прокофьич, общаться с новыми мытарями!

— Нам не привыкать, Васильич. Сплюнь да забудь. Пошли на кухню. Тихоновна, судя по времени, уже обед сготовила. Сегодня у нас — бараний день: и харчо, и тушеное мясо с овощью. Намедни на нашем рынке баранину дешево продавали прямо с грузовика. Должно быть, краденую.

Налогоплательщик кот Мичман проводил внимательным взглядом хозяина и гостя, сладко потянулся, опустил усатую морду на вытянутые лапы и задремал. Что ему снилось? — Может и мытарства по уплате десятирублевого штрафа за выловленную сверхлицензионную мышь. А через растворенную в гостиную дверь из красного угла с иконы всех святых, что расположилась под образом Спасителя, на задремавшего Мичмана строго смотрел апостол Матфей. По первой профессии — древнеиудейский мытарь.



Рудольф Артамонов
(г. Москва)

ПАСЬЯНС



Наш постоянный автор, профессор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Начальник сказал: «Ты уволен».

Сима онемел. Все, что угодно, но только не это.

И оскорбительное «ты». Новый. Только что пришел. Никто его раньше не знал. Вошел хозяином в чужой кабинет, из которого еще вещи прежнего не вынесли.

Главное — что теперь будет? Что делать? Хотя бы полставки, понижение в должности. У него нет другой профессии. Да и кто возьмет старика.

Эти вопросы он не задавал начальнику. Тот сел за большой тяжелый стол, раскрыл папку с бумагами, протянул руку к телефону. Серафим Иванович для него больше не существовал.

На ватных ногах Сима вышел из кабинета.

— До свидания,— привычно сказал секретарше.

Та не подняла глаза. Тоже новая.

Пошел в свой отдел.

Никто не спросил, зачем вызывал начальник. Все были заняты. Сидели, уткнувшись в бумаги. Теперь стало не принято спрашивать. Похожее произошло со многими. Без объяснения причины. «Уволен» — и все тут. Странно, никто не возражал, не плакал, не умолял не оставлять без куска хлеба.

Так надо, решили где-то очень высоко.

Сима сел за свой рабочий стол. Выдвинул ящики, посмотрел на бумаги, лежавшие там. Смотрел долго, не беря в руки. Потом задвинул ящики и встал.

Окинул взглядом большую комнату отдела. Пробежал глазами лица сотрудников. Было много новых, молодых, пришедших вместе с новым. Никто не поднял голову.

— Пока,— сказал Сима и вышел.

В трамвае глядел в окно. Дорога, знакомая до боли в сердце. Тридцать лет по ней туда и обратно. Многое изменилось. Новые дома. Очень высокие. Кафе, рестораны с диковинными названиями. Автомобили разных иностранных марок прямо на тротуарах. Шикарные магазины, в которые войти страшно. Это была не его жизнь.

Хорошо было раньше. Стариков уважали. На пенсию, кто уходил, провожали всем отделом. Прежний приходил. Цветы были. Говорили много хороших слов. Дарили что-нибудь на память. По имени-отчеству звали. Не «тыкали».

«Куда все девалось?» — спрашивал себя Сима и не знал ответа.

Дома долго сидел неподвижно. Разговаривать было не с кем.

Свечерело. В комнате стало сумеречно.

Вскипятит чай. Но пить не стал сразу. Помешивал ложечкой, слушал, как она звякает о стекло.

Вспомнил о картах, о пасьянсе. Привык с одиночества. Это всегда успокаивало.

Включил свет над столом. Достал с книжной полки колоду уже состарившихся карт. Раскладывал медленно, поправляя тонкими узловатыми пальцами, чтобы карты лежали ровными рядами, не задевали друг друга. Любил порядок. Во всем, даже в раскладывании карт. Профессия научила бережно относиться к бумаге.

Открылась бубновая дама. Задумался. Блондинка. Была у него блондинка. Оставила ему дочь. Тоже беленькую. Один вырастил. Теперь замужем. Где-то далеко живет. Пишет иногда. О внуках пока не пишет. Дама сия была первая любовь. Она, хоть и блондинка,— огонь. Не ему чета. Увы, стала звать его Симой. Этим все сказано. Мягко был. Как понимал любовь, так и любил.

Пиковый валет. Вот кто ее увел, к кому она ушла. Хороший парень. Знал его. Немножко дружили. Задиристый. За словом в карман не лезет. Он ей руки не целовал. Цветов не дарил. В рестораны водил. Скажет, как отрезет. Она слушалась его. Где они теперь, и как у них, не знал.

В следующем ряду открылась дама «треф». Хорошая была женщина. Вместе работали в одном отделе. Она пришла после него. В отделе друг про друга все знали. Узнала и она, что одинокий. У нее тоже в прошлом что-то было. Уже потом никогда не рассказывала об этом. Он тоже помалкивал о бубновой даме. Сближались медленно. Долго были просто друзьями. Пригласил в театр. В консерваторию на Рахманинова, когда узнал, что любит музыку. Приглашение в ресторан она встретила настороженно. Но согласилась. До сих пор помнит, как боялся, что денег не хватит расплатиться. Вел себя беспокойно. Часто терял нить разговора. Так и случилось. Денег не хватило. Она очень мило сказала: «Ничего страшного. У меня тоже, бывало, в магазине не хватало пару рублей».

Потом пригласил к себе.

Чай простыл. Сима встал из-за стола к плите.

Пока чайник закипал, смотрел на стол, на котором в конусообразном свете лампы белели разноцветные картинки.

Вот она жизнь. Все тут — начальники, дамы, кавалеры. Когда в пасьянсе меняешь их местами, подбирая по масти и старшинству, получается все, как в жизни. Кто-то подлаживается по чину, охотно встает на предназначенное ему правилами место. Кто-то не хочет. А есть такие, которые не дают другим встать куда следует. Выскакивают из колоды и являются, когда их не ждешь. Сердишься, бывало. Не сошелся пасьянс. Сгребаешь карты на столе и раскладываешь снова. Редко все сходится.

Закипел чайник. Сима заварил покрепче. Размешал сахар ложечкой и сел к столу.

Пасьянс был разложен. Каждая карта на своем месте.

Он тоже в отделе был когда-то на своем месте. Его уважали. Некоторые сослуживцы, не боясь трефовой дамы, строили ему глазки. Шутя, конечно. Делали это открыто, при всех, поэтому ни у кого это не вызывало «задних мыслей». Так, род безобидного развлечения.

По службе не продвигался. Претензий не предъявлял. Дорогу никому не переходил. Это устраивало всех. Для начальства надежнее человека не было. Сам в кабинете у себя кому-нибудь говорил,— обратитесь к Симе, он сделает. В отделе же при всех называл не иначе как по имени-отчеству — Серафим Иванович.

Трефовая дама принимала его таким, каков есть. Поняла — что за человек. Не переделывала. Сима не знает до сих пор, любила ли она его или просто привыкла, как привыкают к тому, что долго рядом. Он был ей за ребенка,— детей у них не было.

Пять лет назад он потерял трефовую даму. Она умерла от рака груди. Горевал?

Конечно, горевал. Потом постепенно привык, что ее нет. Привык к одиночеству. К пустому дому. К пасьянсу привык. Давно привык каждое утро идти на работу и вечером возвращаться в дом.

Приступил к пасьянсу. Карты в нижнем ряду быстро нашли свои места. Бубновая пятерка легла на пиковую шестерку. Червовая двойка на тройку треф. Пикового туза, который освободился от червовой десятки, лежавший на нем, выложил наверх. Еще удалось открыть червовую даму, сняв с нее бубновую пятерку. Про себя называл карты по кличкам. Двойка — девушка, девочка, А когда карта не ложилась как надо, в сердцах — девкой. Тройка — трешка. Валеты — эполеты. Десятка — десятник. Так по отчетам проходили маленькие начальники на стройке. Мадамами были дамы. Короли — начальники, как же иначе. А тузы — они и есть тузы. Начальники над начальниками.

Сначала все быстро раскладывается по своим местам. Впрочем, как в жизни. Проблемы начинаются потом. Долго ищешь следующего хода: надо переместить этого валета, а переместить некуда. Задумаешься. Порой надолго. Потом вдруг, пошарив глазами по разложенным картам, видишь, есть выход. Тут начинается азарт. И тут, главное, не слишком торопиться. Сколько раз, сделав торопливо, кажется, удачный ход, видишь — тупик. Ни одной карты маленькой, какой-нибудь девушки или десятника, переместить некуда. Над ними одни тузы или короли. Даже мадам не годится на это место. Эполеты — тем более. Пасьянс дело тонкое. Торопливости и суеты не любит. Не любит, когда что-то отвлекает. Для Симы это дело серьезное.

Долго ничего не получалось. Никак не складывался пасьянс. И заметил, что из-за червового короля это. Когда выводил короля в верхний ряд, начинаешь готовить для него «хвост»: по порядку даму, валета, десятку и все карты до самой двойки. Иногда увлечешься, хвост получается длинный, до пятерки дойдешь, а положить его на короля нельзя. Наверху только четыре места. Только четыре карты можно положить, а их вон уже сколько — от дамы до пятерки получается семь. Даже если пять будет, ничего не сделаешь. Не сложится пасьянс. Надо начинать сначала. Снова раскладывать пятьдесят две карты.

Стало получаться у Симы, что всегда дело в червовом короле. Пиковый король более покладист. «Хвост» ему приделать, то есть все карты от дамы до двойки разложить, удавалось чаще, чем червовому.

Стало Симе мерещиться, что червовый король это новый начальник. Физиономия у него красная. Особенно красной становится, когда приходит в отдел ругать за плохую работу. Наливается, того и гляди лопнут, не выдержат щеки.

А пиковый король — это прежний начальник. Он умел ладить и с дамами, и с валетами, и младшим персоналом — секретаршами, рассыльными, уборщицами. Симпатия была взаимная.

Принято считать, что пиковый король это пожилые мужчины, а красные короли — червовый и бубновый помоложе. Правильно получается: новый моложе прежнего начальника.

Тут явился азарт. В руках игрока, какому королю дать ход: готовить свиту, или «хвост». Черным королям — свиту, красным — хвост. А в первую очередь готовить пиковому королю.

Тут погасла лампа, стоявшая на столе.

«Как некстати», — вырвалось из груди Симы. Так хотелось, что бы пиковый король поскорее «победил» — раньше красного выстроил по порядку своих подчиненных.

Нет, он не оставит это дело.

На кухне наощупь нашел на полке малый огарок старой свечи и спички. Осто-

рожно ступая, стараясь в темноте ничего не опрокинуть, дошел до стола. Определил рукой его край и поставил свечу. Чиркнул спичками. Комната осветилась неярким колеблющимся светом. На свече вырос маленький язычок оранжевого пламени. Свет стал более устойчив. Главное, можно было разглядеть карты.

Сима долго боролся за победу черного короля над красным. Это только так кажется, что это устроить легко. Как только начинаешь подбирать карты по чину и масти для черного короля, у красного наступает затор. Нет хода. Пасьянс не сошелся. И все начинаешь сначала: раскладывать пятьдесят две карты.

Сима забыл про все на свете.

Он не помнит, сколько прошло времени. За окном была черная ночь.

Наконец стало получаться. Оба короля — трэф и пик были так близки к победе, оставалось найти красные двойки — самые последние карты, что говорило бы о триумфе над красными королями. Тонкие, бледные, в узлах суставов пальцы слегка дрожали даже. Вот они, родимые! Оставалось положить их на свои места, и победа!

Но погасла свеча.

* * *

Утром, когда проснулся, с испугом посмотрел на часы — не проспал ли на работу.

На столе увидел разложенные карты и все вспомнил. Опустился на стул. Прошедшей ночью ему приснился сон. Хороший сон. Трефовая дама говорила — не расстраивайся Сима. Надо жить дальше. Все будет хорошо. И гладила его голову, как гладят ребенка.

Серафим Иванович долго сидел не двигаясь. Посмотрел за окно. Было солнечное утро. Встал. Вышел на улицу и направился к вблизи расположенному скверу.



Кира Крестьянкина
(г. Тула)

ПРИШЛО ВРЕМЯ
(Сказка)



Учится в ТГПУ им Л. Н. Толстого. Пишет сказки. Неоднократно занимала призовые места в районных и областных конкурсах, как прозаик. Является победителем 2010 и 2011 годов городского конкурса «Ступени» в номинации проза.

Он хотел, чтобы поскорее пришло его время. Он томился ожиданием, продолжая уже который день лежать в пластиковой бутылке со срезанным верхом. Таких, как он, здесь было еще несколько десятков. И все ждали своей очереди. Все помнили, как их привезли сюда прямо с завода, где они появились на свет. С тех пор, они и лежали тут, ожидая, когда придут именно за ними.

Некоторых из них уже разобрали, ожидающих своей очереди, подложили на их место. Все они были разными: разного цвета, разного размера, разной формы, кто-то был с надписями, кто-то с рисунком, кто-то просто одного цвета. Все индивидуальные, и каждый хотел, чтобы следующий, кто придет сюда, выбрал именно его...

И он хотел, он ждал, он верил. Вот уже совсем скоро кто-то придет именно за ним. Тогда, наконец-то, в него вдохнут жизнь. И он сможет продолжить свой недолгий, но все-таки путь...

Он был шариком... Да, обычным воздушным шариком. Источником радости всех детей (да и не только детей). Хотел прожить свою короткую жизнь не зря. Он мечтал успеть доставить радость или сделать что-то полезное. Это удавалось далеко не всем воздушным шарикам. Многим вовсе не хватало времени. Они едва успевали почувствовать в себе душу, как она рвалась наружу, и на этом существование их и прекращалось... Жалко конечно... Вот наш воздушный шар и надеялся на то, что все же успеет принести пользу за столь недолгое время, отмеренное всем воздушным шарам.

И вот, одним совершенно обычным днем открылась дверь магазина, зазвенел колокольчик, возвещая о прибытии нового покупателя. И, о чудо! Ему был нужен именно воздушный шарик. Выбор пал на него!

«Да, да. Вот этот, пожалуйста, со звездочками», — сказал покупатель. «Не может быть, — подумал наш воздушный шар, — это он про меня!» Наш шарик был белого цвета, весь усеянный серебристыми звездочками. Красивый, ведь так? А какой он будет, когда наконец-то заполнится воздухом!

Да, свершилось! Его купили, принесли домой. «Хм, сегодня, похоже, меня оживлять не будут, — думал шарик, лежа на письменном столе. — Ну что ж, подождем. Главное, что сменил обстановку, все лучше, чем в бутылке лежать». Стал осматриваться: комната, в которой ему приходилось находиться, была обставлена обычной мебелью, на стене висела внушительных размеров полка с книгами, кое-какие статуэтки были расставлены по всему помещению, очевидно для красоты. Также шарик

заметил большое количество мягких игрушек на кровати, да и на столе, и полке. А еще — карандаши цветные, ручки, фломастеры на столе, тетрадки, альбомы, опять же книжки. Из чего шарик сделал вывод, что здесь живет ребенок.

После того, как шарик перестал заниматься созерцанием комнаты, он принялся размышлять о возможной его собственной дальнейшей судьбе.

А варианты ее развития были многочисленны:

Шарики могли использовать на разных праздниках. Он слышал, что многих берут на дни рождения, свадьбы, дни чего-нибудь там... «Эти люди вечно придумывают себе праздники. А мы частенько в них участвуем. Украшаем собою их веселье,— думал шарик.— Куда же еще меня могут пристроить? Здесь я, вроде бы, один, а одним мной мало что украсить можно. Тогда, может, этот мужчина купил меня, чтобы порадовать самого себя? Да, взрослые тоже иногда радуются нашему появлению. Но не похоже, чтобы он приобрел меня только, чтобы порадоваться. Иначе бы уже давно наполнил меня воздухом и ходил, радовался... Нет, тут что-то другое. Что же меня ждет, какая судьба?» Так он лежал на столе и все думал и думал. А в него все не спешили вдыхать жизнь. Тем временем, мужчина, совершивший сегодня эту покупку, позвонил кому-то по телефону. И шарик, прислушавшись, смог уловить некоторые обрывочные фразы, сказанные мужчиной кому-то на том конце провода: «Я все купил... Завтра приду, ждите... Как вы там?... Ну, ничего, ничего... Передай Машунычке привет от меня... Скажи, что я ее очень люблю... Да... Да, конечно... Я ей завтра шарик принесу воздушный, она же так их любит, пусть порадует... Да, да... До завтра, целую вас... пока». Хозяин квартиры положил трубку. Выражение лица у него было совсем уж грустное. Да он и до этого не отличался особой веселостью. Как заметил шарик, человек, что его купил, наверняка переживает о чем-то серьезном...

Мужчина все с тем же унылым выражением лица продолжил заниматься своими делами, а шарик, предоставленный сам себе, как он понял, уж точно до завтра, вернулся в свои размышления: «Значит, меня понесут в подарок. Это хорошо. Значит, радость кому-то я точно доставлю. Подаркам же радуются... А если он сказал, что она, эта Машунычка, нас любит, ну так точно завтра доставлю ей целое море радости. Отлично! Интересно, а кто эта Машунычка ему? Ну да ладно, завтра узнаю. Эх, завтра в меня наконец-то вдохнут жизнь! Ура-а-а!» Полный сладостных предчувствий, наш шарик продолжал лежать на столе, не переставая думать о завтрашнем дне — его дне, его триумфе...

Тем не менее, луна за окном возвестила о наступлении ночи...

«Какие неповторимые ощущения! — шарик был восхищен, его наконец-то наполнили воздухом, ему подарили жизнь.— Я готов полететь! Выше и выше, к небу! Я счастлив, счастлив. Кажется — это блаженство будет вечным! Улечу, улечу! Ах, нет, что это такое? Веребочка? Зачем?... Ну да, ну да. Ко мне привязывают веревочку. Мне не дадут улететь. Так нужно. Сегодня меня подарят. Я же собирался принести целое море радости этой самой Машунычке... Согласен, привязывай... И давай уже скорее на улицу! Хочу почувствовать ветер! Хочу летать. Хотя бы и на веревочке, но летать!»

Конечно же, у нашего шарика появилась возможность ощутить тот самый полет, которого все шарики ждут с нетерпением. Он мог насладиться им вдоволь, пока они не прибыли на место. «Так, а что это? Больница?... Странно». Но они действительно добрались до областной больницы. Сомнений у шарика не было: они направлялись именно туда.

Мужчина вошел в главный вход. Там, внизу, его уже ждали. Теми, кто ждал, оказались женщина (шарику показалось, что она тоже очень грустная, а еще какая-то

уставшая и даже измученная) и маленькая девочка. Эта самая девочка подбежала к мужчине с криком: «Папочка! Папа!» После чего повисла у него на шее, мужчина подхватил ее на руки: «Машунька! Привет!» поцеловал ее в щеку. И шарик увидел на лице его улыбку, первый раз за все время. «Так вот оно что... Папа, значит», — подумал он.

После теплого приветствия, мужчина отпустил девочку и, протянув ей шарик, сказал: «Это тебе. Держи». «Шарик!» — радости девочки не было предела.

В то время как она в состоянии полного восторга ходила по холлу вместе с шариком, к мужчине подошла жена (у шарика не осталось сомнений по поводу семейного родства этих людей). Мужчина поцеловал ее в щеку и ободряюще приобнял за плечи. Она вымученно улыбнулась.

«Вот, я принес все, что нужно», — сказал он ей, показывая пакет, который держал в руке. «Спасибо большое, — сказала она, — давай отнесем это в палату, а потом все вместе прогуляемся на воздухе. Маше полезно...» Муж кивнул. «Что врачи говорят? Как она?» — осторожно поинтересовался он. Выражение лица жены еще больше помрачнело, хотя казалось, что дальше уже некуда. Она, не ответив, обернулась к девочке: «Машенька, будь умницей, побудь пока здесь, поиграй с шариком, а мы с папой сейчас вернемся и все вместе пойдем гулять». Маша радостно кивнула и продолжила свои забавы с воздушным шариком. Муж с женой пошли к лестнице, женщина начала что-то ему рассказывать, очевидно, отвечала на его вопросы.

Но всего этого шарик уже расслышать не мог. И как-то он тоже погрустнел. Вроде бы все, чего он хотел, случилось, но он не чувствовал себя счастливым. Как он смог понять из разговора, эта девочка чем-то больна и лежит в больнице вместе с мамой. И, судя по лицам ее обеспокоенных родителей, все очень серьезно...

Да, какая уж тут радость... Но девочка, казалось, не разделяла общего состояния, к которому подключился даже шарик, она продолжала с ним играть. Стала кружиться, танцевать... Шарик смотрел на нее сверху и думал: «Такая маленькая девочка, миленькое личико, темные волосы завязаны красными бантиками, бежевый сарафанчик. Какая она хорошая. У нее впереди целая жизнь. Как она улыбается! Как искренне радуется такой мелочи, как я — воздушный шарик. Как бы я хотел, чтобы она скорее поправилась. Такое милое создание, просто не должно быть подвластно никаким болезням...»

Размышления нашего шарика были прерваны возвращением родителей. После чего, они все пошли на улицу.

Гуляли наверно больше часа. Но Маша все время убегала вперед, поэтому шарик больше не мог слышать, о чем говорят ее родители. А когда они (Маша и шарик) прибегали назад, мама и папа старались изо всех сил казаться веселыми. Говорили Маше что-нибудь приятное, смешили ее. В общем, пытались создать атмосферу обычной семейной прогулки, не обращая внимания на то, что они сейчас гуляют по территории больницы...

«Как бы я хотел что-нибудь для них сделать, — думал шарик. — Но что я могу? Доставить немного радости этой маленькой девочке? Только и всего...»

«Ой, мамочка, а помнишь, нам недавно дяденька доктор рассказывал про желания?» «Да, Машенька, помню», — улыбнулась мама. «Папа, — поспешила девочка рассказать все ему, — оказывается, есть много способов загадывать свои желания. Один из них — это рассказать его воздушному шарiku, а потом отпустить его в небо, чтобы он смог донести желание, и оно обязательно исполнится, нужно только в это верить». Папа улыбнулся и погладил дочку по голове. А она просто сияла. Видимо эта история с загадыванием желания ей очень понравилась.

«А может быть, стоит попробовать?» — не унималась девочка. «А не жалко тебе

шарик отпустить?» — поинтересовался папа. «Он же мое желание понесет,— с уверенностью ответила Маша.— Это же здорово! Да, мам?» «Конечно,— поспешила заверить мама,— давай, запускай свое желание». «Загадывай, Машунька», — поддерживал папа. Воодушевленная девочка взяла шарик двумя руками, нашептала ему что-то, потом снова взялась за веревочку, зажмурилась и разжала пальцы, выпустив шарик, а, вместе с ним, и свое желание...

«Вот оно как, вышло,— думал шарик.— Мне досталось то, о чем я и не думал мечтать. Теперь мне смешны все мои предположения о том, чем наполнится моя жизнь. Мне досталось право донести желание маленькой девочки... И я доставлю его, как бы высоко мне ни пришлось подняться, как бы долго ни пришлось лететь...» Шарик посмотрел на быстро удаляющийся от него тротуар, и на семью, оставшуюся там, внизу. Папа ободряюще приобнял маму, а девочка стояла, прислонившись к ним спиной, и чувствуя тепло родительских рук, лежавших на ее плечах. Все они смотрели вверх. Да, на него, на белый шар с серебристыми звездами... «Маша, я не подведу! — мысленно крикнул шарик.— Не переживай за свое желание, оно обязательно исполнится!» Шарик поднимался все выше и выше, наконец-то он ощутил это сладостное чувство полета, хотя это уже не было для него сейчас так важно, главное — это желание девочки... «Что за желание? Нет, я вам не скажу. А то не сбудется. А я обязан сделать так, чтобы сбылось. На меня надеются и Маша, и ее родители, хотя их уже и не видно вовсе, но я знаю, что они там, они верят мне, и я им помогу». — Шарик был уверен в своих силах и поднимался еще выше, к цели. Теперь он точно знал, что его коротенькая жизнь была не напрасна. Желание маленькой девочки обязательно сбудется, в него ведь все верят...

Белый шарик с серебристыми звездами навсегда скрылся за облаками...



ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ
(Поэтическое переложение)



Русский поэт Игорь Лукьянов. Автор одиннадцати поэтических сборников. Лауреат всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова. Постоянно публикуется в «Приокских зорях».

Споры о подлинности «Слова о полку Игореве» как будто закончены. Оно признано жемчужиной древнерусской литературы (1187 г.), произведением с богатым содержанием, усвоение которого затрудняют устаревшие языковые формы. Тем понятнее живой интерес к переводам древнерусского текста на современный язык, особенно язык поэтический. Традиция поэтического переложения «Слова» начата В. А. Жуковским. Свои силы к переводу долговечного памятника приложили: А. Н. Майков, К. Д. Бальмонт, Н. Н. Заболоцкий, И. И. Шкляревский. Создание наиболее совершенного переложения продолжается, и Игорь Лукьянов с большим интересом включился в этот притягательный труд.

Взяться за новый перевод — значит не удовлетвориться старыми переложениями и пожелать превзойти своих предшественников. И. Лукьянов, видимо, признал переводы Жуковского и Майкова слишком буквалистскими, а переводы Бальмонта и Заболоцкого несколько тяжеловесными и тяготеющими к прозаическому дискурсу. Конечно, исторический текст не позволяет переводчику слишком вольничать и стремиться к современным стихотворным размерам: нужно почти интуитивно ощутить древний ритмический строй. Игоря Лукьянова не подвела интуиция: он почувствовал народнопоэтическую основу памятника и поэтому вполне закономерно прибегает к тоническому стиху. Визуально тонический стих «Слова» можно представить в виде длинной нитки жемчуга по белой странице сверху вниз, как золотое слово Святослава. Естественно, что слова-жемчужины неравномерны по величине, и от этого возникает ритмический рисунок, самосильно струящийся вниз. Оттого и автору перевода не приходится прибегать к словесному насилию, ибо слова-жемчужины сами свободно располагаются, как камешки на ладони. Активное авторское вмешательство все-таки необходимо, но оно проявляется не столько в вы-

боре слов, сколько в их илифовке и огранке. Так, враги князя Игоря, «половцы» и «поганые», вследствие легкой авторской огранки превращаются в «степняков», «кочевников» и «басурман», а их натиск — в «половецкую лаву». Соответственно и «руси-чи», или «русские», преобразуются в «шлемоносцев» и даже «славян». Переводчику не изменяет чувство меры даже там, где он произвольно и однозначно оценивает таинственные явления. Мифическое существо див предупреждает половцев о приближении русских, и поэтому И. Лукьянов имеет творческое право оценить его с обличительным нажимом:

На черных ветках
вероломный див
предательской забился
погремушкой.

И дело здесь не столько в субъективном характере сравнения, сколько в густоте нравственной оценки — «вероломный», «предательский».

Короткие строчки перевода — следствие рубленого, тревожного ритма битвы и раздоров. Сцены битвы переведены безукоризненно, экспрессивно, но И. Лукьянова, видимо, больше тревожат крамола, раздоры, междоусобицы. И это не случайно — он знает о страшных последствиях нашей гражданской войны. Строки о междоусобной бойне чередуются и выравниваются, как удары мгновенных клинков:

Свои рубились.
Родина стонала.
И каркал вран.
И пахарь не пахал.

И как тут удержаться от неожиданного оценочного слова «зараза»: «Пришла усобицы зараза».

Автора захватывает не только искусство перевода, но и высокое патриотическое чувство, когда он обращается к мысли о сохранении и сбережении великого государства:

Здесь вспоминали
Старого Владимира
И прежних собирателей
земли.

Слово «собиратели» возникло несколько неожиданно, но оно мотивируется всем патриотическим содержанием великой поэмы.

Евгений Порошенков,
кандидат филологических наук

Настало время,
братья, говорить
нам о походе Игоревом Слово.
Но как к той
скорбной песне приступить?
Что для зачина
будет нам
основой?
Боян
был в тех делах
весьма горазд —
он, вещим сердцем
белый свет
окинув,
пел в честь князей
победные былины,
с их славы
за пластом снимая пласт.
Свои персты
по струнам разбросав,
он вольно пел
под гул суровый меди...
И первым был
там старый Ярослав.
Вторым Мстислав,
Что победил Редедю.
Потом Роману
славу
пел певец,
небесной
божьей волей
вдохновенный.
Но как
тех гуслей
ни прекрасны звоны,
начнем
свою мы повесть, наконец.
От старого Владимира начнем
до нынешнего Игоря,
который
собрал войска в отечестве своем
и двинул
в половецкие просторы.
О мастер красноречия,
Боян!
Вот
где б ты мог
талантом разгуляться:
летать,
по древу



мыслью растекаться,
по тропам рыскать,
что торил Троян.
Для славы русской не жалея слов,
Ты б так сказал,
наверное,
сначала:
на синий Дон
не буря соколов
через поля широкие примчала.
Туда слетелась
черных галок рать,
небесные закрыв собою своды.
Есть соколам
пространство
для охоты.
Здесь биться им.
И здесь им
умирать.

* * *

Сула и Киев,
Новгород,
Путивль —
там боевые
кони,
трубы,
стяги.
Войска готовы
с Игорем идти,
верны Отчизне,
князю
и отваге.
Об этом твердо
Всеволод сказал —
брат Игоря,
такой же Святославич:
«Когда же, брат,
ты в строй
коней поставишь?
А я своих
давно уж оседлал.
У Курска жду
с дружиною своей.
В ней
каждый шлемоносец —
с детства воин.
Достоин князя
и себя достоин,
готовый

мчатся
волком средь полей».
Тут Игорь
посмотрел на небосвод.
И там, где солнце —
не увидел солнца.
Средь бела дня
на русских шлемоносцев
спустился
мрак
предвестником невзгод.
Но князь
не дрогнул
от приметы той.
Призвал
седлать
коней борзых
и — к Дону.
— Уж лучше гибель,
чем позор полона
Коль победим — попьем воды
донской!
И двинулась дружина,
дух сплотив,
враждебный мрак
движением наруша.
На черных ветках
вероломный див
предательской
забился
погремушкой.
Чужой земле
давал он знать собой,
что Игоревое войско
на пороге.
Ударил гром.
Взметнулись
свист и вой
зверья и птиц
со всех сторон дороги.
Но Игорь тверд —
наполнить свой шлем
донской водой
иль пасть
на дальнем берегу.
Скрипят навстречу
половцев телеги.
О Русская земля,
ты за холмом...
Всю ночь шел полк

среди злобной темноты.
К рассвету
в поле чистое
вступили.
И русские
червлённые щиты
дорогу
басурманам перекрыли.
И первый бой
за нашим войском был.
Враги бежали,
по степи
рассеясь.
А русичи
богатые трофеи
среди болот
пустили под настил.
Наряды
красных половецких дев, узорчья, попоны,
аксамиты —
все разбросали щедро по воде,
все полегло
под конские копыта.
И снова ночь.
И вновь — со всех сторон
полк Игорев
чужая мгла
объемлет.
Дружина ждет врага
и чутко дремлет.
Гзак с Кончаком
ведут войска на Дон.
А рано утром
был кровав
восток.
Большие тучи
с моря
наступали.
Там,
В черных далях
молнии дрожали —
быть битве,
быть великой,
видит Бог...
Греметь тут саблям,
копьям тут ломаться.
И стрелы,
словно сучья в бурелом.
Тут многим навсегда
судьба
остаться.

О Русская земля,
ты за холмом...
Степь загудела
в тысячи копыт.
И в тыщи глоток
бесовское семя,
несясь со всех сторон,
свистит, вопит,
Олегово сломить пытаюсь племя,
Не дрогнули славянские щиты.
И первым
грудью
к половецкой лаве
Буй Всеволод,
как тур,
рванулся ты,
своим геройством
на Руси
прославлен.
Поганых
топчешь ты
конем своим.
И с плеч
слетают головы,
как груши,
там, где мелькаешь
шлемом золотым,
там, где гремишь
мечом ты харалужным.
Одна лишь битва —
в сердце удалом.
Средь груды тел,
среди крови непролазной
забыл ты о
Чернигове родном,
о жёнушке,
о Глебовне прёясной.
Познала Русь
Трояновы века.
Познала
на престоле Ярослава.
Во все концы
ее
сияла слава.
И власть была
едина и крепка.
Но вот пришли
крамолы времена.
Но вот
пришла

усобицы зараза.
Лихих коней
звенели стремена —
то русский князь
на русского шел князя.
Олег враждой
Отчизну
засевал.
Она
кровавой нивою возрастала.
Свои рубились.
Родина стонала.
И каркал вран.
И пахарь не пахал.
Но что те битвы...
Разве их размах
сравним
с великой
сечею у Дона,
когда
несметный
напирает враг,
когда железный ливень
стрел каленых.
Два дня,
две ночи
бой идет подряд.
Два дня,
две ночи
дети Святослава
с мечом
за славу русскую стоят.
На третий день —
поникла эта слава.
На третий день
прервался
битвы пир.
На третий день
упали
русских стяги.
Бойцы ушли из сечи в горний мир,
врагу оставив стол
кровавой браги.

* * *

Что ж, братья, заскорбел
Дажьбожий внук...
Троянова земля
в беде застыла.
И той тугой

натянута,
как лук,
про времена —
счастливые забыла.

По-прежнему
идет
на князя князь.
На брата брат идет
с мечом и бранью.
И половцы,
победой вдохновясь,
терзают Русь
и облагают данью.
Проведали
про слабость
степняки
разорванной Руси
осиротелой,
забыв,
как их поганные пределы
топтали
Святославовы полки.
В копытах
содрогался горизонт.
Взмутились реки.
Высохли болота.
Был хан Кобяк
из этого похода,
как тать,
пленный в Киев привезен.
Прославился далеко тот поход
своей победой
в землях половецких.
В краях моравских,
греческих,
немецких
о грозном Святославе
слух идет.
У Игоря
совсем другой удел.
О нем молва
характера другого:
как из седла
удачи золотого
в невольничье седло
он пересел.
А Святослав
на киевских горах
увидел сон —
весь из худых предвестий.

Себя увидел
в крупных жемчугах.
И грай вороний
на лугах предместий.
Увидел
ковш с вином,
а в нем — тоска.
Увидел на кровати
черный полог.
И на своих
на княжеских хоромах
увидел, старый,
кровлю без конька.
Бояре
Святославу так рекли:
«Кручина, князь,
взяла в полон
твой разум,
когда два солнца,
вдруг погаснув разом,
два месяца с собою увели.
Во тьме сошедшей,
по Руси святой,
как пардусы,
кочевники шныряют.
И красны девы
в стороне морской
врагов Руси
прилежно воспевают.
Слышны в напевах
Бус
и Шарокан.
Их русичи
не раз
в походах гнали.
Ту славу
Игорь утопил в Каяле.
И вновь в героях —
половецкий хан.

* * *

Задумался
великий Святослав
об участии раздолья дорогого.
Тут изронил он
золотое слово,
его с печалью слезною смешав.
И начал так
усталый мудрый князь:
«Сыны мои,

и Всеволод,
и Игорь,
на половцев
какой недобрый вихорь
погнал вас
и втоптал отвагу в грязь?
Хотели вы
испить донской волны,
с мечом
пройти кочевников долины.
Все обернулось
гибелью дружины,
позором для отцовской седины.
Где ты, мой брат
могучий Ярослав,
и удалцов черниговских оравы,
что гнут полки,
нож засапожный сжав,
звеня в бою
прадедовскою славой.
Иль Родины не слышите вы стон?
Земли своей
не видите вы беды?
Владимир ранен.
Римов разорен.
И по Руси
идет Кончак с победой.
А ты, великий Всеволод,
силен.
Что ж не спешишь ты
встать за отчий посох?
Ведь шлемами
ты можешь выбрать Дон,
и Волгу расплескать,
идя на веслах.
Вы, храбрые
и Рюрик, и Давид.
Давно пора,
давно настало время
вступить, князья,
вам в золотое стремя.
Кто как не вы
за Игоря отметит.
Князь Ярослав,
высоко твой престол
среди гор угорских
на берегах Дуная.
Здесь всех
своей ты силой
превзошел

и правишь,
на соседей невзирая.
Свою
диктуешь волю королю.
Твои
в султанов
долетают стрелы.
Направь их
в Кончака —
тебя молю.
Направь их
в половецкие пределы.
Роман,
Мстислав —
ваш ратный дух высок.
Не занимать вам
воинской отваги.
От вас дрожали
Запад и Восток —
Хинова,
Деремела
и Ятвяги.
Мечей
там ваших
знают гром и звон.
Там знают,
как отважно
русич бьется,
зовет вас нынче
на победу Дон,
где потемнело
Игорево солнце.
Вы, Всеволод
да Ингварь,
да еще
Мстиславичи —
не робкая порода.
Закройте
вихрем стрел
степи ворота
от половецких орд —
к плечу плечо.

* * *

Погасли воды
Сулы
и Двины
под бешеными кликами поганных,
Встал Изяслав
и в сече не на равных

за Русь
сквозь тело
душу изронил.
Пошел он
на литовские мечи
и одинокий пал
в траве кровавой.
Лишь звери рыщут,
воронье кричит.
Ни Всеволода с ним,
ни Брячислава.
И Ярослав,
и внуки все Всеслава
крамолами своими навели
на землю нашу
половцев оравы
и в дедовскую славу
не вошли.
Над Русью
вьются
черные дымы.
На Русь
пришли
раздоры и интриги.
И берега кровавые Немиги
засеяны
славянскими костями.
Был князь Всеслав
своим врагам
под стать.
Ему Боян
сказал однажды
сумрачно:
«Как ни хитри,
ни ворожи,
ни умничай —
а Божьего суда
не избежать».
Стонала Русь.
и никли ковыли
И Русская земля
как будто
вымерла.
Здесь вспоминали
Старого Владимира
и прежних
собирателей земли.

* * *

Стонущей чайкой
даль поправ —
по Дунаю
голос Ярославны:
«Омочу в Каяле бел-рукав,
оботру им Игоревы раны».
Ярославна плачет на стене на высокой
города Путивля:
«О зачем
такое горе мне
ты навеял, господин ветрило».
Ярославна плачет на стене
на высокой
города Путивля:
«Днепр Словутич,
сделай,
чтоб ко мне
челн
с моею ладою
прибило».
Ярославна плачет не стене
на высокой города Путивля:
«Солнце,
степь не жги.
В твоём огне —
Игорево
войско притомилось».

* * *

Вечер
тут взыграл
морской волной.
И в туманах —
смерчи степью голой.
Кажет Бог
путь Игорю домой
к золотому
отчему престолу.
Скрылись зори.
Сумрак — без конца
задышал
над степью половецкой.
Дремлет князь
и тут же
мыслью дерзкой
мерит степь
от Дона до Донца.
Свист Овлура
в дальних камышах...

Побежал князь
горностаем ловким,
гоголем проплыл,
промчался волком,
соколом понесся в небесах..
И Овлур
за ним
в ночной росе.
За спиной
дыхание погони.
Выдохлись под беглецами кони...
Но блеснул Донец
во всей красе.
И сказал он:
«Здравствуй, —
славный князь.
Снова ты
в степях родного края.
Русь тебя встречает,
веселясь,
Кончака-собаку проклиная».
И ответил Игорь:
«О Донец,
О тебе всегда
и всюду помню.
Ласка волн
и берегов зеленых —
вот они со мною, наконец.
Мне тебя
со Стугной
не сравнить.
Черная за той рекою слава.
Юного сгубила Ростислава.
Плачет мать.
Ей горе
не избыть».
А когда
князь Игорь
убегал
в ночь
из половецкого полона,
в диких травах
каждый зверь
молчал.
И молчали
галки и вороны.
Это был
небесный
добрый знак —
Игоря вела Христова сила.

И затих
с погонею Кончак...
В трелях соловьев
заря всходила.
А по русским
долам и холмам,
словно солнце красное лучится —
это Игорь
в Киев помолиться
едет к Богородице во храм.
Слава старым,
новым временам!
Русичам
не жить врагам в угоду...
Слава и дружине,
и князьям!
Слава православному народу!
Аминь.

Примечания автора

Поход князя Игоря Святославича на половцев состоялся весной 1185 года.

Боян — древнерусский поэт-певец.

Троян — вероятно, один из богов языческой Руси.

Див — враждебная русской земле вещая птица.

Червлёный — красный.

Каяла — река.

Харалуг — сталь западноевропейской выделки.

Пардус — хищный зверь, гепард.

Хинова — восточные враждебные Руси племена.

Ятвяги, деремела — западные племена.

Овлур — половец, бежавший на Русь вместе с Игорем.



Наталья Квасникова
(г. Москва)

ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ



Наш постоянный автор, зам. главного редактора, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. «Все мои стихи — повесть о жизни, но — не только моей. Ни один человек не может прожить так, чтобы это никого не коснулось, не тронуло, не заинтересовало, а сам он не заметил, не обратил внимания на тех, кто толпится и дышит вокруг. Рядом хватаются за голову, раскрывают душу, порой наушничают и сплетничают,— и часто с убежденностью, будто проявляют чуткость и интерес к ближнему. Из всего житейского и будничного рано или поздно образуются стихи».

...Люди,
Отдаю — без денег,
За доброту и любовь
Все самые лучшие
Свойства души моей,
Юное рвение,
Лучистый рассвет и новь,
И песни, зовущие
В щедрую даль морей...

...

...Меняю, с оглядкой,—
Больше для порядка:
Подругу —
На услугу,
Приключение —
На назначение,
Счастье —
На сласти...

...

...А кому — семечки,
За рубли-копеечки,
Жареные-сушеные,
Не скупись — дешевые!..

* * *

Я плакала
О радостях былых...
Но оценила это
Лишь позднее:
Дано мне счастье
Знать и помнить их,
А много тех,
Кто помнить не умеет.

* * *

Двадцать лет назад,
В день весенний,
Ты пришла в мой сад
Приключением.
Дочка, щедрой Фортуны
Милость,
На апрель пришлась —
Приключилась,
Потому
Весна Соловьишна
Круглый год в дому,
Так-то вышло.

* * *

Белокурые поэты,
Пушкин и Есенин,
Не чернилами, а светом
День сплели осенний.

Ветер мчал в лесные дали,
Холодком повеяв,
И слова легко слетали,
Как листва с деревьев.

* * *

...А всем сочиню я
Осень такую,
Что не случалась еще пока.
В листву цветную
Москву макну я,
Навешу рваные облака.
...А я приведу к нам
Лукавый ветер,
Всегда небрежный, чуть во хмелю.
Скворцам-то — на юг на
Рыжем рассвете,
Но я — останусь и потерплю.

* * *

Продавали в киоске газетном
Уцененную Бабу-Ягу.
Под холодным дождем и под ветром
Остановлена я на бегу
Проницательным кукольным взглядом
И усмешкой пластмассовых губ.
Мне давно уж игрушек не надо б,
Но игрушечник, видно, не глуп.
Пусть одежда пошита кустарно,
И неровно легли рукава,
Но портрет воплощен не бездарно,
Как живая, глядит голова,
Ухмыляется в спины прохожих,
И,— от мысли уйти не могу,—
Уценили ее, но, похоже,
И она не осталась в долгу.

РАЗВОД

Перекрестье ветвей —
Дар окна без штор...
Накурили, ей-ей,
Хоть вешай топор.

И о чем говорить?
Что еще решать?
Сыну скоро три,
Вы — отец и мать...

* * *

Получила старуха квартиру
В новом доме. Приехала,— тут!..
Не привыкла, что — тихо, не сыро,
Ходит, смотрит, а слезы текут.
Ей пожить бы — ведь самое время!
Дождалась, дотянулись года...
Сколько было и просьб, и полемик
Перед тем, окончательным, «да!»
То ли это большая удача,
То ль насмешка — и дрожь по лицу...
Улыбается бабка и плачет.
Наконец-то! Жаль только — к концу.

* * *

Знаете, для меня
Дон Жуан —
Веселый и добрый малый,
В Москву приехал

На пару недель,
От баб отдохнуть,
Пожалуй...
Был долог путь,
А здесь, как эхо,
Пошла канитель —
Испанец!
Кортехо!
По ходу дня
Немного хмелен
Бывал он,
Но не из пьяниц...
А наши клушки —
Ой,
Смуглый какой —
До самой макушки!
Как истинный кабальеро,
Галантен опять не в меру...
Что ж делать? Среди
Ошалевших невест, —
Сеньор, неси свой крест
До седин!

* * *

Зимняя, морозная
Выдалась любовь.
Невозможно слезы лить
Посреди снегов,

Если вьюга вертится,
Места нет воде.
Льды, — а жарко сердцу-то,
Аж искрит везде!

Мы в застывшей рощице
Все одним-одни.
Нам весны не хочется
В эти белые дни —

Кружевные,
В узорах все,
Озорные,
Без горестей...

* * *

...А я смогла
Любить — сначала,
Смирилась ревность,
Стыл ожог,
Мне болью рана

Подсказала,
Что ты себя
Не превозмог.
Ты вовсе не был
Друг сердечный,
Не принц,
А только
Первый встречный...
И все же —
Повторим начало,
Мне болью рана
Подсказала.

* * *

Часы идут.
Засушенным горохом
Секунды рассыпаются, шурша.
В сети минут
С неудержимым вздохом
Запуталась растерянно душа.
Года кричат
О слабости и силе,
Что мы пораскидали вдоль дорог.
На всякий лад
Грешим мы — и грешили,
Чтя заповеди только между строк.
Отчаявшись,
Мы снова шли к началу,
Кружа по прежним спутанным следам...
Но властно жизнь
Свиданье назначала —
И за упорство воздавала нам.

* * *

Под весенним упорством
Дождя
Насыщается зеленью
Роша...
Если пасмурно,
Мыслится проще,
И, цветок молодой
Найдя,
Я порадуюсь
Непокорству
И проворству,
И озорству...
Не сорву его,
Не сорву.

* * *

Сквозь мягкую ночную тьму
Мне снилась чаша Бенвенуто
Челлини,
И была минута,
Когда я верила всему,
Что делало меня бессильней,—
Твоим глазам,
Надежде прежней,
И даже — будто в чаше той,
Сверкающей и золотой,
Дрожит напиток нежный
Любви безбрежной.
Но утро выкрасило
В кровь
Разбитый сон —
Любовь мою,
Ты нем и пуст, и не готов...
Из чаши призрачной не пью,
И в зеркале, уже без снов,
Морщинку вижу горькую...



Владимир Резцов

(г. Калининград)

*Лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова*



ПЕСНЯ О ГРИШКЕ ОТРЕПЬЕВЕ*

II. ОТ ВЕКА К ВЕКУ

Лаает *фюрер*** бесноватый,
Брызжет бешеной слюной,
Всюду лезет хищной лапой,
Всем вокруг грозит войной.

В Пиренеях поразмялся,
Хунту *Франко**** поддержав,
А потом уже дорвался
И до прочих-то держав.

Вот уж Польша в битве пала,
Вот и Австрии *анишлюс*****,
Франция не устояла...
Но незыблем наш Союз!

Он стоит, скале подобен.
От него спасенья ждать,
Ибо он один способен
*Рейху****** противостоять.

Вся промышленность в Европе
Рада фюреру служить.
Силы гитлеровцы копят,
Чтобы нас поработить.

* Продолжение. Начало в № 4 — 2012 г. и № 1 — 2013 г.

** *Фюрер* (нем. *Führer*) — немецкое слово, означающее «вождь», «лидер», «предводитель». В Германии в 1934—1945 годах официальный титул главы государства и Национал-социалистической немецкой рабочей партии (1921—1945). Слово используется в качестве обозначения Адольфа Гитлера (1889—1945), официально носившего этот титул.

*** Франсиско Франко (1892—1975), диктатор Испании с 1939 по 1975, генералиссимус вооруженных сил Испании. Кровавый фашистский диктатор. Пришел к власти в результате гражданской войны при поддержке Гитлера и Муссолини.

**** *Аншлюс* (нем. *Anschluß* — присоединение, союз) — включение Австрии в состав Германии, состоявшееся 12—13 марта 1938 года. Независимость Австрии была восстановлена в апреле 1945 г.

***** *Третий рейх* (нем. *Drittes Reich* — «Третья империя») — неофициальное название Германского государства с 24 марта 1933 года по 23 мая 1945 года. В литературе и историографии Третий рейх также известен как «нацистская Германия».

*Нас побить, побить хотели,
Так хотели — о-го-го!
А мы тоже не сидели,
Дожидались того!**

Красной Армии походы
Доказали: сила есть.
Встали новые заводы,
Что числом под тысяч шесть.

И один другого краше,
Каждый новый все мощней.
В них надежда, сила наша,
С каждым годом все сильней.

Там гиганты, а не крошки,—
Мастера — не так себе.
Наши *Яковлев* и *Кошкин***
Не выходят из КБ.

Лучше всех в подлунном мире
Будут наши *ястребки****,
Танки *Т-34* —
И ударны, и ходки.

Есть *Ижевск* у нас и Тула.
В Туле — *детище Петра*****.
В нем стволы и пушек дула
Отливают мастера.

Сто да тридцать лет доселе
Бонапартовым войскам
Здесь гостинцы подоспели.
То-то был пришельцу срам*****!..

Но всего важней, что славен
Наш советский человек,
Этот истинный хозяин
Всех лесов, полей и рек.

* Парафраз стихотворения Д. Бедного «Нас побить, побить хотели!» (1929 г.)

** Александр Сергеевич Яковлев (1906—1989). Советский авиаконструктор, академик АН СССР (1976); член-корреспондент (1943), генерал-полковник авиации (1946). В годы Великой Отечественной войны созданные в его КБ истребители Як-1, Як-7, Як-9, Як-3 составили около 60 % (свыше 36 тысяч экземпляров) от всех построенных в годы войны истребителей. Михайл Ильич Кошкин (1898—1940) — советский конструктор, начальник КБ танкостроения Харьковского завода. Под его руководством создавались танки А-20 и Т-32, послужившие базой для создания легендарного Т-34.

*** В СССР в годы Великой Отечественной войны обиходное название советского самолета-истребителя.

**** Тульский оружейный завод, основанный Петром I в 1712 г.

***** Во время Отечественной войны 1812 г. Тульский оружейный завод внес выдающийся вклад в конечную победу над Наполеоном вооружением русской армии.

Ученик советской школы,
Он воспитан как герой;
Он питомец *комсомола* *,
Сына партии родной.

Он крылатый, словно птица.
У него такая стать:
По-стахановски трудиться
И по-чкаловски ** летать.

Всей душой неистребимой
Трудник, воин, патриот
Верен Родине любимой,
В сердце — мужество поет:

*«Если вдруг война нагрянет,
Если завтра в бой идти,
Весь Народ Советский встанет,
Чтобы Родину спасти»* ***.

*«Не скосить нас саблей острой,
Вражьей пулей не убить.
Мы врага встречаем просто:
Били, бьем и будем бить!»* ****

...Вождь оттягивал начало
Как и столько, сколько мог.
Но заря еще не встала,
Как в июне вышел срок.

Всей своей железной мощью,
Только начал таять мрак,
Той короткой летней ночью
Вероломно хлынул враг.

Легионы войск отборных
Грудью встретить нам дано;
От зловещих крыльев черных
Небо сплошь черным черно.

* Комсомол (сокращение от Коммунистический союз молодежи), полное наименование — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ) — политическая молодежная организация в СССР.

** Алексѣй Григорьевич Стаханов (1905/1906 год — 1977) — советский шахтер, новатор угольной промышленности, основоположник Стахановского движения, Герой Социалистического Труда (1970). Валерий Павлович Чкалов (1904 — 1938) — советский летчик-испытатель, комбриг, Герой Советского Союза.

*** Парафраз песни «Если завтра война» — слова В. Лебедева-Кумача, музыка Дм. и Дан. Покрасс (1938 г.)

**** Песня «Не скосить нас саблей острой» — слова В. Лебедева-Кумача, музыка Дм. и Дан. Покрасс (1937 г.)

В том аду огня и стали
Бомбы сыпались, как град,
И от взрывов запылали
Киев, Минск и Ленинград...

Вой сирен стоял, не молкнув;
Немец жег, зорил дотла;
Вихри вражеских осколков
Рвали стены и тела.

Сколько мирных граждан пало!..
Гибли мать, ребенок, дед...
Всюду смерть торжествовала,
Никому пощады нет...

Сколько деревень спалили
Палачи, куда ни кинь!..
Крепко помним, не забыли,
Как живьем сожгли *Хатынь**!

За сто верст несло паленым.
Враг глумился и казнил
По разбойничьим законам...
А стерпеть — так нету сил!

Нам смириться — не годится!
За потоп кровавых слез —
В лоб по девять граммов фрицам!
Вражий поезд — под откос!..

Все овраги да поляны,
Лес да топь, где не пройти...
Ой, туманы, растуманы **,
Партизанские пути...

Целься зорче, бей не мимо,
Чтобы гадов насмерть бить,
Красной Армии родимой
В ратном деле подсобить!

Видишь, как пришлось ей туго:
Так проклятый фриц силен,
Что от Бреста и от Буга
Наступает, сволочь, он...

* Хатынь — деревня в Белоруссии, уничтоженная 22 марта 1943 года карательными подразделениями вспомогательной охранной полиции из состава украинского коллаборационистского формирования 118-го шуцманшафт-батальона.

** В 1942 г. была написана партизанская песня «Ой, туманы мои, растуманы» — слова М. Исаковского, музыка В. Захарова.

Там, в Европе, попривык он
С сигареткой побеждать,
Чтоб в смятении великом
Всем дрожать и трепетать.

Второпях да в беспорядке
И бельгиец, и француз
Удирали без оглядки,
Без порток и без рейтуз.

Только из другого теста
Красной Армии бойцы:
От *обугленного Бреста**
Упирались молодцы.

Гнулись, только не ломались.
Парой-тройкой контратак,
Отступая, огрызались
Чтоб замедлил поступь враг.

Был навал немецкий страшен.
Лихо было попервой
Под напором немца нашим,
Но уперлись под Москвой.

А куда отступали
От родного очага,
Шахты-фабрики взрывали,
Чтоб не баловать врага.

Все, что только было можно,
Сберегли. В короткий срок
Все заводы неотложно
Отправляли на восток.

Уходили эшелоны
К берегам Урал-реки,
И везли в себе вагоны
Мастеров да их станки.

Как с врагом хотелось драться!..
Но приказ не обсуждать:
Уезжали не спасаться,
А оружие ковать!

В поле, где раздолье ветру,
Разгружается вагон.

* Героическая оборона Брестской крепости началась 22 июня 1941 г. и, по показаниям свидетелей, сопротивление разрозненных групп красноармейцев продолжалось до начала августа 1941 г. Суммарные потери немцев в Брестской крепости составили до 5 % от общих потерь вермахта на Восточном фронте за первую неделю войны.

Нету стен и крыши нету,
Нет дверей и нет окон.

«Степь да степь кругом...» Да что там!
Только кабель подведен,
Дали ток — пошла работа!
Стены — после возведем!

День и ночь в четыре смены
Труд кипел, огонь не гас:
Меч Победы вдохновенно
Создавал рабочий класс!

И теперь уже обратно
Отправлялись поезда,
В даль, где бой гремит набатно,
Там, где правит бал беда.

И везли бойцам вагоны
Танки, пушки всех родов,
Мины, бомбы и патроны,—
Все, чем потчуют врагов.

Бейте врага, родные,
Вот вам воинский припас!
*Позади Москва**, Россия,—
Будьте стойки в грозный час!

Бейте Гитлера достойно,
Так, как Невский немцев бил!
А в тылу — в тылу спокойно,
Ведь у вас надежный тыл.

Заступив на ваше место,
Водят ваши трактора
Жены, матери, невесты.
Им в подмогу — детвора.

Патриотов настоящих
Воспитали вы, отцы:
Деловито встав на ящик,
У станков стоят мальцы!

Взгляд серьезен не по-детски.
Ремесла раскрыт секрет.
Бриллиант Земли Советской —
Мастера в двенадцать лет!

* 16 ноября 1941 года у разъезда Дубосеково Волоколамского района Московской области младший политрук Василий Георгиевич Клочков (1911—1941) обратился к бойцам: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!» Во время боя он погиб, бросившись под вражеский танк со связкой гранат.

На заводе знаменитом
В Туле в страшный год войны
Пареньком мастеровитым
Стал отец моей жены.

Рано детство повзрослело,
Кудри вьюга замела,—
За страну родную смело
Юность наша в бой пошла!

Крепнут руки, шире плечи,
И сердца горят огнем:
Пусть Берлин еще далече,
Ничего, авось дойдем!..

Сын мой, помни про былое,
Память в сердце береги
О ЧекаLINE, о Зое*,
Что замучили враги!

Помни юных краснодонцев**,
Жизнь отдавших за Народ,
Тех, чей подвиг, словно солнце,
Не померкнет, не умрет!

Такова уж их натура:
За Отчизну — до конца!
Среди них мой дядя Юра*** —
Брат двоюродный отца...

...Были мрачны и угрюмы
Те, кто вовсе духом пал:
«Все вывозят... Надо думать,
Будем драпать за Урал...»

Всяко разное болтали,
Только знал московский люд:
Раз в Кремле остался Сталин,
Значит, город не сдадут!

Генералы Жуков, Конев,
Рокоссовский* — не сбоят!

* Александр Павлович ЧекаLINE (1925—1941) — юный партизан-разведчик во время Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (1942). Повешен фашистами в г. Лихвине (ныне г. ЧекаLINE Суворовского района Тульской области) 6 ноября 1941 г. Зоя Анатольевна Космодемьянская (1923—1941) — красноармеец диверсионно-разведывательной группы штаба Западного фронта, заброшенная в 1941 году в немецкий тыл. Повешена фашистами в д. Петрищеве (Рузский район Московской области) 29 ноября 1941 г.

** «Молодая Гвардия» — антифашистская комсомольская подпольная организация молодых юношей и девушек, действовавшая в годы Великой Отечественной войны, в основном, в городе Краснодоне Луганской (Ворошиловградской) области (Украинская ССР).

*** Юрий Семенович Виценовский (1924—1943) — участник «Молодой Гвардии». Живое сброшено фашистами и полицией в шурф краснодонской шахты №5 вместе с основной массой молодогвардейцев.

С ними Гитлера прогонит
Прочь советский наш солдат!

Слышишь дальний отзвук гула?
Это явь, а не обман:
Это бьет фашистов Тула,
Бит под ней *Гудериан***!

Подоспели на подмогу
К нам сибирские полки.
Фрицы! Вам пора в дорогу,
Зашивать свои портки!

Грохотала канонада.
Уходил за строем строй
С Красной площади, с *парада****
На святой и смертный бой.

Шли плечом к плечу народы
Милой Родины моей
За свою страну, свободу,
Власть, которой нет родней.

Правым гневом пламенея,
Шаг чеканят — в сердце дрожь.
Их с трибуны Мавзолея
Провожал на подвиг Вождь:

«В бой — и наше дело право!
Будет подлый враг разбит!
С вами предков наших слава,
Ленин путь ваш озарит!»

И удар по немцу страшен!
Люто врага громят
Рядом с русским в войске нашем
Армянин, казах, бурят!

И отбросили герои
От столицы вражью рать!
А убийц прекрасной Зои
Сталин в плен велел не брать.

(Продолжение следует)

* Генералы (впоследствии Маршалы Советского Союза) Георгий Константинович Жуков (1896—1974), Иван Степанович Конев (1897—1973) и Константин Константинович Рокоссовский (1896—1968) — величайшие полководцы Великой Отечественной войны.

** Хайнц Вильгельм Гудериан (1888—1954) — генерал-полковник германского вермахта, командующий 2-й танковой группой в составе группы армий «Центр». Потерпел поражение под Тулой.

*** Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года — военный парад в честь 24-й годовщины Октябрьской революции, проведенный во время Московской битвы, когда линия фронта проходила всего в нескольких десятках километров от города. Военный парад 7 ноября 1941 г. имел огромное внутриполитическое и международное значение. Он способствовал укреплению морального духа советского народа и его Вооруженных Сил, продемонстрировал их решимость отстоять Москву и разгромить врага.

Евгений Артюхов
(г. Москва)



Евгений Анатольевич Артюхов родился 28 февраля 1950 года в подмосковном городе Реутово. Учился в Московском институте химического машиностроения, окончил Литературный институт им. А. М. Горького и Саратовское высшее военное командное училище МВД СССР им. Ф. Дзержинского. Сорок с лишним лет работает в военной печати, двадцать из которых возглавлял отдел литературы журнала внутренних войск МВД России «На боевом посту», где и ныне является обозревателем. Полковник в отставке. Заслуженный работник культуры РФ. Участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, писал из многих «горячих точек». Награжден орденом Почета, медалью «За спасение погибавших», знаком «Почетный сотрудник МВД». Автор четырнадцати поэтических книг. Лауреат литературных премий им. А. С. Грибоедова (2009), К. М. Симонова (2000), премии МВД РФ (2007). Член Союза журналистов и Союза писателей СССР. Живет в Москве.

* * *

Помыкался по свету,
не за горой черед,
когда уже к ответу
Всевышний призовет.
Нигде не отличился
и не на что пенять.
Полжизни жить учился,
полжизни — умирать.

* * *

Разлюби меня, Муза печали.
Полюби меня, Муза любви,
на осклизлом житейском причале
мой оставшийся путь присоли.
Чтоб глубокие раны открылись
и мальчишеской болью ожгли,
чтобы старческой жизни бескрылость
на свои не толкала угли.
И хотя моя песенка спета,
не достигнув заветных вершин,
понял я, как с призванием Фета
изводился помещик Шеншин.
Знаю я, как страдает чинуша,

ошутив романтический хмель,
как живую открытую душу
заточают в глухую шинель.
Оттого ничего мне не страшно,
ни кола у меня, ни двора...
Если б только из жизни вчерашней
ты какой-нибудь знак подала.

ВСТРЕЧА

Треснула картонная броня.
Как пацан, робею и немею,
потому что смотрит на меня
женщина, не ставшая моею.
Влюблены ли мы, не влюблены —
право, и подумать мне неловко
посреди раздора и войны.
И гляжу я, как со стороны,
на ее красивую головку.
Что ж, быть может, в южной стороне
зябкой и сырой окопной ночью
или на пылающей броне
этот миг откликнется во мне,
прежде чем паду от пули нохчей.
Вот она спасает разговор,
вот она оплошность мне прощает:
ведь опять, уставившись в упор,
я в ответ несу какой-то вздор
и холодным обжигаюсь чаем.
Вижу, как глаза ее кричат —
чтобы я, с непрошеной любовью
забредя в житейский тихий сад,
не перепугал уснувших чад,
зацепив нечаянно гнездовье.
Глупенькая, я ведь все отдам
за твое умение в мире хрупком
возвращать значение словам,
возвращать значительность поступкам...
Кровоточит строчками душа.
Как пацан, робею и немею.
Господи, зачем так хороша
женщина, не ставшая моею?!

* * *

Кроме свежести, в ней нету ничего.
Щебетлива, непоседлива, как ртуть.
Но гляди, как привязала — до того,
что ни охнуть без нее и не вздохнуть.
Упаду под полудетский каблучок,
поизранюсь и, как прежде, не пойму:

для чего я столь немыслимый дичок
прививать пытаюсь к сердцу своему?
Ну какая в этом будущность моя?
Только дурость,
 только похоть,
 только блажь...

Дня осеннего обуглятся края,
райский заживо обрушится шалаш.
На куски мое изрезано корье,
безвозвратно отрыдали соловьи...
Но зеленой угловатостью ее
что-то давнее толкается в крови.

АЗОВСКИЕ МОТИВЫ

Капуста дикая цветет за Сивашом
и колосится рожь, не знавшая селекций,
и женщина лежит почти что нагишом
и жарится в лучах без парфюмерных специй.
Мы с нею говорим о милых пустяках:
о том, что ничего в подбрюшии Тавриды
не изменилось так в семнадцати веках,
чтоб нам не опознать божественные виды.
Вон там, у среза вод, прошел мой легион, —
еще хранит песок следы его сандалий.
А здесь горел костер, и полонянок стон
волна и чаек ор перешибут едва ли.
Она тогда сама пришла сюда, к шатрам,
где я лежал в бреду среди степного луга,
и смерть отогнала. Остался только шрам
от скифского копья иль скальпеля хирурга.
Мне было хорошо. Меня сюда влекло,
где б я потом ни жил. И что б потом ни делал,
мне снилось теплых вод понтийское стекло
с мерцавшей в глубине улыбкой юной девы.
Я с нею забывал солдата ремесло,
меж тем как Рим ветшал и обращался в Третий.
Как заменило меч рыбацкое весло,
куда девался щит — я даже не заметил.
Где отчие холмы? Я не гляжу туда.
Она мне стала всем, и с этим нету сладу —
и ноги обняла, как вечная вода,
и руки оплела, подобно винограду.

* * *

...А трактор при мне запахал помидоры,
вмял в жирную землю опавшие груши.
Все это бы счастье на наши просторы —
хотя бы порадовать детские души.
Там осень хвосты поразвесила лисьи
сушиться под солнцем с синюшным отливом.

А здесь — ткни сушину — появятся листья,
и дальше живи беззаботно-счастливым.
И побоку все мировые вопросы,—
свои бы засыпать в бездонные ямы.
Зачем здесь гниют на земле абрикосы,
которые нам отпускают на граммы?
Зачем мы живем, словно на пепелище,
и хлеб у нас черный, как угли пожарищ,
а здесь распоследний бездельник и нищий
весь в злате загара и морю товарищ?
Уж лучше не видеть чужого достатка,
тогда и своя нищета не заметней.
Но русское сердце — сплошная загадка:
убогое любитя им беззаветней.
К тому же учили неглупые предки,
душой поправляя завистливый разум,
спокойно сидеть на возлюбленной ветке
и малое видеть растроганным глазом.

* * *

Я с детства был мечтателем неважным,
под ноги чаще нужного глядел.
Я быть хотел надежным и отважным,
не сторониться самых трудных дел.
А жизнь меж тем — не горше и не слаще
других — текла...
У гробовой доски
на звезды стал поглядывать все чаще:
а вдруг хоть там живется по-людски?

* * *

Сколько сумею, и нечего большего ждать,—
жилы порвутся неведомо ради чего.
Я не машина,— к чему непосильная кладь?
Нужен мне роздых иль что-нибудь вроде того.
Бездна мечтаний спеленута в красную ткань:
шелк ли знаменный? агитку ль во тьме избяной?
А на поверку — лишь криком порвали гортань
и остудили осевшею пеной хмельной.
В тесной Европе, посмотришь, живут по-людски,
хоть под любым носового не больше платка.
Мы ж на бескрайних просторах российской тоски
ночи не спим, если где-нибудь соль не сладка.
Род мой кубанский нещадно порубан клинком.
Род мой тверской в придорожные свален валки.
Нынче могу я их всех поминать не тайком,
но разве камни от этого станут легки?
Можно из них возвести крепостную стену,
но разве крепости где-нибудь ставят в укор?
И не по силам. Я просто в земле утону,
как утонул от стараний своих Святогор.

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

PERSONALIA



Пантюхин Олег Викторович — член Союза писателей России, член редколлегии литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», директор издательства Тульского государственного университета. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

* * *

Глоток весны... Так хочется его!
Он где-то задержался по дороге.
И с холодом покончено давно,
Ведь у зимы закончились все сроки.

И дни длиннее стали, свет даря.
И душам не дано бродить в потемках.
Они не существуют, не любя,
А разбиваются на мелкие осколки.

Всем нам немного света, хоть чуть-чуть,
Так не хватает после зимней стужи.
Планета снова к солнцу держит путь,
Чтоб воскресить израненные души...

* * *

Дождь смывает летнюю пыль.
Тени прошлого больше не жаль.
И потоки небесной воды
Унесут из души печаль.

Мы посмотрим друг другу в глаза,
Чтоб понятно все стало без слов.
И услышится в песне дождя
Позабтая нами любовь...

* * *

Душа разукрашена красками
Любви, что таится в ней.
И были совсем не напрасными
Уроки прошедших дней.

Все чувства давно позабытые
Вновь вспыхнут и вновь оживут,
У самого сердца сокрытые
Лишь часа заветного ждут.

* * *

За окном бело от снега,
Просыпается душа.
Хоть немного дайте света,
Чтобы жить ей и дышать,
Чтобы чувствовать рассветы,
И закаты провожать,
Чтоб любить ей в мире этом
И летать...

* * *

За распахнутым окном — запах лета.
Сад тенистый опустел, правит полночь.
Только в отблесках небес видно где-то,
Что рассвет уже спешит к нам на помощь.

В тишине ночной рождаются мысли,
Те, которых не вместят строки.
Быть поэтом нелегко в этой жизни,
К людям добрым, а к себе строгим.

Без полета все вокруг — мука.
Тот, кто крылья обретал — знает,
Как звучат в душе любви звуки,
От которой все вокруг расцветает!

* * *

Заметает февраль все дороги.
Душу ветром продуло насквозь.
Прибавляется день понемногу,
И слабеет февральский мороз.

Утро снова уводит из дома,
Где тепло моего очага.
Город. Лица людей незнакомых.
И привычная всем суeta.

Я не прячу от холода душу.
Если сердце согрето теплом,
Даже в самую лютую стужу
Можно быть негасимым огнём.

* * *

Как порою не хватает нам весны,
Чтобы в комнату вновь солнце ворвалось,

Осветив собою уголки души,
Те, в которых недоверье улеглось.

Как порою не хватает нам друзей,
Что поддержат в самый трудный в жизни час,
Тех, что дружбой крепкой, верно своей
В миг последний из беды спасали нас.

Как порою не хватает нам любви,
Той, что ищем мы почти всю нашу жизнь.
Без нее совсем другими стали мы,
А найдя, как будто снова родились.

О СТИХАХ

Стихи, как капельки росы,
Словами напитают душу.
Они защитой нашей служат
От равнодушной суеты.

В них все: любовь, борьба и мука,
Переживание и мечта,
И радость встречи, и разлука,
И глубина, и высота.

Пред ними ложь всегда бессильна,
Они спасают от обид,
И человеку дарят крылья,
Когда на грани он стоит.

И в мир наш, что не верит в чудо
Прольется луч из чистых слов,
Когда стихи дарить мы будем
Всем тем, кто слышать нас готов.

И слову доброму внимая,
Остановись, замедли шаг,
И посмотри, как высекают
Стихи огонь в людских сердцах!

ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ

Бело, торжественно и тихо,
Земля под снег погребена.
Мороз узор рисует лихо
На полотне оконного стекла.

Душа в спокойствии безмолвном
Как будто тоже замерла.
Но скоро вновь она растает
И станет радостью полна,

Когда сойдут снега и землю
Наполнят вешнюю водой,
Когда подснежник самый первый
Пробьется через снежный слой.

Вокруг все станет вдруг моложе,
Легки и ярки будут сны...
И сердце ждет, слегка тревожась,
Своей спасительной весны.

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ

Русская деревня — боль души России.
Русская деревня, где найти ей силы?
Версты, перелески и дома пустые.
От картины этой снова сердце стынет.
Прадеды и деды жили здесь когда-то,
В босоногом детстве бегали ребята.
А вокруг сегодня, словно в поле зимнем,
Запустеньем веет, мрачно и тоскливо.
Сколько по России деревенок малых,
Никому не нужных, нищих, захудалых.
И проходит время, и уходят люди,
И земля пустеет... Что с ней дальше будет?
Повернуть к истокам надо нам однажды,
Чтоб деревне русской жить светлей и краше.

* * *

Снег замечает прошлого следы
И дарит белоснежные одежды.
В огромном мире есть лишь я и ты,
И будет лучше все, чем было прежде.

И сердцу вновь захочется любви,
Оно устало биться в ожидании.
Ты просто меня тихо позови,
Спасая от тревоги и страданья.

* * *

Твоя Любовь хранит меня в пути,
Во всех дорогах, ото всех печалей.
И лишь она должна меня спасти,
Уже сейчас она меня спасает.

Я пью ее — родник живой воды,
Уставший путник, гибнущий в пустыне.
И чтобы выжить в бездне пустоты,
Твое святое повторяю Имя...

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Владимир Лазарев

(г. Монтейн-Вью, Калифорния, США)

ЕГОР ТАЛАНОВ, ТУЛЬСКИЙ МАСТЕР

(Были тульской старины — повесть в стихах)



Владимир Яковлевич Лазарев родился в 1936 г. в Харькове. Окончил Тульский механический институт. Известный тульский поэт и прозаик (книга «Тульские истории»). Автор многих стихов, положенных на музыку Марком Фрадкиным, Евгением Догой и другими композиторами. С 1999 г. живет и работает в США. В России Владимир Лазарев более всего известен как автор слов песни «Березы» (музыка М. Фрадкина) из кинофильма «Первый день мира». Для первой публикации предлагаемой ниже читателям повести в стихах «Егор Таланов, тульский мастер» Владимир Лазарев выбрал журнал «Приокские зори».

Пролог

Не торопите мастера, он весь
В работу несказанную погружен,
Ему свободный ток мгновений нужен,
К нему летит о совершенстве весть.

Он весь — сосредоточенность и зренье,
Он связи ткёт, соединяет звенья
В живом круговращении земном;
Он ощущает сладостное бремя —
Не внешнее, а внутреннее время,
Непостижимо замкнутое в нём.

1

Чудес немало высшей пробы
На свете — так уж создан свет.
И в тульском мастере особый
Живёт мерцающий секрет.

А в мастерстве — и честь, и совесть,
И страсть, и тяга с ветерком...
И эта маленькая повесть
О нем, о мастере таком.

Он освещен двадцатым веком
И поколений чередой:
Казюк — казенный человек он,
Но со свободною душой.

Над ним ветра шальные дули,
Они в дугу железо гнули,
Но мастер не сникал в беде.
Он был рожден в старинной Туле,
Он жил в Чулковской слободе.

Твердят, что у судьбы нет правил:
Судьба темна... Что нами правит?
Он тягой рода был движим,
Ведь был еще Егора прадед —
Гравер, по имени Любим.

Любим Таланов — прежде плотник,
Резное дело в голове
Цвело: наемный стал работник —
«Ярыжный деловец» в молве.

Был подмастерьем, стал гравером,
Металл расцвечивал узором.
Все это делалось нескоро,
Непросто: многое умели
Когда-то в старом тульском деле.

Все надо точно примечать:
Искусно «резать — расцвечать»,
Взрастить свой стиль — свою печать.

Чтобы рисунок просиял,
Как луч, сияющий над хмарью,
Он на металле вытравлял
Его венецианской ярью.

В декоративном деле строгом
Сок клюквенный был на подмогу.
И для поверхности резной
Необходим был воск смазной.

Жив в мастерстве рабочий гений,
Какое дело ни затронь,
И выпуклых изображений
Влечет «обрань или обронь» ...

Люблю неведомое слово,
Горящее живым огнем.
Его нам сберегла Щеглова
В чудесном словаре своем.*

И вовсе не отпетый прах,
Живая жизнь — в былых словах.

Чтоб глянец навести, как встарь,
Нужна и нынче киноварь.
И, как когда-то, скажет кто-то,
Взглянув: «Отменная работа».

Егор Таланов жизнь любил,
Слова старинные копил,
Чтоб, тронув рудную струну,
Измерить жизни глубину:

Являлись в сущности своей
Живые лики прежних дней.
О, как они нам все нужны
В сияньи молодой весны!

2

Мужей ученых слышу ропот.
Но я не делаю подкоп:
Бывает, вместо «микроскопа»
Сказать приятней «мелкоскоп».

Себя полакомить спешу
Лесковским сказом про Левшу
И истине нетленной в честь
Вторично этот сказ прочесть.

Таланов и его друзья
Так сделали, и — впрок, не зря.
Лескова тайну разглядели —
В чем сказа суть на самом деле:
Совсем не в том, чтоб англичан
Враз перепрыгнуть — то дурман! —
И удивить весь белый свет,
Что мастеров превыше нет!

Стучали чутко молоточки —
В подковки малые гвоздочки
Вбивали, попадая в точку,
Как говорят, не в бровь а в глаз...
Такое дело: это — Сказ.

* Н. А. Щеглова «Технический словарь тульских оружейников XVII—XVIII веков». — Москва 2004 г.

Блоху туляне подковали,
Но в ней живой завод сковали
И обездвижили блоху:
Лежит застывши на боку...
А ведь до этого плясала,
Изобретеньем изумляла!
И можно было то суметь
Лишь в микроскопе разглядеть.

Царь забавлялся наверху:
— Знай наших! Подкуем блоху!

А танец невозможно впредь
Под микроскопом углядеть.

И жаль тех тульских мужиков,
Великославных казюков:
Что зря сноровкою сверкать,
Как если б в кузне у огня
Лихого подковать коня,
Да так, чтоб перестал скакать!

3

Какой завет владел Егором,
Какая в даль вела стезя?
Как прадед, был Егор гравером,
Граверы — и его друзья.

В своих друзьях души не чаял
(Талант дружить ему был дан):
Один из них — Кузьма Нечаев,
Другой Потехин был, Демьян.

Кузьма плечист, знать крепок корень
Приметливый и точный глаз,
Горазд в работе и упорен.
Демьян же худ и долговяз,
Чуть что — в свободную минутку
Гармонь берет и — на крыльцо.
На песню легок и на шутку
Да и на красное словцо.

Смеется сам, мол, в этом сила:
Чтоб зеленело деревцо,
Восходит красное светило,
Сияет красное словцо.

И был он отроду затейник,
Как старший брат, тот — коробейник.

Не городской он, из крестьян —
Веселый песельник Демьян,
С какой-то родниковой силой,
Ухватист в деле, но смутян,
По кличке уличной — Красивый.
Говаривал: «У нас в Страдани
На семерых — одни-то сани.
О ней молюсь: «Счастливой стань!»
Россия наша вся — Страдань».

Гравером стал, глаза живые,
Уж как сумел в былые дни?! —
Иглой прошел в мастеровые
Он без особенной родни:
Был родственник — вода седьмая,
Как говорят, — на киселе.
А так все сам и не умаян, —
На острие, навеселе...

Он был еще в деревне — резчик,
Узоры всюду рассеивал:
Мороз на кроснах рисовал,
Цветами окна обвивал,
Конька на крышу вырезал, —
Все украшал: избу и вещи.
Отец был резчик, дед был резчик...
И был ему еще завещен
Дар деревенских запева.
Коль час неровен наступил,
Кузьму с Егором веселил.

Был человеком без обманов
Бесхитростный Егор Таланов,
А потому как не для свар
В нем жил умельца Божий дар.

Посмотрит он, как будто обнял,
Всегда приветлив и не груб.
Егора мужественный облик
Был многим на заводе люб.

Румянец смуглый — дар весны,
Не каждому такой дается.
На щеках ямочки видны,
Когда он шутит и смеется.

И при знакомстве с первой фразы
К себе располагал он сразу.
Темноволос, зеленоглазый.
Походка быстрая легка.
И волос — выющийся слегка...

И на пиру, вина хлебнувши,
Он простодушно веселел.
И вдруг, лукаво усмехнувшись,
Сам про себя частушку пел:
— Как пошел Егор за город
Объегоривать народ,
А попал Егор на вора,
Объегорили Егора.
Жизнь, она ить без разбора
Едет задом наперед!
Тут Демьян не умолчал —
В тон Егору отвечал:
— Узелок вяжи на память,
Раз такие, брат, дела:
Объегор — не тульский пряник,
Не белевска пастила!

Кто знает, ради ли потехи,
Иль, может быть, всерьез весьма
Кузьме твердит Демьян Потехин:
«Пора жениться нам, Кузьма!
И чего таить греха,
Позовем-ка сватью.
С головою петуха —
Нам пирог на свадьбу.
Да чтоб было без заминки,
Хорошо бы — на Кузьминки*.
Так, чтоб крепко нас любили
И вовек не подкузьмили».

4

Все тайным зреньем примечая,
Хоть всяк на свой манер остер,
Работали Кузьма Нечаев,
Демьян Потехин и Егор.

До них докатывалась слава,
К ним приходили из былин
Батищев Яков и Захава,
Леонтьев, Латов и Сурнин...

Подкову откуют на счастье,
Каленым словом подкуют, —
Демьян Потехин тут как тут.
(На этот счет был тоже Мастер —
Балакирев, петровский шут.)

* Кузьминки — старинный народный церковный праздник в честь святых Кузьмы и Демьяна, по преданию — кузнецов бессребреников.

И посейчас еще старушки
Укажут, веруя сполна,
В Заречье: вот она избушка
Балакирева — в два окна! —
Не где-то, мол, а только тут
Родился наш великий шут.

Петра-то памятником славят:
Царь встал, на молот опершись,
Шутам же памятник не ставят:
У славы их иная жизнь.

Да что там шут!.. Скажу, не скроя,
Какой же, право, здесь секрет:
Левше на родине героя
И то ведь памятника нет.

Средь переменчивых ветров
В чем память — слава мастеров?

Она мерцает под резцами
Классическими образцами,
Приоткрывая в Вечность дверь,
Как понимаем мы теперь.

А что Егор наш поминал,
Как труд свой тихий понимал?
Он говорил: «Природа с нами».
Жизнь излучал его орнамент.

Одним усердьем и пристрастьем
Орнамента не заживить,
Нет, искру надобно в пространстве
Словить и Время природнить.
(Не природнишь,
И будет Время
Колоть тебя
Нешадно в темя
И, укрошая,
Разрушать,
И не давать тебе
Дышать...)
А как преодолеть боленье
Души?.. Узоры в естестве
Задышат, коль пойдет биенье,
Биенье жизни, как в листве
Большого древа... Свету литься
И серебриться сквозь века:
В гравюрах небо и река,
Трепещут травы, выются листья,

Как бы в полете ветерка...
И нутряной возникнет свет.
И этому названья нет...

* * *

Друг Демьян, веселый мастер,
Гравировал от души
Всем охотникам на счастье
Уток, псов и камыши.
И кудрявый лист кленовый
Режет, как в частушке слово.

А Кузьма — характер цельный,
Он, как вся его родня,
Кого любит, кого ценит,
Хмура знает про себя.
Плотно ставит к слову слово,
Основательность — основа:
На металле — лист дубовый
Вырезает, лист суровый...

А Таланов?.. Друг-приятель
И Демьяна и Кузьмы...
«Ну, Егор открыт, понятен!» —
Молвят шустрые умы.

Нет, постой! Дружба реально
С ним ходили по земле,
Скажут пусть из дали дальней
Про Егора.
Кузьма Нечаев
Натурально,
Он — Георгий в ремесле.
Демьян Потехин
Что сказать мне вам, ребята?
Жили-были мы когда-то.
Он?.. Бывал и немудрой,
С полслова не заводной,
Но отмечен был судьбой:
То — как мы, а то — крылатый,
Все, как мы, да — не такой...

* * *

И так все трое жили-были
В том заводском потоке дней.
В Щегловской засеке ловили
Щеглов. И к радости своей
Держали милых голубей.

И исчезали все печали
В воркующих тех голосах.
Волнуясь, голуби взлетали,
Теряясь где-то в небесах.

Чтоб разглядеть, где в небе птицы,
Как голубятник записной,
Егор наш малое корытце
На воздух выносил с водой.

И отражались в той воде
Они, не зримые нигде:
Он так следил за малой стаей,
Что в солнечных, лучах летая,
Исчезла, словно бы растаяв,
И возвращалась, вырастая...

«Вот так же, — он смекнул случайно, —
В микрогравюрах скрыта тайна».

5

Пришла к Егору неизбежно
Пора любви, пора надежды.

Он ждал Любовь, ее он жаждал.
И снится сон ему однажды.
Был сон Егора, скажем смело,
Далеким от земного дела:
В тот странный сон явилась дева,
Его волнуя и тревожа, —
София в ней — Премудрость Божья:
Туманный образ был неясен,
Но был приятен и прекрасен.

О, эта радость высоты!
Егор он вовсе не безбожник:
Жило в нем чувство красоты.
Он был гравер, он был художник.

Он ждал... Но время проходило,
А встречи не происходило.

Июньским днем зеленым, ярким
Нечаянно на взгорье, в парке
Егор вдруг повстречал ее,
Виденье вспомнил он свое.
«Она!» — в душе его сверкнуло.
«Она!» — светлее стала Тула.
Все новым светом озарилось
И словно бы преобразилось.

Егор взглянул: как с неба облак,—
Прекрасной незнакомки облик!

Он замер сразу, не дыша,
Но мимо девушка прошла,
Как показалось, безразлично.
Полгода минуло... Вторично
Он увидел ее... Вольней,
Зимой, в один из белых дней
Вдруг подойти решился к ней.

Она была совсем не их —
Не из среды мастеровых:
В ней жил иной какой-то стих.

Не стала молодцу перечить
Она... И зажились встречи.

Была таинственна и нова
Ему Наталья Бобринева,
В его душе вошла она,
Как несказанная весна.

Горел огонь в ее натуре:
Учить детей литературе
Великой, той, что на века,
И властной силе языка
Родного, русского, который
Всему основа и опора.

И этим всем она лучилась.
Сама же музыке училась.

И музыка в душе Натальи
Жила с поэзией в родстве:
Такие открывались дали
В ее девичьем естестве!

И к обедневшему дворянству
Принадлежал ее отец.
Тот род, ценивший постоянство,
Считал: оно всему венец.

Не ощущая превосходства,
Не ставя вверх родство свое,
Жило в Наталье благородство,
В душе и облике ее.

Казалось, сам Господь причастен
К их встрече: Радость! Праздник! Счастье! —

Так думал по ночам Егор,
Покой забывший с этих пор.

Она, любовь пришла коль скоро,
Читала Пушкина Егору,
Жуковского... Сияла в ней
Поэзия минувших дней,
В которой Лермонтов и Тютчев —
Плеяда всех певцов могучих.
Егор с Натальей были званы
На этот сокровенный пир.
Любили Ясную Поляну,
Где правдой жег толстовский мир.
Идущий встречь старик не даром,
Взглянув на них, промолвил: «Пара!»
Сказал, как бы само сказалось,
Как будто счастье предвещалось.

Наталью трепетно встречая,
Егор наш в ней души не чаял.

Он ждал желанной встречи часа
Придет она — его краса:
Неповторимого окраса
Лучисто-серые глаза.

Спустясь знакомою тропой,
Они стояли над Упою.
И речка тихая текла,
Не знаменита, но светла.

Настал тот вечный миг тревожный.
Луной сияла высота.
Он страстно, нежно, осторожно
Поцеловал ее в уста.
Сквозь лунный свет и полутьму
Она ответила ему.

В прохладном токе вешних струй
Расцвел их первый поцелуй.

И жизнь, и ночь — все было тайной,
Волшебной тайной полуснов,
И смутны были очертанья
Лица и очертанья слов:
Рука — с рукой,
Река — с рекой,
Судьба — с судьбой,
И я — с тобой.

Наташу — всем друзьям известно —
Егор считал своей невестой:
Наталья Бобринева с ним
Жила сочувствием одним.

Большие планы вырастали!
И вместе радостно мечтали,
Егор и жизнь его — Наталья,
Что проведут на Черном море
Медовый месяц, на просторе...

Казалось, вот уж свадьба скоро!
Судьба неожиданный путь торит:
Не отдавали за гравера —
Не знатен и не родовит.

Любовь вдруг стала расторжимой,
Когда сошлась лицом к лицу
С бабулей, с матушкой родимой,
С повиновением отцу.

Наталья власть семьи узнала,
Того, что не подозревала.
Совсем не видя в близких зла,
Власть эту не превозмогла.

Приняла чуждый ей мотив,
Порывы сердца укротив.
В душе возникла рана... Знать,
С родными не смогла порвать.

Невольно выросли барьеры,
И выдали ее свои
За молодого инженера
Из окружения семьи.

Не примираясь с жестокой новью,
Она, обидою дыша,
Рассталась с солнечной любовью,
За нелюбимого пошла.

Не знала в горести своей,
Как жить ей, как учить детей...

Что делают не понимают,
Когда, твердя: «Не прекословь»,
На белом свете разлучают
Большую светлую любовь!

И словно кто-то тучей застил
Перед Егором белый свет.
Он стал угрюм. Он с горя запил:
Раз счастья нет — и жизни нет.

И дни бесцветные настали,
И стало хмурым все окрест.
А что Наталья? Как Наталья?
Как ей нести свой тяжкий крест?

7

Но все ж, испытывая муки,
Он взял себя сурово в руки,
С беспутным пьянством завязал.
Орнамент строго вырезал.

Но нужно, чтобы дальше жить,
Боль самопервую избыть.

Егор, он не был ворчуном
И вовсе не был драчуном.
Сейчас же страсть его тащила
Туда, где сила шла на силу,
Где шли кулачные бои...
Себя ли Тула веселила,
Отдав им пустыри свои?

...Вот сходятся. Чернеют группки
Кулачный бой. Лед. Снег. Зима.
Вот скидывают полушубки
Демьян, Егор и вслед Кузьма.

И надо бой вести с прикидкой,
Чтоб одолеть: он хитрый бой!
Недаром сила всей Никитской
Сошлась с Чулковской слободой.

А поначалу, поначалу —
Все было, как по ритуалу, —
И начиналось с битвы малой:
Взъерошенные, как птенцы,
Шли друг на дружку огольцы —
Свой дух братва разогревала.
Потом уж битва закипала —
Вступали старшие бойцы,
И подо льдом Упа дрожала.
А напоследок — дух гори! —
Сходились богатыри.

Егор шел в бой, и кровь пылала,
Ярилась кровь, а глаз темнел.
Прицельно бил и, как попало.
В бою и вкось, и вкривь мотало
В приливе тел, в отливе тел.
Демьян разбойничьи свистел,
Да так, что жутью обдавало.
Худой и верткий — левой бил,
Отскакивал и вновь бросался,
Заманивал, кричал, дразнил,
Да на удар не попадался.
Тычками частыми дробил
И словно боем забавлялся.

Кузьма, тот как бы невзначай,
Легко валил — его боялись.
Когда сойдутся, дожидались,
Крылов Петруша и Нечай?

Вершинный бой: Крылов — Нечаев,
Вот страсти будут где!..
Но вдруг Кузьма угрюмо замечает:
Егора трое взяли в круг.

Егор рванулся было... Где там ! —
Не вырваться. Удар — в удар,
И тот исподтишка, отпетый
Свинчаткой... И Егор упал.
Его — ногами... Может статься,
И душу изронил бы он,
Когда б Кузьме не догадаться,
Не изловить егоров стон,
Егоров сон, почти присмертный.
«За что ж его вы, братцы, так?» —
Размах у Кузи неприметный,
Но тяжелой меткости кулак,

Струхнули, разбежались тати.
Кузьма — к Егору!.. Тот лежал
На льду, пыл жизненный утратив,
Ни льду, ни сну не возражал,
Ни той невнятной тяге смерти —
На том ли этом берегу? —
Лицо поблекло. Веет ветер.
И кудри темные в снегу.

«Егор, Егор!..» Неужто крышка?
Какие тут еще слова!
Кузьма прильнул к нему: не дышит,
Аль дышит? Но едва-едва.

Демьян явился, смотрит дико.
Кузьма
Достать бы спирта.
Демьян
Мы — зараз.
Не зря я эту флягу, гли-ка,
Для поля бранного припас.

Виски и грудь дружку растерли.
Разжали зубы, влили спирт.
И точно хрип какой-то — в горле,
Какой-то вздох... Но все в нем спит.

Кузьме и то вдруг стало шатко,
Перекрестился: «Вот беда».
Заметил в отдаленье шапку
Егорову, поднял со льда...

* * *

Другой бы вынести все смог ли?
Он тяжким воспаленьем легких
Переболел, все одолел
В больнице, страшно похудел.

Но ожил все ж... И воздух банный,
Сухой туман в парной; желанный
Березовый душистый лист —
И веника нахлестный свист;
Малина с дальнего угора —
Все на подмогу шло Егору,
Чтобы поднять, чтоб освежить.
И в нем все начинало жить.
И было все как раз и в пору:
И молока парного кружка
Была, как верная подружка,
И мед, разбавленный в конце...
Вот свет прибавился в лице,
Вольнее стал в закруте волос,
Глаз зеленей и крепче голос.

Не дался смерти наш герой,
Встал крепко на ноги Егорий.
— Ну что, живой?
— Видать, живой.
И вот он уж с Демьяном в споре
По заковыке по любой.

Забыл про хворь. Одна лишь малость —
Навечно ссадина осталась
Пониже левого виска,

Да веко дернется слегка,
Когда превыше сил усталость.

Но он, Егор, не возражает,
Когда друзья про ту беду
Сойдутся и соображают,
За что его тогда — на льду?
Демьян
Мож, кто поставил четверть водки?
Кузьма
А обознаться ль не могли?
Егор не лют... А те, как волки,
Отделали и утекли.
Уж в горле хриплый колоколец
Почудился — тот крайний край.
И все мне остро память колет:
Где их встречал я невзначай?

Демьян хмелел и, чуть не плача,
Кричал: «Меня запал унес,
Подмог бы, да не случай, значит.
Прости, не видел, — я горячий, —
Как ты Егор ко льду прирос.
Подбег, ну вижу, дело — дрянь...
А то, брат, съездим к нам в Страдань:
Там ягода — не то, что здесь,
Да у меня сестрица есть.
Красава с золотой косой.
Не породнится ль нам с тобой?»
(поет)
Красная калина,
Красная калина
Да в лесе стояла,
Ой, в лесе стояла,
Весь лес украшала.

Красная калина
Весь лес украшала,
Весь темно-зеленый —
Красная калина
Ой, да весь украшала.

А песня тоже ведь врачует,
Таланов это сердцем чует.

То разливаясь, то стихая,
От корня и от родника
Взлетала песня. А такая
Не подведет наверняка.

Он слушал песню, вспомнить силясь,
Что виделось ему на льду,
Мерещилось в дыму, в бреду.
И вспомнил разом: птицы снились.
Они не вились, не носились
В бору, в снегу, среди ветвей.
И вдруг к нему на грудь спустились
Пять красногрудых снегирей.

— Кузьма, скажи к чему бы это:
Пять снегирей — в глуши лесной?
Кузьма помедлил чуть с ответом.
— Понятно, к жизни, коль живой.

8

Год пролетел. Еще полгода.
Запомнил хмурый день Егор.
Он шел и во дворе завода
Услышал чей-то разговор.

Как птица, выпорхнуло слово,
И весть дыханье обожгла:
«Ты знаешь, дочка Бобриневых
Вчера при родах умерла».

Егора, точно подстрелили,
И помутился белый свет.
И он представить был не в силе,
Что на Земле Натальи нет.
Ни рядом, ни на расстояние,
Не услышать ее слова,
Не ощутить ее дыханья,
Ее живого существа.

Надеялся он раньше втайне,
Что встретятся они случайно,
И несмотря на все напасти
К ним все-таки вернется Счастье.

Он однолюбом был, недаром
В дороге памятной земной
Ему была Наталья парой,
Одна, не кто-нибудь другой.

.....

Ее, чей образ он хранил,
С ее друзьями хоронил:
Средь молодых учителей
Он был в процессии ничей.

Он ей последний долг отдал
И в хладный лоб поцеловал.
Успокоенья не нашел.
Но на поминки не пошел.

.....

И всеми явьями и снами
Не мог он эту смерть принять:
Живое остается с нами,
Его и смертью не отнять.

Он переехал жить в Заречье —
Быть от завода недалече:
Дом, сад при доме небольшой,
Где можно отдохнуть душой.

И слушал после трудных дней
Он воркованье голубей.
Когда те голуби взлетали,
Он часто вспоминал Наталью.
Там, в небе синь и тишина,
И видит голубей она!
И, словно бы надежный штурман,
Сам уходил он в высоту,
Когда его любимый турман,
Взмыв, кувыркался на лету.

Он, не расставшийся с бедою,
Но подчиняясь естеству,
Ушел в работу с головою
И весь отдался, мастерству.

Даря дыхание металлу,
Не отстраняясь от маяты,
Егор в своих гравюрах малых
Искал наталины черты.

И трепетно, без слов порожних
Он раскрывался как художник.

Сначала грифелем, неброски,
Он делал робкие наброски
На малых и больших листах,
Все вновь и вновь — не впопыхах...
«Получится ли?» — мучил страх.

И в «высечке» был тоже сбой.
Он не доволен был собой:
Не возникало красоты —
Не те глаза, не те черты.

И в нем сильнее, чем ремесло,
Желанье музыки росло.
Не сладкопевец, не буян,
Он приобрел себе баян,

Баян ведь не простая штука,
Им овладел он самоукой.
Он кнопок проходил ряды,
Искал прекрасные лады.
Еще и этот чудный дар —
Ему был от природы дан.

К баяну-другу привязаться
Успел он среди многих дел.
Жаль, что своих импровизаций
Записывать он не умел.

Егор предчувствовал едва ли,
Что обретет такой настрой.
О, как хотел бы он Наталью
Порадовать своей игрой!

Он вовсе не имел в расчете,
Что музыка в его заботе
Вдруг явит новый ход работе!..
Егор и не осознавал,
Что сам себя перерастал.

9

Воскресное настало утро.
И ветерком свежо и смутно
Егору сад в лицо дохнул,
Мол, как ты мастер отдохнул?

Есть у деревьев тоже лица.
Доброжелателен и строг,
Он вглядывался в каждый листик
И каждый чувствовал цветок.

Береза, чуткая осина —
Белесый ствол, зеленый ствол.
И запахи цветов и смол;
Пять яблонь, вишня, куст малины;
И липа. И под липой — стол.

В дыханье света и тепла
Гостит залетная пчела.

А чуть поодаль — голубятня.
(Она для туляков занятней!)

И этот сад при доме малый
Был так ему необходим,
Средь жарких лет и снежных зим
Душа здесь радостью дышала.
Живи и мастерством играй!
Дощатое строенье — с краю —
Там сотворен нехитрый рай,
Ну а точнее — мастерская.

Там молча постоит сперва,
Верстак свой оглядит пристрастно
Там все секреты мастерства
И тайны все почти подвластны.

Там остается он один —
Часы испытанного счастья.
Не то чтобы он господин,
Но сам большой Умелец. Мастер.

И тягой медленной влеком,
Он сам себе сдает экзамен.
Склоняется над верстаком,
Выводит собственный орнамент.

Не так, как в будни заводские,
Привычки здесь совсем другие:
Великим чувством обуян,
Он раскрывает свой баян.

И наслаждаясь, замирая,
Сперва он полчаса играет.

Воспламененный той игрой,
Высокий обретает строй:
Возникли легкость и отвага,
Иная страсть, иная тяга.
Резец послушен при отделке,
Все музыка, как предрекля:
Взгляд брал тончайшие оттенки,
Сверхточно двигалась рука.
Накатывало вдохновение —
Особенное настроенье —
Всевышней жизни нестаренье.
Лица живое выражение —
Все переливы уловить,
И свет, и Божье откровенье
В работе радостной продлить.

И в нем играло напряженье!

Он рад был этому всему.
И Кто-то говорил ему:
«Не останавливай Мгновенье;
Продли живое восхождение,
Создай великое творенье!»

.....

И поиск линий, как созвучий,
Годами мастер продолжал.
К себе он относился круче,
Свой норов в этом выражал.
Прозренья луч ловил летучий.

И сделал наш герой при этом
Отменных несколько портретов.
Подумал горько: «Все не то!
Я не справляюсь с высотой,
А потому, что не святой».

И приходил он на могилу
Своей единственной и милой.

И словно дал обет какой:
Всем тем, кто в участи земной
К его услугам прибегал,
Он безвозмездно помогал.

10

А на завод к ним с неких пор
Пришел еще один гравер,
Способный малый — с ветерком,
Петруша, некто Мастерков.
Фамилия — молва гласила:
Ему и вправду подходила.
Он бойко делу научился
И даже вскоре отличился.

Он, старца одного растрогав,
Купил задешево пантограф*
И, как на крыльях, стал летать,
Что говорится, процветать.

Петруша шустрый был повеса,
Его на щит подняла пресса.

* Пантограф — хитроумное старинное приспособление, действующее по принципу особого копировального устройства: большим незаточенным подобием резца водится по очертаниям изображения на листе бумаги обычного формата. Это движение передается малому резцу, который в это же самое время режет — повторяет рисунок на металлической пластинке. Изготовленная таким образом микрогравюра получается не столь совершенной, не столь изящной, как при непосредственной ручной работе. Изображение на металле выходит грубым, удивляя лишь своими микроразмерами. Но зато таких подделок может быть получено много и в короткий срок.

Газет известных празднословы
Все восхищались Мастерковым,
Писали про него всерьез:
«Вот новый мастер — виртуоз!»

Петруша, занят делом мелким,
Распространял свои подделки,
Успешно ими торговал,
Накапливая капитал.

И говорил он, как пророк:
«Теперь уж скорость — это Бог!»

Егор же был всегда в тени,
Любя медлительные дни.
Просил он Бога: «Боже правый,
Спаси нас от фальшивой славы!»

Егор не упивался бездной
Нажив и жадности не знал.
Он выбрал добровольно бедность
И никогда не унывал.
Был крепок духом. Правду знал:
Хотел не хлебом жить единым.
Егор мог быть не раз любимым,
Но проходил всех женщин мимо.
Его считали одержимым
Все, близко знавшие его.
Правы, не скажешь ничего.

11

И, отдающийся кручине,
Но продолжая путь земной,
Женился он на тихой Нине,
Заботливой и пожилой.

Не то, чтоб мог сойтись с любой:
Егору по сердцу жена,
Но той пожизненной Любовью,
Сияющей была одна.

И вот уж через много лет
Он завершал ее портрет.
Он осознал миров всецелость,
Явилась золотая зрелость.

Чтоб постижение настало,—
Душа была светла, тиха,—
В знакомом лике не хватало
Еще какого-то штриха.

Еще суметь бы в дымке зыбкой
Изобразить ее улыбку:
Непостижимая, она —
Как бы видна и не видна.

Он жаждет это передать,—
Лицу таинственность придать,
Которая спервоначала
Ее от смертных отличала.

Он приспособил освещение:
Да будет легкое свечение —
Живой, телесный, чистый цвет!
А в чем секрет?... Ответа нет.

И не был день осенний скудным.
Рисунок с помощью резца
Он завершил... И стало чудным
Возникновение лица.

Когда оно ему явилось
В гравюре из небытия,
Смотрел, дыханье затая,
И только сердце чаще билось...

Кто глянет, глаз не оторвет:
Все дышит, движется, живет —
Какая грусть!.. Какое счастье!..
Да он и сам — бессмертный мастер!

Три дня прошло, приснился сон
Таланову: он был смущен —
Какой-то странный почтальон
Вдруг разыскал его чуть свет
И заказной вручил конверт.
Письмо то было от Натальи,
(Но ведь она — за дальней далью!) —
Пришло до наступленья дня:
«Прости Егор... Прости меня,
Что я сломала жизнь твою,
Прости... Я так тебя люблю!»
Знакомый почерк окрыленный!
И он заплакал, как ребенок,
Во сне, а думал — наяву:
«Живая ты! — И я живу».

Эпилог

Он в замысел явился мой,
Расстаться с ним в моей ли власти?
Он вовсе не мастеровой,
А гениальный русский мастер.

Егор Таланов,— мы к нему
Ходили, оробев отчасти,
Егор Сергеич,— честь уму! —
Был с нами прост старейший мастер.

Никто из нас не знал тогда,
Жила в нем сокровенно тайна:
Его мелькнувшая звезда,
Его любовь, его Наталья...

У всяких сил есть свой предел,
Егор не сделался угрюмым:
Он сделать вовремя успел
Все то, что жизнью всей задумал.

Он был внимателен и строг,
Хоть не имел он голос вещий.
Запомнил я его урок
И им сработанные вещи,
Узор и тонкую резьбу,
Прекрасные живые руки,
Всю жизнь не ведавшие скуки,
И всю, и всю его судьбу...

И нам явился в дымке лет
Плод непростого вдохновенья —
Тот потрясающий портрет,
В котором — Божье откровенье

Потомок, радостный иль хмурый,
Возьмет — так представляю я —
Тончайшие микрогравюры,
Как часть земного бытия
И, скажем прямо, избытья:
В них свет небесного наитья.

19 мая 1979 г.— 3 июня 2013 г.



Игорь Карлов
(г. Мапуту, Мозамбик)



В ОЖИДАНИИ СУДА

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Возвращение в родной город оказалось безрадостным. Полгода назад Саня уезжал отсюда на кураже, поскольку его ждала Москва, где подвернулась вакансия в популярном издании с легким налетом аналитики, но при этом падком и на скандалы. А вернуться пришлось добровольно-принудительным порядком: одно неоконченное дело потребовало присутствия подающего надежды журналиста на малой родине. Дело каверзное. Судебное дело.

События развивались так. Уже зная о предстоящих переменах в судьбе, Саня одну из последних своих статей в областном еженедельнике, где тогда работал, сделал острокритической по отношению к местной администрации. Вообще-то, в провинциальных СМИ это не принято. Когда ты надеешься с прибылью продавать землякам нафаршированные мусором рулоны газетной бумаги, вряд ли ты станешь ссориться с руководством города или губернии. Саня, несмотря на молодость газетчик уже опытный, знал, конечно, условия игры, негласно сформулированные для прессы в период суверенной демократии и властного тандема. Точнее сказать, на региональном уровне это были условия выживания, а не игры. Играть с пишущей и вещающей братией здесь не собирались, здесь просто душили любого строптивца. Если у кого-то возникало стремление пострадать за свободу слова и прочие «общечеловеческие ценности», то добро пожаловать! Но желающих было ничтожно мало. Даже записные фронтеры свято чтит границы дозволенного, четко понимая, на что им выдана санкция, а чего касаться они не смеют ни при каких обстоятельствах. Безусловно, все это Сане было прекрасно известно, и все-таки он не удержался — напоследок решил вставить пистон доставшему всех областному чиновничеству, рассчитав, что успеет убраться из города до того, как разразится скандал.

На журналистский подвиг Саню спровоцировало пришедшее в редакцию письмо, обличавшее злоупотребления в системе ЖКХ губернской столицы. Обитатели ветхого строения, расположенного в центре города (пусть и не на главной улице, но вполне престижно), жаловались на трещины в несущих конструкциях, на антисанитарию, царящую в подвалах и на чердаке, на ползущую из квартиры в квартиру плесень, на проблемы с электропроводкой, с канализацией... Короче говоря, «сталинский» дом умирал, неумолимое время вершило свой суд, и люди ничего не в состоянии были ему противопоставить. Все обращения жильцов в управляющую компанию заканчивались циничными отписками, никаких мер по спасению дома принципиально не принималось, вот и решились бедолаги писать в газету. По сути, в этом письме не было ничего нового. Редакционная почта ежемесячно приносит десятки подобных

посланий. Авторами их являются, как правило, деятельные старушки, правящие жильцами своего подъезда, как просвещенные государыни, или инициативные люди средних лет, находящиеся на пенсии по инвалидности. Этим категориям граждан, в отличие от большинства ответственных квартиросъемщиков, обескровленных изнурительной борьбой за существование, хватает времени и энергии для вхождения в затяжные, осложненные многочисленными привнесенными факторами исторические процессы, вроде тяжбы с ЖЭКом. Впрочем, есть еще одна категория жалобщиков — люди с явными отклонениями в психике. Но на этот раз Сане в руки попало письмо, неожиданно тронувшее душу. Написано оно было безыскусно, автор его, очевидно, не был знаком с выработанными в кляузном деле штампами, устойчивыми оборотами и стилистическими ухищрениями.

Станислав Михайлович Багдасарян излагал случай из жизни. Получив на выходные в свое пользование внучку, счастливый Станислав Михайлович, который не мог наглядеться на малышку, отправил супругу на рынок «за витаминами» и с упоением предавался девчачьим забавам; когда же время игр сменилось временем кормления, дед направился разогреть приготовленный обед. Стоя у плиты, Багдасарян услышал за стеной жуткий грохот и, ринувшись в комнату, обнаружил на полу, в нескольких сантиметрах от внучки, огромный пласт отвалившейся штукатурки весом в десяток килограммов. На потолке же зияла как бы полынья, в который была видна обнажившаяся дранка, словно недавно вышедшая из-под рубанка, едва-едва посеревшая за то долгое время, что прослужила людям. Инженер Багдасарян стоял как громом пораженный и не мог оторвать глаз от редко встречающегося в настоящее время образчика примитивной строительной технологии, прикидывая, сколько слоев штукатурки находится у него над головой. Станислава Михайловича внезапно осенило: за всеми этими слоями уложенные в решетчатый узор деревянные реечки не видели ни сменявшей коллективизацию индустриализации, ни войны и последовавшего восстановления народного хозяйства, ни разоблачения культа личности, ни совнархозов, ни застоя, ни перестройки, а вот теперь неожиданно для себя глянули на белый свет и стали свидетелями становления новой демократической России. Все это настолько ошеломило Багдасаряна, что на несколько мгновений он вошел в ступор, но затем историко-хозяйственное изумление отступило на второй план. До инженера дошло, что под обломками советской империи едва не погибла единственная внучка! Дед бросился к ней, замершей на полу рядом со своими куклами, трагично одинокой и хрупкой среди белесого марева оседавшей меловой взвеси. Малютка даже плакать не смела, опасаясь, что грянувший с потолка удар есть наказание ей... Вот только за что?! В глазах девочки застыли слезки, закипавшие на веках, но до поры удерживаемые длинными пушистыми ресницами. Багдасарян прижал внучку к груди, и испуганные ритмы их сердец перекликались в прерывистой пульсации. В этот миг мужчина, потрясенный произошедшим до глубины души, понял, что кто-то должен за все ответить. Далее в письме шел ряд риторических вопросов: а если бы она сидела в другом месте?... а если бы?... а если?..

Видимо, это возмущенное послание, составленное доходчиво и проникновенно, показалось чрезвычайно убедительным соседям Багдасаряна — под очередным требованием наконец-то отремонтировать крышу подписались все как один. И Саня, знакомясь в редакции с коллективным обращением, тоже расчувствовался, живо представив себе беззащитную девчужку в мутном тумане висящей в воздухе побелки, среди груд обрушившейся штукатурки, которая чуть не погребла несчастную. Образ невинного создания, подвергшегося смертельной опасности, создавал яркий эмоциональный фон для запоминающегося, хлесткого газетного материала, содержавшего рассуждения об агонизирующем жилищно-коммунальном хозяйстве и про-

зрачные намеки на процветающее в губернии казнокрадство. Случай был показательный и давал возможность, выжимая скупые читательские слезы, легко витийствовать по поводу безразличия верхов к судьбам простых граждан. Рука потянулась к перу, то бишь к клавиатуре редакционного компьютера...

Если бы по уму, то Сане не следовало писать ту статью. Помня о том, что ему повезло отыскать престижную и денежную работу в Москве, что он отрясает со своих ног пыль провинциального идиотизма, надо было наплевать на историю Багдасаряна и его внуки. Но живший в глубине души мальчишка-озорник подталкивал под локоть: пиши! пиши! И получился один из лучших текстов журналиста — злой, остроумный и по делу. Захотелось показать его людям. Опять ошибка, непростительная для человека, считавшего себя акулой пера! Ну, хорошо, вышло у тебя нечто приличное с точки зрения журналистики, но рискованное с точки зрения здравого смысла. Так оставь написанное для раздела «Из неизданного» в качестве образца стиля. Куда там! Понес на утверждение в печать!

А дальше все шло одно к одному. Как назло, главный редактор был в отпуске, визировала очередной номер его заместитель, Санина любовница. Когда Саня дал ей материал для ознакомления, Юлия Витальевна едва пробежала глазами по листам. Редакторша поняла, что статья посвящена острой и скользкой теме, коей касаться строго-настрого запрещено, но, зная Саню как человека, который не захочет ссориться с боссом, предположила, что в конце публикации автор как-нибудь вывернется, сообщив читателям, что губернское и городское начальство неизменно печется об обывателях, и обывателям здорово повезло с руководителями. К тому же, Юлия Витальевна была озабочена совсем не содержанием газеты, а своими интимными переживаниями по поводу предстоявшего отъезда Сани. Вступившая в балзаковский возраст дама использовала встречу с молодым человеком, явно дичившимся в последние дни, избегая оставаться с ней наедине, как повод для разговора об их отношениях. А тут и Саня неожиданно подыграл подруге, томно поводя глазками, мурлыча какие-то сальности. И что интересно: парень в тот момент действовал безотчетно, лишь впоследствии догадавшись, что пошлым флиртом спас свое творение, открыл ему дорогу к читателю.

Вот так вышла в свет газета с немисливо смелым заголовком, с красноречивыми фотографиями, с хищной статьей, вызвавшей немедленный и громкий резонанс в городе. Саня мог бы чувствовать себя героем, если бы ответная реакция властных структур не оказалась столь же немедленной и жесткой. Последовали длительные нудные разговоры с главным редактором, выволочки, угрозы... Да и это бы ничего — все забылось в Москве. Столичные впечатления затянули, словно илом, провинциальное прошлое: другие масштабы, полезные связи, интересные люди. Однако напомнила о себе периферия, напомнила внезапно и грубо, как она только и умеет делать: Саня получил повестку в суд, который привлекал его в качестве ответчика по делу о клевете, возбужденному жилищным комитетом администрации области. Комитет требовал от еженедельника письменного опровержения порочащих его сведений, а с Сани собирался взыскать ни с чем не соизмеримый штраф.

Саня поделился проблемами на новом месте работы. Ему посоветовали идти напролом, своей вины не признавать, бороться до конца и пообещали всемерную поддержку. К делу привлекли известного адвоката, выделили Сане в помощь опытного юриста и зубастых фельетонистов, которые должны были осветить в заметках «из зала суда» все вопиющие факты давления на прессу и самодурства провинциальных чинуш. Московская редакция уже поставила в план серию горячих публикаций и отчетов о судебном процессе. В задуманном цикле материалов вырисовывался бы при-

влекательный образ главного героя скандала — неподкупного журналиста, стоящего горой за либеральные ценности и страдающего от притеснений. Кто же защитит борца-страдальца? Только несущая людям свет истины газета, в которой он нынче работает! Получалось все очень ладно и кстати, поскольку чуткая редакция уловила настроение федеральных властей, стремившихся в преддверии выборов освободить себя от бремени ответственности за дуболомство и хамское воровство властей на местах.

Москва все чаще жеманно пеняла на самоуправство назначенных ею же глав регионов. Появляясь на телеэкранах, руководители государства недовольно морщились или сурово хмурили брови, когда им открывали глаза на злоупотребления в субъектах федерации. Проницательная часть медиасообщества все отчетливее понимала, что за всей этой мимикой скрывается неспособность навести порядок на нижних этажах властной пирамиды, ибо обуздать слой управленцев средней руки крайне трудно ввиду многочисленности и косности этого слоя, обладающего к тому же глубоко эшелонированной коррупционной обороной и партизанскими навыками круговой поруки. Кремлевские мечтатели устремлялись мыслью в преобразовательные выси, а действовать приходилось через передаточные механизмы неповоротливой и скрипучей административной машины (даже, скорее, телеги!), управляемость коей в России традиционно вызывает опасения. Поэтому федеральному руководству оставалось лишь безразлично кривить лицо, когда речь заходила о подгнивающем фундаменте вертикали власти, и время от времени приносить на алтарь народного недовольства какого-нибудь местного хапугу из числа тех, кто бессовестно подводит оказавший им высокое доверие Центр. В стране разворачивалась широкая кампания с целью дистанцировать Кремль от провинциальных бюрократов, вызывавших глухое, но яростное раздражение избирателей. Произошло несколько громких отставок, и явно был намечен круг губернаторов и крупных чиновников, которым предстояло стать дальнейшей искупительной жертвой в борьбе за электорат. Отслеживая эту ситуацию, владельцы издания, где теперь публиковался Саня, увидели в завязавшейся вокруг него коллизии возможность подыграть московской партии, рассчитывая в дальнейшем на определенные преференции. Такой вот удачный вырисовывался тренд у этого судебного разбирательства, такой выгодный намечался мейнстрим.

Но тут нашла коса на камень, потому как истцы по Санину делу тоже сдаваться не собирались. Почуять бы провинциальным чиновникам, каков замах столичных журналюг, снизить бы накал страстей, спустить бы дело на тормозах. Так нет! Уперлись, не отступали ни на йоту от своих абсурдных требований. В чернильных душах разыгрались амбиции: кто это там в наш монастырь со своим уставом лезет? как так? Тут все вокруг наше, и судья наш, и суд, и проиграть мы не имеем права!

Помимо агрессивно-животного желания не пустить чужака на свою территорию существовала и более серьезная подоплека разгоравшегося конфликта. Во-первых, процесс по иску областной администрации к начинающему журналисту должен был стать жупелом для других своевольников, чтобы еще раз убедились: за непослушание их обязательно накажут без снисхождения и срока давности; любое неповиновение немедленно повлечет за собой суровую кару, от каковой не спасет ничье покровительство. А во-вторых, предстоявший суд рассматривался в области как поле битвы, на котором руководство региона собиралось показать федералам свою силу, недвусмысленно заявить о своих законных интересах и неотъемлемых правах на контролируемый кусок государственного пирога. Местное чиновничество вылезало из окопов и поднималось в контратаку. А как же иначе? Время от времени надо напоминая центральной власти о необходимости учитывать в проводимой политике устремления автохтонных управленцев. И в самом деле, сложилась до обидного неспра-

ведливая, алогичная ситуация. Федеральная власть в погоне за телевизионными картинками счастливой жизни народа, за благодостной статистикой спускает «на места» процентовки голосования, разнарядки по введению в строй инновационных объектов, по освоению инвестиций, но при этом забывает, кто добивается чаемых рейтингов и презентуемых достижений. Ведь не из Москвы же приезжают начальники в какой-нибудь Волчехренск открывать нанопех по производству нанопамперсов, и не московский требовательный баритон дает накачку председателю участковой избирательной комиссии в случае недостаточно триумфальной победы на выборах партии власти. А раз так, то извольте делиться своими столичными привилегиями и центровыми доходами. В этом был смысл послания (или как там говорят по-модному? месседжа, что ли?), направленного московской камарилье регионалами, собиравшимися растерзать писаку, посмеявшего твякнуть на хозяина. Поэтому суетилось вокруг суда над Саней множество чиновной рыбешки, а где-то далеко за стаями мелочи угадывалось скольжение грозной тени крупной рыбы — губернатора.

Саня, высаживаясь на перрон вокзала родного города с задорным десантом юристов-журналистов, еще не подозревал, что угодил между столичным молотом и провинциальной наковальней. Парень с ощущением бесшабашного азарта являлся на заседания суда, а после них строчил едкие отчеты о тупости и неуклюжести областной фемиды для интернет-приложения к своей газете. Наиболее интересные повороты дела освещались редакцией и в бумажном формате, так что Санино имя приобретало известность. А кроме растущей популярности еще одно грело душу: приятно было осознавать беспроигрышность своей позиции, ощущать надежную страховку со стороны влиятельных лиц и при этом представляться ущемленным в правах защитником гуманистических ценностей. Иногда на улице или в общественном транспорте Саня ловил на себе ободряющие взгляды, несколько раз к нему подходили незнакомые люди со словами поддержки и сочувствия. «Вот ведь,— думал Саня,— есть в нашей профессии радостные моменты! Верит же народ, до сих пор верит, что кто-то за него переживает, для его блага старается... Может, так оно и надо, чтобы подобные иллюзии все же жили в обществе?» Несколько дней именинное настроение не покидало Саню, и каждую свободную минуту он стремился проводить на публике: фланировал по знакомым улицам, устраивал разгульные встречи со старыми приятелями, активно общался с сочувствующими горожанами.

В таком веселом расположении духа Саня решил навестить коллег по еженедельнику, в котором работал до переезда в Москву. И когда блудный сын журналистики ступил под редакционную сень, сердце его забилося от нахлынувших воспоминаний, от удовольствия узнавания. Ничего здесь не изменилось: все та же ядовитоканареечная краска на стенах, предмет постоянных шуток представителей второй древнейшей профессии, изгалявшихся по поводу «желтой прессы» и «желтого дома», все те же авизо и распоряжения на доске объявлений, все те же люди... Неожиданно для самого себя Саня ощутил, что прикипел душой ко всему этому. И нелегко было смириться с возраставшей отчужденностью от привычного, но уже невозвратимого, ведь кое-кто из газетчиков постарался не заметить, не узнать бывшего сотрудника. Впрочем, некоторые, проходя мимо, приветствовали его или даже вступали в короткие ни к чему не обязывающие разговоры о том, как устроился парень на новом месте, как у него с жильем, о том, что у них все по-старому, никаких перемен... Про судебное разбирательство никто и словом не обмолвился. Саня прошел по всему длинному, извилистому коридору, который заканчивался тупиком — кабинетом главного редактора. Постоял здесь секунду, разглядывая витиеватую табличку на дверях, и направился в обратный путь, решив заглянуть в отдел, где некогда трудился. И тут все осталось без изменений! На столах неразобранные кипы бумаг, письма, фотогра-

фии, Юля Витальевна поблескивает модными очками за своим столом, Мишка сидит за компьютером с видом обреченного на казнь мученика.

— О! Привет! — оживленно воскликнул Мишка, обрадовавшись не столько приходу коллеги, сколько поводу отложить работу на неопределенный срок. Но в следующую секунду, безо всякого перехода, не меняя тона, сообщил, что его давно уже ждут корректоры, и испарился. Саня присел к столу на свое прежнее место и долго смотрел на Юлю Витальевну. Он не думал сейчас про ее отступничество: трудно ожидать самопожертвования от той, с кем сошелся не по любви, а из карьерных соображений, с кем и сам не был кристально честен. Глядя на нее, Саня, скорее, удивлялся: как это он в свое время оказался в одной постели с этой немолодой и некрасивой женщиной? Вспоминался давний зимний вечер, когда Саня отправился провожать начальницу после какого-то корпоративного торжества. Во дворе ее дома, в беседке, где они присели покурить, Юля вдруг склонила голову к нему на грудь. Влажный от таявшего снега длинный ворс ее меховой шапки лег Сане на лицо, забился в ноздрю. Это было неприятно, хотелось чихать. Но хуже всего было то, что доводил до тошноты исходящий от шапки стойкий запах табака, смешанный с запахом мокрой шерсти. И вот, вместо того, чтобы оттолкнуть Юлю Витальевну, Саня приобнял ее за плечи... Какое уж после этого морализаторство!

Бывшие любовники разглядывали друг друга, не произнося ни слова, и чем дольше продолжалось молчание, тем очевиднее становилось, что Сане следует встать и с достоинством удалиться. Однако он никак не мог решиться на это — глупым казалось уйти, ничего не сказав. Впрочем, и вопрос, заданный после затянувшейся паузы, оказался на редкость глупым:

— Юль, ну а чего так?

— А как? А как ты хотел? — Юля ответила мгновенно, как будто только и ждала от него подобной невнятицы. — Сам свалил из города, а нам за тебя отдуваться? Нет уж!..

Редакторша на секунду запнулась, подбирая слова, а потом вдруг резко и зло добавила: «Да пошел ты...» и выскочила в коридор, оставив Саню в сиротливом недоумении.

В другой раз ощущение своей ненужности и даже вредоносности для окружающих кольнуло сердце через несколько дней. Как-то вечером после очередного изматывающего своей нудностью и абсурдом заседания суда Саня, которому наскучило таскаться по городу, решил заглянуть к Багдасаряну, автору памятного письма, послужившего источником всех перипетий. Журналист поднялся по лестничным пролетам подъезда, носившего следы скоропалительного косметического ремонта, позвонил в квартиру, где уже был однажды, готовя материал к публикации. Багдасарян отворил дверь и замер на пороге. Саня рассчитывал, что его встретят как героя, как защитника, но инженер смотрел на незваного гостя, словно баран на новые ворота, и не только не приглашал войти, но вообще не произносил ни слова. Взгляд его отражал ужас, смешанный с недоумением и, пожалуй, даже обидой. «Не узнал, что ли? Или ошалел от неожиданности?» — подумал Саня и раскрыл было рот, рассчитывая сгладить возникшую неловкость хотя бы приветствием, но тут Багдасарян громко засопел, часто-часто заморгал, будто собираясь заплакать. В следующий момент дверь стремительно закрылась, оставив Саню перед смутным и причудливо искаженным собственным отражением на свежевыкрашенной нитрокраской плоскости. Эхо негостеприимного хлопка еще мгновение витало в кубатуре подъезда, затем и оно отлетело, а понуро стоящий на площадке чужак переживал конфуз в полном одиночестве.

После этого случая у Сани родилось ощущение, что кто-то расчетливый и злоб-

ный предвосхищает все его дальнейшие действия. Неведомый соглядатай не только предвидел каждый новый шаг журналиста, но и явно обыгрывал его, нещадно «давя на психику». Однажды после очередного заседания суда к Сане подошла молодая женщина, сидевшая на слушании позади представителя истца. (Саня даже знал ее когда-то, вот только не припоминал, где они могли познакомиться: то ли в детском саду вместе были, то ли в летнем лагере?) Подошла и безо всяких предисловий обрушила на парня упреки в непатриотичности, в снобизме, зазнайстве, безжалостности... Говорила женщина надрывно, как будто в самом деле внезапно преисполнилась благородного негодования, а ее неподвижные глаза-буравчики больно кололись. В первую минуту Саня оторопел от напора, в следующий момент в голову заползла мыслишка, что его визави в чем-то права, а затем неожиданно захотелось с ней согласиться, откровенно объяснить, как возникла ситуация, приведшая к такому неутешительному исходу. Настолько вдруг потянуло выговориться перед знакомой незнакомкой, что пришлось усилием воли сдерживать себя. В ответ на это усилие дикой кошкой метнулось в душе тоскливо-когтистое желание перечить, неистребимый врожденный дух противоречия заставил Саню разразиться ответной тирадой в защиту бесправных жителей разрушающихся домов. Собеседница резко развернулась и ушла, не дослушав. «Дураки какие,— подумал Саня о людях, подославших эту обвинительницу.— На что рассчитывают? На позабытое общее прошлое? Что они думают: я теперь должен растаять?» В том, что он на мгновение и впрямь подтаял, не хотелось признаваться даже себе самому.

Тем же вечером в квартире Саниных родителей, где молодой человек остановился на время процесса, стали раздаваться неприятные телефонные звонки. Сначала кто-то молчал и бросал трубку, потом притворно вкрадчивые голоса принялись сыпать предостережениями и смутными угрозами. Мать и отец с землистыми от волнения лицами умоляли сына отказаться от дальнейшей борьбы, предлагали даже разные варианты выплаты взыскиваемого по суду штрафа, вплоть до самых несуразных, вроде продажи своей жилплощади и переезда на дачу. Старикам все казалось, что еще можно откупиться от надвигавшейся беды.

Каждый день длительного судебного разбирательства приносил новые неприятные эмоции. Дело вязло в трясине подробностей, и становилось очевидным, что провинциальная юриспруденция своей неспешностью и рутинной одолевает напор приезжих ухарей. Разговорчивые помощники Сани из Москвы приуныли, оказавшись в захолустной обстановке. К тому же стало понятно, что дело далеко не такое плевое, как им представлялось перед командировкой — линия защиты прогибалась, процесс стал пробуксовывать, затягиваться, интерес к нему притуплялся.

Саня психовал, не желая мириться с участью подсудимого. Если бы не было рядом группы поддержки, если бы не боялся испортить так удачно начавшуюся карьеру столичного журналиста, он уже отказался бы от противостояния с властью. Нажим, оказываемый на него, был несильный, но действенный, и ответчик начал уже продумывать, как можно будет выйти из игры без потери репутации, без ущерба для имиджа. Но беспроектного варианта не находилось. Саня негодовал на чиновников, затеявших с ним такую жестокую и бесталанную игру: «Ну, предложите мне достойный выход! Я уже готов. Нет, идиоты — они и есть идиоты. Ничего путного не умеют делать!»

Кроме нервного возбуждения еще одно обстоятельство придавало Сане сил, позволяло не терять надежду на то, что сможет еще перетерпеть, переупрямить, выиграть: он видел, что и противная сторона достаточно измотана затяжным процессом. Судья, разбиравшая Санино дело, от заседания к заседанию становилась все беспокойнее, желчнее. Ей пора было выносить постановление, а ушлые москвичи цепля-

лись к каждой формулировке, козыряли своей начитанностью, опытом. Это задевало самолюбие не в меньшей степени, чем необходимость выполнять заказ губернатора. А куда денешься?! Хотелось скорее скинуть с себя удавку ответственности, переложить решение на суд вышестоящей инстанции, и пусть там разбираются, если захотят. Пусть даже сделают ей выговор за некачественное ведение процесса, но только возьмут на себя бремя окончательного приговора. И судья, не выверив досконально свою позицию, поспешила назначить заседание, на котором мучительная для всех тягомотина должна была, наконец, прекратиться.

Здание суда располагалось неподалеку от того дома, из-за которого разгорелся весь сыр-бор. Подходя к дворцу правосудия, Саня и его присные с язвительными улыбочками отметили: за время, прошедшее после начала слушания, образец сталинского ампира был покрашен ядовитой зеленой краской, лепнина ярко белела, крыша щеголяла новым шифером, а на одном из крошечных декоративных балкончиков появилась спутниковая «тарелка». Рядом с ней красовался написанный от руки плакат: «Спасибо за уют!» «Подготовились, гады!» — отметил про себя Саня.

Этот судный день был особенно утомителен монотонностью. Все так же дудел в свою дуду прокурор, все так же Санины адвокаты изошрялись в правовой казуистике и красноречии, все так же упорствовала судья в неприятии очевидных обстоятельств. Перспектива благоприятного для Сани исхода становилась все более и более сомнительной, и журналист с бессильной злобой осознавал, что, очевидно, стал битой картой в игре, изначально сулившей соблазнительный куш.

Ближе к вечеру был объявлен перерыв. Саня вышел на облицованное гранитом крыльцо. Сигаретный дым показался горек, как вкус поражения. Раздражал запах свежей краски, которой был покрыт фасад злополучного дома напротив. Напоминала флаг чужой страны, трепетал на ветру лист ватмана с надписью «Спасибо за уют!» Рядом с Саней защелкала зажигалка, прошел мимо, кивнув из-за дымовой завесы, Зеленко — один из сотрудников администрации, знакомый Сане еще по прежним редакционным заданиям. Геннадий Степанович иногда помогал начинающему корреспонденту, порой «сливал» интересную информацию, от чего-то предостерегал, что-то советовал. Саня считал Геннадия Степановича одним из немногих толковых людей в бюрократической среде: и человеческие качества тот не до конца растерял, да и продиктованное опытом взвешенное отношение к жизни вызывало симпатию. Чиновник и газетчик постепенно перешли на «ты» (хотя администратор был значительно старше), почти подружились. Но после прерванного на несколько месяцев общения, после начала суда Зеленко делал вид, что не знаком с молодым человеком. Поэтому появление его рядом Саня расценил как знак того, что Геннадию Степановичу, видимо, поручено донести до опального журналиста что-нибудь важное. Тогда Саня сам пошел на контакт, обронив между затылками как бы нехотя:

— Что скажешь, Степаныч?

— Да что говорить... Ты сам не маленький, понимаешь, что творишь, — без какой бы то ни было заинтересованности отозвался Зеленко. — Брось ты это дело. Ничего у тебя не получится. Московские тебя кинут, а наши не отстанут. Будешь штраф выплачивать — никто не поможет. Пока еще можно договориться. Отойди в сторону, найди в Москве другую работу, да и все.

Степаныч говорил тихо, как бы сам с собой, глядя в пространство, но налетевший порыв ветра отнес струйку табачного дыма прямо в лицо, отчего Зеленко прищурился, отвернулся в сторону и тут перехватил потерянный взгляд прежнего знакомого. Грустная и чуть сочувствующая усмешка промелькнула на лице старого аппарата.

— Ты что... ждешь каких-то конкретных предложений? — обратился он к Са-

не.— Брось! Просто сдавайся и беги. Никто с тобой церемониться не будет. Ты тут на фиг никому не нужен. Сам о себе думай. И учти, меня никто ни на что не уполномочивал.

— Врешь ты, врешь, Степаныч! — Саня разгневался вдруг и всерьез.— Не зря ты около меня трешься. У вас без расчета ничего не делается. Только я тебя слушать не стану. И передай тем, кто тебя подослал, что я их не боюсь.

— И давно ты таким смелым и принципиальным стал? Мне-то не втирай! Не знаю я тебя, что ли? В нашем городе все спят под одним одеялом, так что подноготная твоя известна.

— Ты же неглупый мужик, Степаныч! Очнись же ты! Вам всем пора очнуться. Оглянись вокруг! Ведь эти ваши свежевыкрашенные дома скоро падать начнут! Люди же погибнут! А вы все набиваете, набиваете карманы, все наживаетесь за счет этих несчастных. Совесть-то должна же проснуться когда-нибудь! Да добро бы вы обогатились чрезмерно, а то всего вашего воровства хватает на шпильки женам да на лифчики любовницам. Мало того, что народ не цените, так и себя ни в грош не ставите. Ведь это стыдно, стыдно!

Праведный гнев душил Саню, он был настолько пассионарен, произнося свою филиппику, что пафос его действовал даже на такого чиновного зубра, как Зеленко: тот стал как-то затравленно оглядываться по сторонам. А Саня продолжал наседать:

— Вот посмотри на эти дома, посмотри! Люди в них не живут, а мучаются на жалких квадратных метрах, а скоро эти дома для них могилой станут. Это же понимать надо! Ведь разваливается все на глазах. Это же надо сейчас предотвратить, сейчас, пока не поздно!

В запале обвинительной речи Саня размашисто жестикулировал, указывая на окружающие постройки. И тут по мановению его руки одно из зданий — не тот дом, в котором чуть было не пострадала внучка Багдасаряна, а возведенный в брежневскую эпоху серый двухэтажный чертог, стоявший чуть ближе,— стало с гулом рассыпаться. Саня обернулся на шум и увидел на ладони своей растопыренной пятерни, патетически указывавшей на ветхий квартал, разрушавшуюся панельную коробку. Ужасающая фантазмагория продолжалась секунду, не более, но то была самая длинная секунда в жизни Сани.

Давшее осадку строение имело сложную судьбу. Изначально в нем располагался детский сад. В девяностые, когда всем стало наплевать и на детей, и на сады, здесь разместили сотрудников отдела образования Советского района города. Потом показалось кому-то, что слишком много места для мелких клерков — не по статусу. И «подселили» к ним детскую спортивную школу, благо на первом этаже сохранились помещения, в которых можно было заниматься с малышами. Одно из таких помещений открылось взору Сани за панелью, отвалившейся так же легко, как стенка карточного домика.

Мальчики и девочки в белых маечках и черных трусиках, поставивши руки на пояс, двигались по кругу. Дети с удивлением глядели на открывшийся вдруг их взорам городской пейзаж, но не останавливались, доверчиво полагая, что так надо. Не успел разобраться, что происходит, и тренер, командовавший: «Раз... раз! Смотрите на Настю! Молодец!» С этими словами юноша с крепким торсом повернулся, и остолбенел, встретившись взглядом с Саней. Спортсмен глубоко вдохнул, чтобы отдать новую команду, но в этот момент рухнула оставшаяся часть стены, скрыв всю промелькнувшую картину за клубами строительной пыли.

Все это вершилось так замедленно, так по-киношному, что Саня в пылу спора с Зеленко не сразу осознал, чему стал свидетелем. В нем по-прежнему кипело возмущение, он подыскивал аргументы, чтобы втолковать Геннадию Степановичу свою

позицию, сердился на себя за то, что не сразу находил нужные слова. Разрушавшееся здание воспринималось лишь удачной иллюстрацией к высказанным обвинениям, и молодой человек как-то даже вдохновился происходящим — это подтверждало его правоту. Он возвысил голос и с торжественной убедительностью провозгласил:

— Вот видишь! Видишь! Надо всего этого избежать сейчас, пока страшного еще не случилось!

И только произнеся эту реплику, Саня осмыслил, что все как раз случилось, случилось нечто настолько страшное, что и думать об этом не хотелось. До конца еще не веря в реальность чудовищного события, произошедшего у него на глазах, журналист замолчал и требовательно смотрел на Зеленко, как бы ожидая от него разубеждения, но опрокинувшееся лицо чиновника лишь удостоверяло, что творящийся кошмар не наваждение и не дурной сон. Степаныч побелел, поперхнулся сигаретным дымом, отшвырнул окуроч, как бы стараясь этим жестом оттолкнуть от себя пугающее зрелище, и с выпученными глазами и трясущейся челюстью бросился бежать. Какое-то время Саня тупо смотрел туда, где только что стоял его собеседник. Потом, боясь бросить взгляд на место катастрофы, зафиксировав голову до такой степени неподвижно, что свело мышцы шеи, повернувшись всем корпусом, механически переставляя ноги, вошел в вестибюль здания суда. Передвигаясь словно робот, Саня направился к сидевшим за стеклянной перегородкой людям из своей московской компании. Те, уставившись на мерцавшую «плазму», не заметили его приближения, а предельный режим громкости мешал им услышать грохот обвала. Правозащитники и журналисты с азартом обсуждали новостной сюжет местного телевидения, в котором привычно восхваляли губернатора, приписав ему заслуги совсем другого человека. Один из адвокатов, позади которого остановился Саня, оглянулся и подмигнул ему в полной уверенности, что отсутствующее выражение лица клиента является реакцией на увиденное по «ящику».

— Знаешь уже? Лихо, да? — самодовольно улыбаясь, проговорил юрист. — Ну, ничего, мы их уделаем! Вот увидишь: уде-е-лаем!

— Там... — проговорил Саня, неопределенно и робко разводя руками. — Там...

Он больше не в силах был произнести ничего. «Там... — твердил он, — там... там...» Он повторял это бесчисленное количество раз. Поднялись со своих мест и подошли к Сане его компаньоны, тормозили парня, пытаясь разобраться, в чем дело. Кто-то ворвался в вестибюль с улицы и страшно кричал, призывая на помощь. Все, кто здесь находился, включая дежурного милиционера, бросились вон, и Саня остался один. Он, не мигая, глядел на телевизионный экран, с которого что-то вещал губернатор, и повторял лишь одно: «Там... там... там...»



ПУБЛИЦИСТИКА

Александр Степанов
(г. Москва)

СОВЕТСКИЕ ВОИНЫ ВЫПОЛНИЛИ В АФГАНИСТАНЕ ПОСТАВЛЕННЫЕ БОЕВЫЕ ЗАДАЧИ С ДОСТОИНСТВОМ И ЧЕСТЬЮ



Кандидат исторических наук, член Союза журналистов России, полковник запаса.



Вместо предисловия

Уже остается меньше года до знаменательного события — 25-летия со дня вывода советских войск из Афганистана. Почти четверть века минуло с той поры, а раны у ветеранов еще болят. Но болят не только раны. Боль той войны по-прежнему в сердцах и душах ветеранов. История «необъявленной» войны еще долго будет пополняться все новыми и новыми страницами. Существует множество противоречивых оценок той кампании, длившейся 3341 день. Продолжаются споры о том, что надо ли было вводить войска или нет. Однако бесспорно одно — советские воины выполнили в Афганистане поставленные боевые задачи с достоинством и честью.

Об этом интервью председателя Совета Общероссийской общественной организации ветеранов Вооруженных Сил Российской Федерации генерала армии Виктора Ермакова.

Визитная карточка

Генерал армии Виктор Федорович Ермаков родился 9 сентября 1935 г. в Днепрпетровске в семье военнослужащего.

В Вооруженных Силах — с 1953 года. Окончил Киевское Краснознаменное объединенное училище самоходной артиллерии (1956 г.), Военную Академию им. М.В. Фрунзе (1973 г.), Военную Академию Генерального штаба им. К. Е. Ворошилова (1978).

Офицерскую службу начал в 1956 г. Был командиром танкового взвода, роты, батальона, полка, командовал 15 гвардейской танковой дивизией, танковым корпусом, 14 гвардейской общевойсковой армией.

С 1982 по 1984 гг. служил в Афганистане. Командовал 40 армией.

После Афганистана был первым заместителем командующего войсками Краснознаменного Туркестанского военного округа, командующим Центральной группой войск в Чехословакии, командующим войсками ордена Ленина Ленинградского военного округа, заместителем министра обороны СССР — начальником Главного управления кадров.

Избирался депутатом Верховного Совета Украинской ССР в 1984—1988 гг. и Верховного Совета России в 1990—1993 гг.

Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, Почета, а также многими иностранными орденами и медалями.

В 2006 году избран первым заместителем Председателя Российского комитета ветеранов войны и военной службы.

Виктор Федорович Ермаков — генеральный инспектор МО РФ, первый заместитель Председателя Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане и военной травмы «Инвалиды войны», председатель Совета Общероссийской общественной организации ветеранов Вооруженных Сил Российской Федерации.

За время военной службы награжден орденами: Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, а также многими медалями. Удостоен правительственных наград ряда иностранных государств.

— Виктор Федорович, после возвращения в Союз из Афганистана наших войск, все чаще и чаще стали звучать обличительные речи по поводу той войны. Недавно на встрече с представителями СМИ Вы сказали, что Саурская революция — это было дело афганцев, а наша задача была — защищать интересы собственной страны. Сейчас в Афганистане воюют войска целой коалиции. И самое интересное, что они практически не контролируют территорию страны. А наши войска проводили боевые операции во всех провинциях. И успешно проводили их. Выходит, НАТО и их союзники не справляются со своей задачей?

— Да, мы очень много слышали заявлений о том, что афганскую войну, дескать, проиграли. Об этом безапелляционно судят безусые юнцы и умудренные опытом политики, своими мифическими победами над нами хвастаются моджахеда. Один из них даже гордо заявил, что воевал с Советской Армией 15 лет. Помню, услышал я это в воскресной аналитической программе на телеканале РТР 28 октября 2002 года в репортаже из Пакистана. Спутал что-то бывший душман. Хотя оно и понятно — мы, наверное, в свое время ему совсем память отшибли. Девять лет — это не пятнадцать. Это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Американцы — те, совершенно верно, Вьетнам проиграли. Задачи, считаю, и у них, и у нас были одинаковые. Марионеточное правительство, поддерживаемое американцами, сразу же рухнуло, как только они ушли из страны. А советские войска принесли в Афганистан определенную стабильность. Если бы мы продолжали помогать Наджибулле еще лет десять, эта стабильность могла бы упрочиться. Вспомните, режим Наджибуллы, лояльный к России, держался еще несколько лет, пока мы от него не отказались. А если бы наша страна поддерживала материально и политически Наджибуллу, то еще неизвестно, как развивались бы события.

Если говорить о Вьетнаме и Афганистане, а сейчас впору уже говорить и об Ираке, и уже об «американском Афганистане», то можно провести сравнительный анализ

потерь, а также привлекавшихся сил и средств. У нас их было меньше, но действовали мы эффективнее. И ушли советские солдаты из Афганистана с гордо поднятой головой, со своей техникой и Боевыми Знаменами. А американцев просто-напросто изгнали из Вьетнама. Уйдут они и из Афганистана. Восток, конечно, нельзя купить за деньги, его купить можно за очень большие деньги. Но таких денег, наверное, нет и в самих США.

Временные рамки присутствия наших войск в Афганистане и американцев во Вьетнаме примерно одинаковы. Но у советских войск потери были значительно ниже. Называют цифру в 15000. Это не совсем верно. Истинных потерь было 14 тысяч 680 человек за 3341 день «афганской эпопеи». Дело в том, что в называемую цифру в 15 тысяч вошли и те, которые не находились в составе 40-й армии. Это были прикомандированные советники, те, кто работал в других силовых структурах. А ведь во Вьетнаме погибло более 57000 американцев. У нас раненых было около 60 тысяч, а у американцев — 300 тысяч. Так что нельзя сравнить несравнимое.

— *Недавно на встрече с журналистами Вы очень интересно рассказывали, как Вас назначали в Афганистан, как Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Дмитрий Федорович Устинов буквально по-отечески напутствовал Вас — «езжай, сынок, и докладывай мне лично каждый месяц 9-го числа»...*

— Я был третьим по счету командующим. Вводил в Афганистан 40-ю армию генерал-лейтенант Юрий Владимирович Тухаринов, он был первым заместителем командующего войсками Туркестанского военного округа. Поэтому его и назначили командующим армией. А первым заместителем у него был впоследствии генерал-лейтенант Борис Иванович Ткач. Самыми добрыми словами я вспоминаю его. К сожалению, Бориса Ивановича уже нет в живых. Я его менял в Афганистане, мы, кстати, вместе с ним учились и в Академии Генерального штаба, а до Афганистана я командовал 14-й армией в Кишиневе. Меня вызвали на коллегию Министерства обороны, где было предложено принять 40-ю армию. Я ответил, что у меня никаких вопросов нет, так как я привык выполнять все приказы, которые мне отдаются, и готов немедленно лететь в Кабул и принимать армию.

Что я тогда знал об Афганистане? Я знал о штурме дворца Амина, об этой знаменитой операции «Шторм-333», о боевых действиях наших войск на территории ДРА, о героях той необъявленной войны. А теперь мне предстояло стать самому ее участником. И я отданный мне приказ выполнил до конца — около двух с половиной лет командовал воюющей 40-й армией...

— *Принято считать, что война в Афганистане началась 27 декабря 1979 года, однако, как теперь стало известно, например, 103-ю воздушно-десантную дивизию подняли по тревоге поздно вечером 10 декабря. А до этого, 9 декабря, в воскресенье, молодые солдаты принимали военную присягу. Через несколько дней дивизия прибыла на аэродромы, и первый эшелон приземлился в Кабуле 25 декабря, последний — 27-го. А вечером начались воинские операции по захвату объектов.*

— Теперь уже известно, что решение о вводе ограниченного контингента Советских войск в республику Афганистан принято 12 декабря 1979 года на специальном заседании Политбюро ЦК КПСС. По сути, именно эта дата, по крайней мере, формально является началом того самого 9-летнего процесса, который мы в обиходе называем Афганской войной. Решение же Политбюро ЦК КПСС состоялось уже после двадцатой, по-моему, по счету просьбы Амина. Ввод войск все время откладывали, мнения были разные. Но тогда Амин заявил, что если не войдете вы — я буду приглашать американцев... Ну, вы знаете, «мягкое подбрюшье» Советского Союза — Афганистан, и те ракеты, которые должны были там разместить... «Першинг 2» имел дальность полета порядка 2500 километров. Надо сказать еще, что решение о вводе

войск неоднозначно встретили даже в Министерстве обороны СССР. Против него был и начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР Маршал Советского Союза Николай Васильевич Огарков. Но служебный долг есть служебный долг, приказ есть приказ... И мы все его выполняли. С достоинством и честью.

Вы упомянули 103-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию, мне довелось позже служить с ее бывшим командиром генерал-майором Иваном Федоровичем Рябченко. Прекрасным был человеком и офицером. Настоящий боевой генерал. К сожалению, ныне покойный. Десантники воевали прекрасно. Но и мы в свою очередь готовили их очень серьезно и тщательно. Потому и потерь было мало. Перед высадкой тактических воздушных десантов мы вели разведку, старались высаживать в те районы, где уже хоть один раз бывали. Чаще всего с помощью десантов мы стремились перехватить на путях отхода подразделения моджахедов, чтобы не выпустить их из задуманных нами ловушек. Кроме того, мы много выбрасывали войсковых десантов, которые захватывали господствующие высоты, перекрывали караванные пути, изолировали районы боевых действий.

У меня в Афганистане сложились, например, очень хорошие отношения с будущим Министром обороны РФ Героем Советского Союза генералом армии Павлом Сергеевичем Грачевым. Он в то время был командиром 345-го парашютно-десантного полка, а потом стал заместителем командира 103-й воздушно-десантной дивизии. Замечательные офицеры служили в этом соединении. Я очень любил и уважал командира 103-й воздушно-десантной дивизии в последующем Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Альберта Евдокимовича Слюсаря. Кстати, порой происходили просто комические случаи. И вспомнить их без улыбки нельзя. Чисто по-человечески... Когда Слюсарю присвоили воинское звание генерал-майора, я ему отдал свою форму. Но во время обстрела эта форма сгорела, и я вынужден был его отправить в Ташкент, чтобы там срочно пошили новую. Очень часто прилетал в Афганистан и командующий воздушно-десантными войсками генерал армии Дмитрий Семенович Сухоруков...

— Говорят, у хорошего командира не бывает плохих подчиненных. Но Вы рассказывали, что Вам приходилось отстранять от исполнения должностных обязанностей некоторых офицеров. Позже они себя проявили очень хорошо. Вы называли даже фамилии этих командиров. Кого-то уже нет в живых. Поэтому не будем всуе вспоминать их имена. Тем более, потом они проявили и личный героизм, и умение воевать практически без потерь. Значит, урок пошел впрок?

— Всякое бывало. Я помню, одна из частей начала выдвигаться в район боевых действий и попала в засаду. В один день погибли двадцать два человека. Из-за этого командир полка был снят, а непосредственно виновные отданы под суд. У командира, между прочим, имелось все - артиллерия, авиация, в огневых средствах, в боеприпасах не было недостатка. Причина такой неудачи — элементарная халатность и шапкозакидательство. Как видите, потери в двадцать два человека для нас были колоссальным ударом. В Афганистане действовало непреложное правило: лучше на сутки дольше стрелять, но сохранить жизни людей, нежели начать раньше, но с потерями.

Так что вы правильно вспомнили мои слова. И, совершенно верно, некоторые офицеры, которых я отстранял от должностей, потом проявили себя с самой лучшей стороны. А вообще мне, как командующему армией, просто везло на замечательных офицеров, таких как командир батальона Герой Советского Союза Руслан Аушев и командир 181 мотострелкового полка Герой Советского Союза Евгений Высоцкий. При мне 5-й дивизией командовал Борис Всеволодович Громов, а 108-й дивизией — Валерий Иванович Миронов, которые впоследствии стали видными военачальниками. Хотел бы вспомнить еще об Александре Петровиче Солуянове — командире па-

рашютно-десантного батальона 350-го гвардейского ПДП 103-й гвардейской ВДД, впоследствии Герое Советского Союза, генерал-майоре. В Афганистане они зарекомендовали себя с самой лучшей стороны. Они умели отлично воевать и всегда берегли людей.

— **Виктор Федорович, бытует мнение, что в Афганистане мы воевали чуть ли не с забитыми крестьянами, которые с трудом умели обращаться с оружием...**

— Это не так. В Афганистане, как на любой войне, редкий бой шел по ранее утвержденному плану. Я не помню неудачных операций как таковых, но хорошо помню отдельные срывы. В Афганистане важно было все максимально продумать и предусмотреть. Если ты допустил просчет, им сразу и обязательно воспользуется противник. Он ведь тоже все просчитывал. Нам противостояли не крестьяне, а умный и коварный враг. Тот командир, который считал, что душман дурак, на этом, как правило, и горел. Афганцы хорошо делали очень многое: мастерски организовывали засады, строили многоярусную систему огня в горах. Постоянно меняли тактику действий, вносили в нее что-то новое, необычное. Изобретательность их вожakov была удивительна. Моджахеды оборудовали такие огневые точки, что даже бомбы объемного взрыва иногда не помогали. Ну, а сбои бывали. Когда мы брали Панджшерское ущелье, причем, уже по третьему разу, одним из старших начальников было приказано срочно броситься вдогонку за отрядами Ахмад Шаха Масуда. Но господствующие высоты предварительно не заняли, разведку, как следует, не провели и наткнулись на шквальный огонь, понесли неоправданные потери. Остановились, отошли. Затем обработали артиллерией и авиацией позиции моджахедов и только после этого разгромили противника. Бой вновь, дорогою ценою солдатских и офицерских жизней, доказал, что поспешность и недооценка неприятеля на войне недопустимы и губительны.

— **Советские войска порой обвиняли в том, что они, дескать, оставили афганской армии оружие и боевую технику, которыми потом воспользовались талибы...**

— Это чушь. Такие утверждения не имеют под собой никакой реальной основы. Начну с того, что советский ограниченный контингент был оснащен современным по тогдашним меркам оружием. Правительственные войска Афганистана также имели советское оружие, но, как правило, на ступень ниже. Если, допустим, у нас были танки Т-62, то у афганцев Т-55. Когда 40-я армия уходила из Афганистана, она вышла в полном составе, со своим штатным вооружением и имуществом. И то вооружение и военная техника, которые потом оказались у талибов, перешли к ним от афганских правительственных войск. Это было легко заметить даже по телерепортажам. Таким образом, 40-я ничего душманам «не подарила», и обвинять нас в этом совершенно неправомерно. Мы оставили только подготовленные и оборудованные жилые городки и административно-хозяйственные здания, которые по большей части были разграблены в первые же дни после подписания актов об их передаче. Мы забрали и свои склады, которые были в основном в Пули-Хумри и Термезе.

— **Виктор Федорович, что бы Вы хотели пожелать всем участникам той войны?**

— Наверное, прежде всего,— здоровья. Ведь все участники войны в Афганистане — далеко не юноши. Пережитое, раны у многих, контузии дают о себе знать. Уходят люди, уходят... Вот мы вспоминали многих участников войны и все оговаривались: «ныне покойный»... Это очень больно. Так что здоровья — в первую очередь. А еще — крепить наше боевое братство, не забывать друг о друге, помогать друг другу. Помнить об ушедших, об их семьях. И еще — жить в ладу со своей совестью, свято беречь свою честь ветеранов боевых действий. Ведь мы все выполнили поставленные перед нами задачи.

ПЕРСОНАЛИИ ТУЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

У ЭТИХ КНИГ ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ (55 лет на литературном посту)

«Надо ли читать книги? Надо! Если хочешь стать умным (умной) и жить интересной полной жизнью — надо читать художественную литературу. Зачем? Книга развивает воображение, умение мыслить, чувствовать. Читатель скользит взглядом по строчкам, а мысленным взором видит героев книги, слышит их голоса, чувствует их радость или горе или иные чувства... И тем самым как бы подготавливает к большой жизни себя, воспитывая в душе и сегодняшние, и будущие чувства, которые делают жизнь духовно богатой и счастливой».

Эти слова принадлежат знаменитой тульской писательнице — нашему, я не побоюсь этого слова — классику Наталии Деомидовне Парыгиной. Любой уважающий себя житель тульского края, интересующийся его культурой, читал книги Парыгиной. Но даже если не читал — в магазинах эти произведения найти стало сложнее, а переиздавать проблематично, то, по крайней мере, непременно слышал это имя. Оно уже свыше полувека у всех на слуху.

В ноябре 2012 года в венеvской детской библиотеке открылась постоянно действующая экспозиция, посвященная творчеству Наталии Парыгиной. Инициаторами этого доброго дела стали заведующая областной детской библиотекой Надежда Александровна Зуева и заведующая сектором краеведения этой же библиотеки Татьяна Сергеевна Митина.



Связались с Наталией Деомидовной, чем порадовали писательницу: если организовываются выставки, значит, книги востребованы, получается, что в этом есть необходимость, произведения автора пользуются читательским спросом. Это ли не главное достижение — мечта любого писателя — видеть, что труд его жизни не напрасен, а актуален и по сей день.

Наталья Деомидовна приняла самое активное участие в подготовке экспозиции, написала пожелания юным читателям, поделилась мыслями о современной молодежи, рассказала о любимых ею с детства писателях, продемонстрировала свои первые книги. Идею о постоянной выставке реализовала заведующая веневской детской библиотекой Татьяна Константиновна Орлова. Подготовили место экспозиции: два стенда и пара столов, начали собирать книги писательницы.

Как выяснилось, на сегодняшний день у Наталии Деомидовны тридцать пять изданных книг, не считая многочисленных публикаций в коллективных сборниках, альманахах, журналах и газетах. Некоторыми изданиями поделилась областная детская библиотека; специально для выставки ряд изданий подарила писательница из своих архивов — с автографами, в которых ни разу не повторилась. Вот, что значит творческий профессионал! А самая первая книга «Записки педагога», вышедшая шестьдесят лет назад в Кемерово, оказалась в единственном экземпляре лишь у автора. Пришлось отсканировать.



Наталья Деомидовна — семейный писатель, много пишет о сложной судьбе людей, о любви, о труде врачей, о нелегкой жизни женщин, о подростках и о воспитании молодежи. Все это интересно старшему поколению, среднему и совсем молодым. Несколько книг Парыгиной, в том числе роман «Сын», затрагивают актуальную на сегодняшний день тему наркомании. Как молодые люди попадают в сети, из которых почти невозможно выпутаться. Роман «Любой ценой» — социальное произведение, отражающее нашу действительность, о реальных и мнимых ценностях, что выбрать: — богатства или нравственные принципы? Каждый решает для себя сам. Книга «Здоровье вашего малыша и школьника» интересна и молодым родителям, у которых только что появился ребенок, и тем семейным парам, кто только еще в ожидании этого радостного события.

Хотя Наталия Деомидовна не является коренным жителем нашего города, но с середины пятидесятих годов живет в Туле. Большая часть ее жизни и творческая деятельность протекает в наших краях, это наша тульская писательница. Ее книги выходили большими тиражами во многих городах Советского Союза, в том числе и в издательствах Москвы.

С детства маленькая Наталия привыкла к переездам. Вместе с родителями часто меняла место жительства и почти каждый учебный год начинался в новой школе: Читинская область, Бийск, Томск, Якутия, Сочи... все это представлено в разделе «Родные сердцу места», где карта страны, на которой помечены те самые места, где проживала будущая писательница, или где побывала уже писателем, встречаясь с читателями ее произведений.



Начинается выставка с фотографий семьи писательницы: отца, матери, сестры, дочери и внуки. Благодаря родителям, Наталия Деомидовна, переезжая с места на место, знакомилась с новыми людьми, набиралась опыта, впитывала знания, получала эмоциональный заряд, накапливала впечатления, которые в будущем ей пригодились, как писателю.

В экспозиции имеются другие разделы, где перечислены все книги и публикации автора, представлен список наград; приведены выдержки из писем друзей, однокурсников, поздравления, написанное тульскими писателями о Парыгиной.

Поскольку выставка открыта в детской библиотеке, то читателям интересно будет узнать: любимой книгой в детстве являлась «Каштанка» Чехова, любимым писателем — Горький, поэтом — Некрасов.

Часто писательница ездила в рабочие и творческие командировки от журнала «Крестьянка», где печатала очерки и рассказы, встречалась с интересными людьми, с настоящими тружениками. Побывала в Азербайджане, Казахстане, Узбекистане, Белоруссии, Башкирии... Эти материалы представлены в экспозиции.

В ноябре прошлого года Н. А. Зуева собрала заведующих детскими библиотеками со всей области и на примере Венева показала и рассказала, как можно и нужно — тем более что есть спрос — создавать такие постоянно действующие выставки в других районах, ведь тульская земля богата талантливыми писателями и поэтами. Экспозиция — это как маленький музей — будет пополняться и расширяться.

Открывала выставку начальник отдела по культуре венековского района Наталья Викторовна Ермакова, сказавшая много добрых слов в адрес Наталии Деомидовны. Ведь в районной администрации есть люди, что не только слышали, но и росли на книгах Парыгиной. Надо сказать, что получился настоящий праздник. Этому подтверждением были те несколько книг, которые принесли люди старшего и среднего поколений, а одна женщина с гордостью показывала знаменитую «Вдову» с надписью автора лично для нее. Это ли не признание благодарных читателей?

Жаль, что сама Наталия Деомидовна не смогла присутствовать на открытии экспозиции, а то бы она увидела радостные глаза людей, для которых и были написаны эти романы, повести, рассказы. Люди помнят ее, книги востребованы, их сохраняют, дают читать детям и внукам.

Как сказала Т. С. Митина — это не окончательный вариант маленького музея, экспозиция будет постоянно расширяться.



С открытия экспозиции появилась специальная книга, куда записываются отзывы; посетители же предложили помещать в нее отзывы о книгах, воспоминания о теплых, душевных встречах с автором. В помещении детской библиотеки решено проводить выездные семинары для библиотекарей, а так же встречать коллег из соседних областей.

Этот год для Н. Д. Парыгиной является юбилейным. В 1958 году она была принята в Союз писателей СССР, а значит, с тех пор прошло 55 лет.

От всей души поздравляем Наталью Деомидовну с этими знаменательными событиями. Желаем ей здоровья, бодрости, хорошего настроения и вдохновения для творчества.

«Для писателя книги, как дети,— делится своими мыслями Парыгина,— и хочешь ко всем относиться одинаково, но — нет, есть просто книги, а есть любимые. Если б спросили, каким книгам хочу долгой жизни, назвала бы: «Неисправимые», «Вдова», «Мы с братом», «Судьба врача», «Тульские встречи»... Пусть так и будет! Пусть мечта нашей знаменитой землячки сбудется.

Ее произведения высоконравственны, заставляют думать, мыслить. Они несут свет, тепло и надежду. У таких книг должна быть долгая жизнь.



Сергей Крестьянкин,
член Союза писателей России,
член Союза журналистов СССР и России

МУДРОЕ ВРЕМЯ ТВОРИТЬ (к 70-летию Александра Хадарцева)

Из двух величайших книг XX столетия, посвященных личностно-творческому пути человека, — «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсия Маркеса и «Игра в бисер» Германа Гесса, возьмем эпизод из второй: рассуждения Магистра Игры Йозефа Кнехта о творческой периодичности, синхронной с общей цикличностью индивидуального развития и пути человека в жизни: *«Моя жизнь ... должна стать преступанием пределов, непрерывным восхождением с низшей ступени на высшую, я должен преодолевать и оставлять за собой одно пространство за другим, как музыка раскрывает, проигрывает и завершает одну тему за другой, один темп за другим, не утомляясь, не смыкая глаз, всегда бодрствуя, всегда начеку. Благодаря моим «пробуждениям» я наблюдал, что такие ступени и пространства действительно существуют и что в конце определенного отрезка жизни каждый раз появляется оттенок увядания, желания смерти, но потом все меняется, приходишь к новому пробуждению, новому началу»*.

Это и есть суть Кнехтовой *transcendere* — постоянного преступания пределов в творчестве. И почти в унисон мудрому немецкому писателю говорит наш поэт:

*Все ждал, когда шепнет эпоха,
которую в борьбе задел:
«Да, поработал ты неплохо
для мастера витражных дел».*

*Нет, я с борьбой не завязал.
Расслабившись, для новой схватки
готов борец. Его лопатки
никто к коврику не прикасал.*

...Наверное, автору этого очерка — именно краткого очерка, но никак не беллетризованной биографии — наиболее просто, но одновременно и сложно писать о творческом пути юбиляра, а путь этот суть переступание служению сразу двум музам: литературе и науке. Последнее еще и с подтекстом организатора научно-образовательного процесса. И все это выходя за узкие, местечково-тульские рамки; того требует широта натуры, творческий потенциал и упомянутая в преамбуле *transcendere*.

Итак, писать просто — по определенному сходству натур и «сослуживцу» по ведомству двух муз: Каллиопе и Урании. А сложно? — Наверное, довлеет стереотип пословицы: близкое лучше видится на расстоянии. Мы же с Александром Агубевичем два десятка лет де-юре и де-факто связаны по научной работе и литературной деятельности. Впрочем, не боги горшки обжигают ...

*Была и кепка-восьмиклинка,
и ватник серый, словно мир,
за голенищем ждалась финка,
в кармане — верный друг «Памир».*
*Спешили мы на мотобазу,
потом на танцы в МТС,
сжигая свой бараний вес,
влюбляясь по второму разу
(в пятнадцать лет!). Был воздух свеж...*

Это о собственном детстве. Таким оно было у всех родившихся в войну или сразу после нее. Вряд ли младенческая память сохранила особые воспоминания о тамбовской деревне Дмитриевке, но дальше — также обычная жизнь «на колесах» в семье военного, боевого офицера: Сахалин с его гарнизонами, Рига, Борисоглебск и уже гражданская — в Беслане и Орджоникидзе — Владикавказе. Здесь-то память цепко держит все увиденное и услышанное, а созревающему литератору, поэту все пойдет впрок, всяко лыко в строку. И сахалинское житье-бытье, и как в Риге семья квартировалась в доме, где проживал (не в загородном особняке!) выдающийся латышский, советский писатель, автор знаменитого «Пятиэтажного города» Виллис Лацис — бессменный председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР — понынешнему президент.

Много что увидел, многое узнал и отложил в памяти.

Наш поэт и ученый вырос и сформировался в советской стране; его жизненный путь до середины пятого десятка лет — это полная иллюстрация бытия того славного времени, когда все успехи человека, его самодостаточность и самоорганизация зависели исключительно от его устремлений, таланта и воли. Не надо было сожалеть, что «родился не в той семье» и что то же медицинское образование получил в периферийном институте, а не экономическое в Гарвардской Высшей школе бизнеса....

Все зависело только от себя самого. Советская жизнь была далека от прокрустова ложа, но и расслабляющей периной не казалась: от каждого по способностям, каждому по труду. Там на практике реализовывался Кодекс строителя коммунизма — переписанные современным языком Заповеди с каменной скрижали, что были вручены на горе Синай пророку Моисею (*Исх., гл. 19, ст. 25*).

А народ проще изъяснялся: как потопашь, так и полопашь. Работа по распределению в Тульской глубинке, в Чернской больнице, служба в армии уже семейным человеком в должности «солдата-врача» — гениальное изобретение советских военкоматов: офицерского-то жалования платить не надо! Но все это добро, с юмором вспоминает Александр Хадарцев в своей автобиографической прозе.

Но вот закончились жизненные:

*Вокзалы — наши микрогорода.
Сложны, своеобразны их законы.
Но безотчетно тянет нас сюда:
в транзитные прокисшие вагоны.*

Далее становление как врача высокой квалификации, преступление следующих пределов — работа в Тульской областной больнице, заведование отделением, уверенное втягивание в медицинскую науку, сначала по своей пульмонологической специальности, а далее ее системный охват. И параллельно с этим, но ближе ко второй русской смуте XX века заявляет о себе муза поэзии:

*Ученых званий мишура
и поздно звякнувшая лира —
лишь фиговый листок добра,
а не «творение кумира».*

Но прав ли автор? — Поздно ли? Да, если брать на веру слова «горлопанов — главарей», то, может быть, и поздно. Так же кумир 60-х годов Евтушенко скандировал в зале Политехнического музея:

*...До тридцати поэтом быть почетно,
Но срам кромешний после тридцати!*

Но где Евгений сейчас, спустя полвека? Да там же, почитай что и сейчас — поэмы сочиняет... все дело-то в том, что поэзия со времен античности подразделяется на искрометную — прерогативу молодых лет и тяготеющую к творческой философии, для которой «мои года — мое богатство».

*Вся наша жизнь — находки и потери,
двойная суть любого бытия.
Ненайденная дверь — дорожке двери,
Ведущей в истин жалкие края.
Вот этих строк прямое назначение:
напомнить дней ушедших аромат,
в которых был онегинский уклад,
основой ставших наших увлечений.*

...В веке минувшем, захватившем и начало нынешнего, ни одному поколению не удалось прожить (и сейчас жить) без потрясений такого накала и последствий, что поневоле самый «воинствующий» атеист начинает задумываться о каре Небесной. Непонятно за что — на первый взгляд. Не минуло и нас, детей Великой войны и послевоенных «разгонных» лет. Поначалу смута горбачевщины и начальной ельцинщины манила людей двусмысленным словом «свобода»:

*Кряхтели индюки, взлетая на забор,
в пруду карась плескался хитромудрый,
шуриал дерев проснувшийся шатер...
Так начиналось сказочное утро.*

Кого куда манила? В основном на реализацию семьдесят лет заглушаемого инстинкта частнособственничества, потребительства без меры и сугубого индивидуализма — хуже, чем волчьего, ибо собачий предок суть зверь стайный, в одиночку живет только в зоопарке. Скучно и тоскливо живет.

Но и людям из числа творчески-деятельных хоть на миг, но показалось: и их час пришел ускорить время своей самореализации; в ушах зазвучал лейтмотив свиридовского «Время вперед!» Конечно, человек творческий по определению брезглив к подковерным делам, но почему не использовать смутное время для возможной реализации благих намерений? С властью заигрывать не стоит — можно и заиграться, но подыграть, не теряя лица, даже нужно. В конце концов, деятельная жизнь есть цепь компромиссов; главное, чтобы довлеющая цель не контрастировала с избранными средствами ее достижения. Иначе даже в наше волчье время люди не поймут. И таким братишкой Железняком, перепоясанным поверх бушлата пулеметными лентами, по любой жизни не пройдешь.

Но на то он и человек самодостаточно мыслящий, чтобы очень даже скоро понять зазеркалье наступившего бытия:

*Академики непризнанных академий,
наук непризнанных доктора,
деканы непризнанных факультетов,
кафедр непризнанных профессора —*

*не признают многоумных советов,
стреляющих залпами подлых наветов,
не знают богатства надуманных премий,
им надо работать с утра до утра,
а звания, должности — это мура,
которую квасит в жару мошкара,
пузырную важность рождая при этом.*

Мишура и мошкара отлетели. Есть институты, но нет науки. Есть университеты, но нет образования: одни ЕГЭ и дипломы под копирку. Ибо государству ни науки, ни образование «временно-постоянно» не нужно. Но кто запретит ученому, лишенному лабораторий и надежных учеников, творить свою стезю, создавать свои теории и концепции? — Да никто. А поэзию философской мудрости никаким аналогом «анти-табачного декрета» не отменить. Дерзай и твори, ибо ты мыслишь!

*Листаем неразгаданность страниц,
вонзив в себя итыри громоотводов,
в эпоху недостроенных больниц
и процветанья водочных заводов.
Кумиров сотворив из ничего,
сквозь гам и ор предвыборных кампаний,
предвидя пустоту голосований,
мы верим в наших мыслей торжество!*



Хадарцев Александр
(г. Тула)

PERSONALIA



ТОСТ

Поредели волосы,
 побелели бороды,
поистерлась кожистость
 черных пиджаков.
Но своими мыслями
 мы, как прежде, молоды
и, как прежде, тянемся
 к искренности слов.
Где-то в прошлом гульбища
 в девочках и дамочках,
пьянки до беспульсия,
 ресторанный гам.
В траурных каемочках —
 много наших в рамках
удалились в вечности
 всеприимный храм.
Только обучаемость
 с возрастом снижается,
марши похоронные
 нас не устрашат!
Потому, как в юности,
 кое-кто влюбляется.
Позабыв про семьдесят,
 как про шестьдесят!
До войны рожденные,
 и в войну зачатые,
возрастом равняемся,
 но — на молодых!
Вспоминаем армию,
 как шаги печатали,
в сапогах кирзовейших,
 на плацах пустых.
Танцплощадки круглые,
 в горсадах из прошлого.

Это — не теперешний
 сполох дискотек!
И, пускай не видится
 ничего хорошего,
мы всегда уверены
 в бесконечье рек.
Первый тост — за будущность!
 Тост второй — за здоровье!
Третий тост — за молодость
 и прекрасных дам!
За друзей доверие!
 За простое правило:
где в тебе нуждаются,
 быть, конечно, там!
Шмаракова Левушку
 поздравляем с праздником!
Юбилеев будущих
 станет долгим счет!
И в делах и в помыслах
 мы такие разные!
Но единство в действиях
 пусть ведет вперед!

НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ЛЮБВИ

Болезнь — не дефицит здоровья,
а недостаточность любви,
которую у изголовья
один оставшись — не лови!

Нахлынет боль волной цунами,
слизнув заботы естества,
разрушит все, что между нами,
и будет, видимо, права.

Она вливается в живое,
терзает в клочья белый свет,
предвосхищая ночь покоя,
ту, за которой слово: «Нет!»

Вкусив отраву лицемерья,
съев безразличия плоды,
вступаем в полосу безверья
и ожидания беды.

Но грешникам — одна награда:
не слышать хора алилуй.
Сильней лекарства нам не надо,
чем жарко-нежный поцелуй!

Презрев опасность малокровья —
врача на помощь не зови!
Болезнь — не дефицит здоровья,
а недостаточность любви!

БЛАГОДАРЕН ТЕБЕ

Благодарен тебе за дожди и туман!
И за горечь осенних дымов благодарен!
И за то, что, когда был от нежности пьян —
падал в тело твое, откровенно нахален!

Благодарен тебе за хрустящий снежок,
припорошивший прошлых ночей неизбывность!
За последний в хрустящую снежность прыжок
и за ищущих глаз показную наивность!

Благодарен тебе за журчанье ручьев!
За расквашенный снег на весенней дороге!
За грачиный в апрельскую будущность зов!
За мимозную желтость цветка-недотроги!

Благодарен тебе за кипенье жары!
И за знойность дыхания песчаной пустыни!
И за близкую дальность зеленой горы!
И за то, что меж нами живет и не стынет!

И дожди, и туман, и хрустящий снежок,
и журчанье ручьев, и жары закипанье —
это просто немеренной нежности срок
в ожиданье судьбы исполненья желанья.

ПРО «ЕЩЕ» И «УЖЕ»

Про «еще» и «уже» — понаписано много,
Только думаю, как ни крути,
что еще — не закончена наша дорога,
что уже — середина пути!

Есть четыре отрезка по жизни астральной,
в каждом — есть и вопрос, и ответ.
Называется первый период — нормально,
в ожидании дел: «Еще нет!»
Нет ни горя, ни славы, ни низкой зарплаты,
ни предательства бывших друзей...
И еще не проставлены круглые даты,
потому что далек юбилей.

У второго периода — имя простое,
словно «родина», «хлеб» и «вода».

Это — время отсутствия в жизни покоя,
а название ему — «Уже — да!»
Есть любимые девушки, крепкие руки,
есть работы любимой размах!
Ты уже различаешь волшебные звуки,
видишь скрытую тайну в глазах.
Ты уже познакомился с сексом и модой,
знаешь дружбы надежной плечо,
упиваешься ярко-желанной свободой,
светишь людям, сгорая свечой...

Ну, а третий период — приходит на взлете,
неизбежно, как дней череда,
где по-прежнему ты — в каждодневной работе.
И название ему — «Еще да!»
Есть еще те, кто любит, но стало их мало,
пусть еще не погашен задор.
Пресыщения жизнью еще не настало,
и не слышен от женщин укор...

Но в четвертый период — не стоит ломиться —
под названием тупым: «Уже — нет!»
Нет ни стойкости в членах, и ночью не спится,
есть — протертость еды на обед...

Так что третий период — пусть будет подольше!
Пусть мерцает надежды звезда!
Нам — не много, не мало, но только — побольше!
И пускай говорят: «Еще да!»

ОПЯТЬ МЕТЕЛИ И ДОЖДИ

Ты говоришь: «Опять метель!»
Я говорю: «Опять дожди!»
Сугробов снежную постель
ты расстилаешь впереди.

Дождем стекаются снега,
вливаясь в океан обид.
Ты мне, как прежде, дорога,
костровый жар — ветрами взбит.

Не стоит яростно в покой
бросаться жизненным комком!
Другая — ты! И я — другой!
А, значит, снова мы — вдвоем.

И, пусть опять метель метет!
И, пусть дожди всюду стучат!
В неясность — прошлое ведет.
Но это — лучше, чем назад!

ТЕКУЩЕЕ ВРЕМЯ

А время вытекает через кран:
из ниоткуда... в никуда... и дальше.
В таком теченье нет ни капли фальши:
то кровь бурлит на днищах новых ран.

Вода струится по стеклу судьбы
потокот необъятного покоя,
но мы не знаем, что это такое,
привыкнув к звукам маршевой трубы.

Как у Дали, висит в пространстве сон,
в котором все настолько ирреально,
насколько скрипка мечется печально,
страда с человеком в унисон.

Так утекает время на разлив:
с журчанием, бесследно, неозвратно,
на желтом солнце лихорады пятна,
готовящие нам вселенский взрыв.

ЖЕНЩИНЫ И ВРЕМЯ

Духов заморских тень и сладость пудры —
подчеркивали свежий запах тела...
Премудрости далекой Кама-сутры
познать однажды женщина всхотела...
Что отраженье жизни может дать ей?
Из шепота — косынку надевая,
из нежных слов — ласкающее платье,
она стоит у зеркала нагая...

«Что время? Это вечный разрушитель
всего, что на земле живет и тлеет.
Но это самый главный разрешитель
поступкам, от которых сердце млеет.

Вон там морщинка — след ошибок прошлых...
А здесь чуть-чуть полнее, чем хотелось...
Но впрочем — больше качеств есть хороших,
на то она и женственность и зрелость...»

Отметив плюсы, минусы отбросив,
известные самой — не отраженью,
задав себе бесчисленность вопросов,
сама себе находит возраженья...

Уверена — все то же повторится,
и никакой не будет Кама-сутры...

Ни оценить, ни запросто влюбиться
никто не сможет, а наступит — утро...

Но терпких губ пылающая нежность
пульсирует неутоленной жаждой,
желания несбывшегося грешность
быть может и не повторится дважды...

Так где же вы, мужчины из мечтаний,
погрязшие в делах своих постылых?
Поверьте, что в неслышности рыданий —
лишь гордость и укоры наших милых.

Любите их: от сонности — до стога!
Не торопитесь вставить ногу в стремя!
В поспешности исканий — нет резона.
Любите женщин! И отступит время!

КОНЦЕРТ ГЕРГИЕВА В ЦХИНВАЛЕ

С экрана горько плачет осетинка,
не пряча вмиг полученных седи.
В Цхинвале выступает Мариинка,
а значит, — завтра есть у осетин!

Убитые из-под земли восстали
мерцанием оплавленных свечей.
На площади в растерзанном Цхинвале
звучит бессмертной музыки ручей.

Она была понятной, откровенной —
для всех, кто слышать это чудо мог!
Им думалось о самом сокровенном!
С небес сошел непобедимый Бог!

Там Гергиев в величии печали
руками — звуки в гимны собирал.
Хребты домов, руины школ — молчали...
Был город, как один концертный зал!

Пока в сердцах есть ноты сострадания,
вольнлюбивый не сломить народ!
Цхинвал, как город, стерт до основания!
Цхинвал людей — по прежнему живет!



ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИСКУССИИ «НЕ ХВАТИТ ЛИ «СБРАСЫВАТЬ ПУШКИНА С КОРАБЛЯ ИСТОРИИ»? (ЧТО НАМ СЛЕДУЕТ ВЗЯТЬ ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА)»

От редакции: Тема очередной, уже ставшей традицией нашего журнала, все-российской и международной дискуссии вынесенная выше в заголовок, была объявлена «забойной» «Колонкой главного редактора» в № 1/2013 «Приокских зорь». Кроме того, этот текст еще до выхода № 1/2013 был циркулярно разослан всем авторам журнала.

Редакция «Приокских зорь» рекомендует читателям перед ознакомлением с материалами настоящей дискуссии освежить в памяти содержание исходной статьи, а также **обязательно** прочесть «Колонки главного редактора» в №№ 2—4/2013 «ПЗ» в части, имеющей прямое отношение к дискуссии.

Итоги дискуссии будут опубликованы в «ПЗ» № 1/2014 в статье зав. отделом публицистики и литературоведения Натальи Квасниковой. Это тоже уже стало традицией. В этом же номере журнала будет предложена публикация материалов дискуссии, поступивших в редакцию после 01.09.2013 (время формирования № 4/2013 «ПЗ»).

В следующем году мы планируем провести всероссийскую и международную дискуссию по теме «Колонки главного редактора» в настоящем номере журнала под названием «Герой нашего времени» в оцифрованном человеинике». О начале дискуссии будет дополнительно объявлено в циркулярном письме, но уже сейчас редакция начала прием материалов.



О, СКОЛЬКО НАМ ОТКРЫТИЙ ЧУДНЫХ ГОТОВИТ ПРОСВЕЩЕНИЯ ДУХ!

Статья профессора Алексея Яшина *«Не хватит ли сбрасывать Пушкина с корабля истории? или Что нам следует взять из русской литературы советского периода»* всколыхнул мои прежние, да и сегодняшние размышления о состоянии русской (российской) литературы. Со многими пунктами статьи согласен всецело, хотя я бы так категорично не ставил во главу заслуг перед отечественной литературой только одного из великих руководителей страны Советов И. В. Сталина. Правда, как хозяин страны, а Сталин был таковым, он умел по-царски и казнить, и миловать таланты. И большинство литераторов жили в так называемом тоталитарном режиме, как у царя за пазухой.

В сравнение с ним нынешние руководители просто-напросто литературой не интересуются. Им ближе не духовное, а физическое здоровье нации: спорт, армия. Это, конечно неплохо. Русский человек должен уметь постоять за себя, при необходимости нокаутировать противника. А чем мы можем «нокаутировать» при случае в интеллектуальном споре с иностранным собеседником. Он тебе про Шекспира, Гёте, Эмиля Золя, а ты даже Пушкина подзабыл, не говоря уже о Тургеневе, Тютчеве, Салтыкове-Щедрине, Брюсове...

За последние десятилетия преданы забвению в народных массах десятки имён, прославивших в свое время Россию в литературных трудах. Спроси сегодня у современного молодого человека: «Кто таков Фёдор Николаевич Глинка?» Вряд ли вразумительно ответит. И слов знаменитой «Тройки»: «Вот мчится тройка удалая! // Вдоль по дороге столбовой» не вспомнит. Но зато вспомнит звёзд телеэкрана поэтессу Ларису Рубальскую, писательницу детективов Дарью Масунову, поэта Илью Резника... Хвала им и честь. Но для разнообразия можно было на голубом экране (и не только) вспомнить, изредка хотя бы, наше достойное прошлое.

Конец позапрошлого и начало прошлого веков высветили в России много литературных имён. Но если видны пока ещё имена Ивана Бунина, Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, Александра Блока, Осипа Мандельштама, Пастернака..., то Спиридон Дрожжин, Константин Бальмонт, Иван Суриков, Фёдор Сологуб, Иннокентий Анненский, Демьян Бедный, Михаил Светлов и много-много других уже давно в тени. А если даже и зазвучит в песне или поговорке их оброненное в народ слово, то имени автора и не вспомнят. А ведь когда-то их Слово звало на подвиг, согревало в трудные минуты душу верой в лучшее. Да и продолжает греть. Старики еще помнят знаменитую светловскую «Гренаду» и «Каховку», еще иногда в деревенском застолье затянут грустно-минорную суриковскую «Рябину»...

Мы, часто оправдывая негативные явления жизни, ссылаемся на время. Дескать, оно жестоко в своей необратимости. Но, как порой и мы убеждались в этом не раз, это жестокое время всё ставило на свои места. А полузабытое прошлое вновь становилось эталоном в независимости от моды и самих модозаконодателей, потому что уже в своем потенциале было талантливо, гениально, если хотите.

Однако вернемся к Александру Сергеевичу: «О, сколько нам открытий чудных// Готовит просвещения дух// //И опыт — сын ошибок трудных// //И Гений — парадоксов друг». Трудно, да и невозможно представить ни сегодня, ни завтра русскую литературу без Пушкина, как Англию без Шекспира, Германию без Гёте. Хотя, я думаю, обесцветить имя Гения невозможно и жалкие попытки сделать это ни к чему не привели и не приведут. Да и Литинститут, прозванный пушкинским царскосельским лицеем, верю, будет жить, так как нет ему пока аналогов ни в России, ни Море.

А вот что нам взять из литературы советского периода? И на этот вопрос напраши-

вается один ответ — все настоящее, талантливое, независимое от политических взглядов и вероисповедания. И его — настоящего — очень много. Просто Россия, земля русская плодородна на таланты. Не дать только запятнать их, предать забвению, заменить суррогатом. И Александр Блок останется Блоком, Сергей Есенин — Есениным, Владимир Маяковский — Маяковским, Михаил Шолохов — Шолоховым...

Перечислять достойные имена можно и дальше. Учиться Слову у этих мастеров, нести это Слово в массы, чтобы на чистом, ухоженном литературном поле не вызревали сорняки, так сегодня заплонившие плодородную русскую писательскую ниву.

Сергей Прохоров, главный редактор литературно-художественного и публицистического журнала «Истоки», Нижний Ингаш, Красноярский край

БАСНИ С НУЖНЫМ ПОДТЕКСТОМ НА СОЛНЕЧНОЙ ПОЛЯНКЕ

На солнечной полянке на лугу лесном,
Играя с ветерком,
Цвели жарки, саранки, колокольчики, ромашки,
Меж ними медуницы и соцветья кашки;
На луг слетались пчёлы и паслись букашки,—
Тут всякий набирался дара,
Питался сам и уносил в семью полезного нектара.
Особенно тот дар лугов
Полезен был им для питания мозгов,
Для памяти, для умственной смекалки,
И потому не забывали пчелы той лужайки.
И все, благодаря заботе Солнышка, его вниманью
Звучали некогда там щебет и жужжанье...
Когда душа над прозой жизни песней вьётся,
Тогда и радуги цветут, и родничок смеётся.
Но вот, на Солнце набежала тень:
Луна ль его собой загородила?
А, может быть, свет-ясны-очи буря замутила?..
Пришёл ненастный день.
Затмение нашло, парализовал недуг,
И то тепло, каким питался луг
(Сам дар свой отдавая),
Остыло. Луг пожух. Стал тленом зарастать,
И вместо пчёл-трудяг, уродов стая
Теперь снуют, не зная,
Как, чем себя занять?
Сознание, память, интеллект — над ними не довлеют.
Сочувствием и состраданием — они не болеют.
И все лишь потому, что на лугу цветущем
Тепла не стало. Отцвели там пуши.

* * *

Пока отдельные мужи играют в экономику с культурой:
На музыке, библиотеках экономят, на литературе —

Пустив на выживание их, на самотёк,
Гадать не надо тут: какое завтра поколение подрастёт?..

ЧЕРВЬ, КРОТ И СВИНЬЯ

Там, где качались в рощах мощные дубы
И где шептались с ними белые берёзки,
Росли меж ними баловни судьбы —
Их нежные подростки.
Менялись поколения, столетий череда...
За счёт опавших листьев и стволов поникших
Обогащалась у подножий их среда,
Богаче почва становилась, выше.
Но вот в ту почву Черви стали заползать,
За ними, чуя пласт там благодатный,
Кроты повадились её взрыхлять.
А там Кабан. За ним другой, а там и пятый...
И через десять-двадцать лет такое накопили там,
Такое напахали там,
Устроили такое там болото,
Что даже старым деревьям
Жить стало в роще неохота.
А что уж говорить про молодь, про кусты,
Взошедшие средь этой пахоты?
Ведь многие из них понятия не имели,
Какие были здесь аллеи,
Какие здесь леса шумели,
Какие были рощи
На этой самой почве,
Несчастье, на которой они теперь имеют жить?
Не ведая, не зная, чем можно дорожить...
Все исказилось в их сознание
От свинского тлетворного влияния.

* * *

Вот заведётся где-нибудь какой-нибудь историк-червячок,
Который сам профан иль новичок,
А как копать возьмутся Кабаны,
То опаскудят всю Историю страны.
Так опошлят и искорежат факты,
Что Родиной своей начнут пренебрегать инфанты.

ШКОЛА ЧУДЕС

«Мы все учились понемногу
Чему-нибудь да как-нибудь...»
Теперь мы рассуждаем много
И познаем учения суть.

На что-то можем возмущаться,
О чём-то будем говорить,

Чему-то будем поклоняться
И что-то искренне любить.

Но мы учились, слава Богу,
С четверками, с пятёрками и без...
Но школа, ведь была как школа...
Теперь же — «поле, блин, чудес»!

*Александр Миронов, пос. Товарково
Калужской области*

ТРИ ИСТОЧНИКА, ТРИ СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ПОСТМОДЕРНИЗМА (не совсем по теме, но... на тему дискуссии)

Переход к постлитературному обществу?... Кажется, всё в нашей душе протестует против подобной перспективы, однако многоопытный и многомудрый главный редактор «Приокских зорь», инициировавший подобную дискуссию, не стал бы понапрасну бить в набат. Если трезво взглянуть в лицо суровой действительности, то отчётливо понимаешь, насколько обоснованы тревоги людей, болеющих душой за русскую культуру, за будущее нашего народа, принудительно лишаемого этой культуры. Но при всём цинизме современных рыночных варваров вряд ли оказалось бы возможным единым махом смести в мусорное ведро отечественную литературу. Потребовался переходный этап. Потребовалось продемонстрировать нечто, не имеющее ни художественной, ни интеллектуальной ценности, нечто такое, что и выбросить было бы не жалко. В качестве такого суррогата литературы было выбрано одно из течений в беллетристике: постмодернизм. Согласитесь, своя логика в этом есть: к постлитературе через постмодернизм. И вот он бережно лелеется псевдолитературным сообществом, щедро накачивается финансами, назойливо выставляется напоказ в СМИ. С сожалением следует отметить, что многие литераторы, как говорит молодёжь, «повелись» на эту уловку. А что? Писать постмодернистские тексты несложно, зато известность (а за ней иногда и денежки) приходит быстро. И вот по всей стране, в том числе и в нашей литературной провинции, раздались более или менее громкие камлания жрецов «современного искусства».

Безусловно, имеются у нас, в «замкадьё», звери и пострашнее «актуального» искусства. Под нескончаемым метеоритным дождём неудовлетворённых амбиций, разнообразнейших комплексов и фобий бродят по литературным окраинам страны мас-тодонты графомании, вытаптывая едва пробивающиеся ростки здравого смысла; равнодушные ко всему, кроме собственного желудка, чиновные шерстистые носороги медленно пережёвывают остатки региональных изданий и творческих союзов. Однако и саблезубые шакалы постмодернизма уже мелькают в этом доисторическом (постисторическом?) ландшафте.

Постмодернизм, который завёлся у нас на периферии (от сырости, что ли?) интересен, прежде всего, тем, что своей обезьяньей пародийностью обнажает суть «актуального искусства» как явления. Вдалеке от издательств и журналов федерального значения, в сторонке от нескончаемого тусовочного праздника выставок-презентаций-премий местечковый «авангард» предстаёт в лабораторной чистоте, без примесей.

Рассмотрим под микроскопом провинциального постмодерниста. Вот он бредёт по родному городу, ковыляя среди колдобин разбитых тротуаров, потягивает пиво из жестянки, поминутно поправляет на плече зачехлённую гитару, символизирующую

его неувядающую молодость и нерастраченный творческий потенциал, несёт в подарок знакомому книжечку своих стихов. Перевернём пинцетиком несколько страниц этого издания, рассмотрим морфологию «актуальных текстов» на примере почти анонимного, безвестного литератора, дабы не задеть самолюбия увенчанных лаврами модных писателей. Кстати, соблюдая научную объективность, отметим: наш подопытный юродствует в постмодернизме бескорыстно, без какой-либо надежды быть чем-либо увенчанным, что выгодно отличает его от алчных и тщеславных особей, чей ареал обитания приближен к мегаполисам. К тому же постмодернист провинциальный не настолько нежен и раним, как постмодернисты центровые, избалованные вниманием прессы, считающие прогулку по Бульварному кольцу в сопровождении специально проинструктированного полицейского эскорта высшим проявлением воли и гражданского мужества. Мы, провинциалы, не наделены столь деликатным душещелочением. Мы привыкли сразу получать по мордасам и от хулиганья, и от полиции, и от московского начальства, искренне не понимающего, почему мы, бестолковые, никак не заживём в достатке под сенью гражданских свобод и благ цивилизации, и от представителей либеральной оппозиции, разъезжающих по просторам родной страны с лекциями о том, как нерасторопным обитателям медвежьих углов испытать, наконец, драйв и кайф бытия. Получим, стало быть, мы своё, потрём лапой ушибленное место и чапаем дальше по тем же разбитым тротуарам, заливая горяшко тем же пивом. Словом, ничто ему, писателю из глубинки, — «да он же привык...»

Впрочем, пора уже открыть имя субъекта, столь коварно и жестоко обречённого нами на вивисекцию. Ну, не имя... Погоняло постмодернистское. Зовут его Иван Бадхи, книга же, которой он одарил современников и которую завещает потомкам, называется «Жажда». Издана она, надо полагать, на средства самого автора со всей вопиющей провинциальной безалаберностью. Тут вам и «рванные» строки — результат небрежности наборщика, и неожиданно, самопроизвольно меняющиеся шрифты, и невозможность определить, где, когда, кем и в каком количестве выпущена сия библиографическая редкость. Постмодернизм в абсолюте!

Что ж... Тем легче будет разложить «актуальное искусство» на составляющие, а нам того и надо. Хотя заниматься этим омерзительно, ибо с первых же страниц обнаживается, что постмодернист черпает вдохновение... из канализационных стоков. Иван Бадхи считает нужным рассказать нам о том, как писает с балкона на крыши соседних домов, как нравится ему разглядывать мир «сквозь щели туалетной двери» и т.д. и т.п. Видимо, психиатры владеют терминологией для описания выявленной патологии, но мы-то должны говорить не о диагнозе, а о творческих интенциях претендента на звание поэта! А как, скажите на милость, сохранить собственное психическое здоровье, столкнувшись с таким, мягко говоря, неожиданным образом лирического героя:

*Закрывшись на щеколду утром,
Он наслаждается собой.
Духовную или другую пищу
Он исторгает из себя.
Одну в трубу, другую в книгу...*

Эта обезоруживающая откровенность исчерпывающе характеризует автора. Нам же остаётся зафиксировать в журнале по проведению эксперимента: «Подопытный имеет наглость предположить, что вопиющее неуважение к читателю не только позволительно, но и востребовано». Данный промежуточный вывод ставит перед экспериментатором новые вопросы: почему ныне считается возможным подобное отношение к некогда святому печатному слову? Отчего миазмы помрачённого сознания всегда находят отклик в среде, именующей себя творческой?

А пока мы недоумеваем по поводу результатов анализа (так!) литературных испражнений Ивана Бадхи, тот окатывает нас ещё одним мерзким потоком — потоком площадной брани. Очередное свинство постмодерниста нас уже не слишком удивляет: перенесение слов, накарябанных на стене общественного туалета, в книгу, видимо, считается нормой среди «актуальных поэтов» (особенно пикантно, что и «поэтессы» стараются пропитать свою партию в хоре матерщинников)!

Другой бы на этом прервал эксперимент, выбросив книжку Ивана Бадхи на помойку, но мы проявляем свойственную учёным самоотверженность, тем более что исход опыта недалёк и предсказуем. Автор сборника «Жажда», дабы никто не усомнился в его преданности идеалам «современного искусства», спешит зычно провозгласить:

*Что уж тут скорбеть?
Нажраться водки, песни петь.*

Подзадорив себя этим девизом, Иван Бадхи обливает читателя третьим валом постмодернистской мути — потоком спиртосодержащих жидкостей. Как ни смешно, но создатели «актуальных текстов» искренне считают, что любая их пьяная выходка настолько забавна и уникальна, что о ней непременно следует проинформировать читателя. Так подростки, отравившиеся бормотухой, потом долго с упоением смакуют малейшие подробности своих походов, доказывая себе, что отныне они стали взрослыми крутыми мужиками... Старый литературный анекдот гласит, что плести вирши всё же лучше, чем водку пить. Теперь не так! Я, грешный человек, первый скажу: пусть совсем сопьются с круга иные новоявленные версификаторы, лишь бы не теребили многострадальные рифмы да белые стихи.

И, говоря это, я снимаю резиновые перчатки лаборанта-практика и выбрасываю их в мусорный бак. Эксперимент завершился ожидаемым результатом: Иван Бадхи безуспешно пытался утолить духовную жажду читателя потоками нечистот, сквернословия и дури. Вот это и есть источники постмодернизма, то, чем живёт и питается одно из направлений современной русской литературы.

Грустно и обидно... Имей мы дело с креативными потугами отдельно взятого ущербного индивидуума, не стоило бы горевать: не тронь дёготь — не замажешься... К сожалению, всё обстоит гораздо серьёзнее. То, что мы называем постмодернизмом, не есть проявление душевной нечистоплотности какого-то писателя или же литературной группы. Тут не только желание с радостным похрюкиванием плюхнуться в лужу, но и явный расчёт замарать читателя гадкой жижей. В этом задача постмодернизма. Если вместо чистого источника вам предлагают приникнуть к стоячей в копытце воде, вы легко догадаетесь — хотят, чтобы вы козлёночком стали, хотят, чтобы вы поверили: все вокруг — козлы. А для козлов нет более подходящего поила, чем «Жажда» Ивана Бадхи. Вот и лакайте.

Мне возразят: постмодернизм использует эпатаж, давно уже опробованный художественный приём, задача которого пробудить спящую духовность читателя. Не соглашусь. Эпатаж нужен для выявления и заострения смысла. Постмодернизм же, заранее объявляющий, что смысла ни в чём нет и быть не может, занят не эпатажем, а профанацией.

Забвение человеческого образа, помрачение ума, добровольное сладострастное самоуничижение, постоянное расчёсывание своих болячек, потрава всего, о чём можно было бы сказать звенящим нравственной высотой русским языком, — это и есть постмодернизм. И это именно то, чего сегодня многие ждут не столько от русского писателя, сколько от читателя. Такую модель поведения навязывают всему народу, ловко подталкивая его на путь перманентного житейского постмодернизма, подпитывая финансами псевдотворчество и упрямо высвечивая псевдосовременность

прожекторами, софитами, рампой... Так восприятие «актуального искусства» переходит из эстетической плоскости в разряд этических проблем.

Действительно, существуют у нас целые министерства, возглавляемые «актуалистами», умеющими настолько артистично воровать вверенные им средства, что разум отказывается вместить масштабы расхищенного. Редкий писатель-постмодернист сумеет так поразить и сбить с толку, так убедительно представить бессмысленное наполненным смыслом, как удаётся сделать это высокопоставленным взяточникам, которым впору присудить премию (деньги к деньгам!) за выдающиеся художественные достижения, заставляющие современников всерьёз задуматься: нужна ли одному человеку квартира с дюжиной комнат? сколько пальцев у обладательницы десятков тысяч колец и перстней? что можно рассматривать при свете хрустальной люстры в туалете?

Постмодернисты от космической отрасли, дабы скрыть факт хищения казённых миллиардов, запускают игрушечную ракету, которая креативно шлёпается в воды Мирового океана. Да такой акционизм и не снился никому ни в Вене, ни в любой другой арт-столице! Дорожно-строительные постмодернисты возводят одноразовые шоссе, размокающие при первом же сильном дожде. Попробуйте придумать что-либо более концептуалистское! Постмодернисты-военные оставили себе всего один погон, да и тот разместили чуть ли не на причинном месте. Вот это биение творческой мысли!

А насколько высокохудожественно пытаются наши полицейские попавших в застенки сограждан! А разве совращение несовершеннолетних посредством ЕГЭ — это не постмодернизм? А что может быть ближе постмодернистскому сознанию, чем полумёртвый от опьянения автомобилист, гоняющий по городским улицам? Можно ли представить себе лучший перфоманс, чем разлетающиеся от удара капотом трупы?

Потому, обличая постмодернизм, мы должны обличать три составные его части: лень, безответственность и хамство. Общая наша беда в том, что в общественном сознании эти черты национального характера, так самозабвенно и полномасштабно выраженные в творчестве постмодернистов (в соответствии с концепцией реализма, кстати сказать), перестали восприниматься как постыдные. Наша общая задача — развенчать самодовольно-ограниченную личность, привыкшую пренебрегать обязанностями и прятаться от труда за ширмой рассуждений о правах человека, свободе творчества, толерантности и проч.

Заявим прямо: права человека важны. Свобода творчества необходима. Толерантности придерживаться желательно. И те, кто считает эти ценности первостепенно важными, должны (хотя бы ради популяризации своих идей) обязательно позаботиться о том, чтобы не нарушались наши права на чистоту родного языка, чтобы желание прилюдно гадить назвалось не свободой, а скотством, чтобы соблюдалась толерантность по отношению к людям, не считающим матерщину нормой речи.

Однако сторонники постмодернизма озабочены совсем другим: нащупыванием «новых путей в искусстве», артикуляцией «нового слова». А бытующее в среде «неактуальной» творческой интеллигенции мнение, что сказать постмодернистам, на самом деле, нечего по причине лени и дурного воспитания удобнее всего игнорировать, поскольку такая точка зрения не получила освещения в СМИ, а для любителей «современного искусства» существует лишь то, о чём сообщили по телевизору.

Так начинавший с элитаризма постмодернизм стремится к своему логическому концу через дискредитацию себя посредством массовой культуры. Было время, если помните, когда курящая дама воспринималась носителем некой божественности и фронтёрства. Сейчас дымит любая базарная торговка, а уважающая себя женщина вряд ли потянется к сигарете. Нечто подобное происходит с постмодернизмом, уже потерявшим привлекательность новизны, но продолжающим нагло бравировать маргинальностью.

А мы, готовясь к наступлению эпохи, когда творчество и свободу духа вновь станут связывать с высокой культурой, будем твёрдо помнить: писатель не иначе вернёт себе права властителя дум и учителя общества, как обратившись к неукоснительному соблюдению своих обязанностей. Обязанности же его известны: стремление к прекрасному и постоянная, тяжкая, мучительная работа над словом, над образом, над собой.

*Игорь Карлов, г. Мапуту, Мозамбик,
лауреат всероссийской литературной
премии «Левша» им. Н. С. Лескова*

УРОК ЧЕТВЁРТЫЙ. О ВОЕННОЙ ТЕМАТИКЕ

Президент нашего многострадального государства и его неизменный спутник, премьер, шибко озабочены: что же им взять для основания национальной идеи?

И пока они вынашивают неоплодотворённую идею, со своими идеями приходят кривые зеркала, актеры всевозможных рангов, возмнившие себя оракулами, писатели и кинорежиссёры с фальшивками о прошлом нашей страны. Они-то и учат нас, как надо правильно жить, как готовить еду, как одеваться и разговаривать, забыть о героическом прошлом...

Рядом с глубоко задумавшимся президентом и премьером, в основе национальной идеи становятся люди, которые всю жизнь, как попугаи, произносили чужие, вымученные ими слова, измученные роскошью поп-дивы или дозволенный ими же молодежный стандарт с дешевыми попевками.

Зачем это я говорю? Вроде тема нашей дискуссии другая? Но все разговоры, какой бы темы они ни касались, сводятся к одному — куда мы идем, и кто нас ведет. И есть ли мессия?

Передо мной на столе лежит немного потрепанная, но в довольно сносном виде, книга рассказов для детей, выпущенная издательством «Детгиз» в 1958 году для начальной и средней школы. Небольшая книга, всего на двести страниц, называется «Солдатский подвиг».

Это одна из первых моих книжек, которую я прочитал самостоятельно, учась во втором классе. И вот, уже на протяжении более чем пятидесяти лет, книга рассказов для детей рядом со мной. Теперь её читают мои внуки.

Книга «Солдатский подвиг» составлена из рассказов советских писателей («...о незабываемых подвигах наших отважных воинов-патриотов. Все эти рассказы говорят о воле, мужестве и находчивости, о взаимной выручке, опыте, об отваге советских людей и их пламенной любви к Родине».

В далёком 1958 году, в пору счастливого детства, я не мог знать, что такое — «национальная идея», я просто с упоением и огромным интересом зачитывался рассказами советских писателей. Они, вместе с героями своих рассказов учили меня любить Родину.

С «Батальоном четверых» отважных моряков-черноморцев Леонида Соболева, я участвовал в ночном десанте. С отважной женщиной-штурманом спасал летчика и партизанский отряд в тылу у гитлеровцев в рассказе Михаила Водопьянова «Штурман Фрося». С шофером, героем рассказа Николая Тихонова «Руки», вёз на Ленинградский фронт горячее и в жестокий мороз, обжигая и обмораживая руки, несколько раз по дороге чеканил лопнувший шов цистерны.

Простое перечисление имен и фамилий авторов сборника рассказов «Солдатский подвиг» говорит о качестве и о серьёзности, с которой подходил союз писателей СССР к литературе для детей и юношества. Борис Полевой, Константин Федин, Ва-

лентин Катаев, Борис Лавренев, Яков Тайц, Лев Кассиль, Гавриил Троепольский, Николай Чуковский и другие.

В те годы, в силу своего несмышленного возраста, я не знал и даже не мог предполагать, в какой атмосфере создавали свои произведения советские писатели. Может быть, в те годы и принуждали авторов к осмотрительности, им приходилось идти на неизбежные уступки, но это уже было и время общественного духовного подъема после XX съезда, когда писатели поверили в возможность прямого и честного творчества. И мне, мальчишке не было дела до того, кто из авторов сборника подписывал письма в ЦК с недоброжелательными отзывами на кого-то из своих коллег, я читал рассказы и верил в слова писателей, переживал и воевал с гитлеровцами вместе с героями. И, самое главное, они учили меня любить Родину, в которой я родился и живу.

Об отношении советской литературы к воспитанию подрастающего поколения очень правильно в 1943 году написал известный всему миру писатель А. Н. Толстой в статье «Книга для детей».

Вот эти слова. «Книга должна углублять в ребенке любовь к Родине, она должна питать и развивать все наши национальные особенности. Ребенок должен впитывать в себя порами благословенный воздух Родины. Наши дети будут ходить по миру с гордо поднятой головой».

И ещё. «Я обращаюсь к советским, в первую голову, русским писателям — помогите нашим детям стать гордыми, культурными и сильными людьми».

Вот она национальная идея, вот то, что мы должны непременно взять из литературы советского периода — детская литература должна учить детей и юношество пламенной любви к Родине. И особенно, не забывать подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, великую и выстраданную Победу в крепком единстве всех народов нашей многонациональной Родины.

Вполне уместно напомнить в связи с этим и слова Роберта Рождественского:

*Только не забыть бы это,
Лишь бы не забыть.
Эта память — верьте, люди,—
Всей земле нужна.
Если мы войну забудем,
Вновь придет война.*

Нынешнее время называет и своих героев. Немало наших соотечественников полегло в боях локальных войн в последние десятилетия демократического периода. И молодежи есть, у кого учиться проявлению воли, взаимной выручке и любви к Родине.

А пример, как писать, тоже есть — это литература советских писателей о Великой Отечественной войне, которую можно поставить одним из краеугольных камней фундамента национальной идеи — пламенной любви к Родине.

Взял я себе за правило, читать о войне книги только советских писателей или авторов, которые пишут о войне не с чужих слов, а прошедшие все муки ада Отечественной.

Как пример, книга «Штрафбат в бою» (прошу не путать с телевизионной фальшивкой Э. Володарского и Н. Достая «Штрафбат»), автор которой А. В. Пыльцын прошел по дорогам войны от Белоруссии до Берлина командиром взвода и роты в 8-м Отдельном штрафном офицерском батальоне. Почему я выделил именно эту книгу? Приведу лишь слова автора из вступления, чтобы всё сразу стало ясно, как и зачем она написана.

«Только правильное освещение прошлого необходимо сегодня потому, что в наши дни речь идет не просто о просвещении людей. Время диктует крайнюю необходимость идеологической борьбы со всеми, кто стремится опорочить, запачкать, очер-

нить всю идеологическую, воспитательную работу, проведенную за годы советской власти, и которая привела народы Советского Союза к Великой Победе».

Но, к сожалению, пока наши дети учатся жизни на «Вредных советах» Г. Остера, а юношество на непонятных переводах книг о Гарри Поттере и на другой мистической литературе о вампирах и вурдалаках. В основном зарубежных писателей.

Специально просмотрел раздел журнала «Книжный мир» за 2012 год, в котором предлагается подписка детской литературы, поскольку являюсь членом Книжного клуба этого журнала. О многих хороших книгах для детей рассказывается в каждом номере журнала, но ни одной книги за год не предложено нашими издательствами с военной или патриотической тематикой.

В заключение моих рассуждений о том, что же следует взять из русской литературы советского периода для воспитания наших детей в патриотическом духе, хочу привести стихотворение замечательного современного русского поэта Николая Александровича Зиновьева, которое так и называется «Из детства».

*Воды и солнца тут без меры,
А сколько песен под баян
Здесь спето нами, пионерами,—
Детьми рабочих и крестьян.
Поем о Родине могучей,
О добрых, доблестных делах.
И развивается над кручей
Родной с рожденья красный флаг.*

*Сергей Лебедев, г. Тольятти, лауреат
всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова*

СОВЛИТ

Приступая к обсуждению уроков советской русской литературы, предложенному редакцией журнала «Приокские зори», сразу хочу обозначиться, что не являюсь ни литературоведом, ни, в силу занятости исполнением другой профессии, усердным потребителем художественной литературы. Вполне обыкновенный читатель, имеющий собственный избирательный вкус и предпочтения.

В силу возраста, довольно преклонного, читал книжки, в том числе и писателей советского периода, исправно выполнял указания по прочтению книг, предусмотренных школьной программой первого послевоенного десятилетия.

Всегда любил и люблю русскую литературу. Мой бог в литературе Чехов. Совершенно «безыдейный» писатель (см. воспоминания художника К. Коровина о нем). Люблю Бунина за потрясающую точность и образность слова. Достоевского за глубокий психологизм, позволяющий ему сочетать несочетаемое в человеке. Из писателей советского периода Ю. Нагибина, А. Солженицына (художественные вещи), М. Шолохова (рассказы и «Тихий Дон»), К. Симонова (произведения о войне), М. Булгакова, В. Аксенова...

Писателей «лихих» 90-х и «нулевых» годов кого-либо хотя бы с минимальной симпатией назвать не могу. Разве что Л. Улицкую (за хороший русский язык).

Вот таков вкратце мой читательский «багаж», имея который, могу высказать свое мнение о «четыре уроках советской русской литературы».

Если под советской литературой понимать сугубо таковую, выполнявшую идеологический заказ, она не велика по объему в сравнении с той, которая в то время писалась на русском языке. В ней поучаствовали и те, кто был истинным мастером русского языка, не создавшие, тем не менее, шедевров, выполняя заказ (например, стихи о Сталине А. Ахматовой). Судить о языковых и художественных достоинствах «заказной» литературы не могу, потому что не читал — С. Бабаевского, В. Кочетова — имена слышал. Потому что, как поклонник Чехова, отдавал предпочтение «безыдейным» писателям. Писатель, мое глубокое убеждение, должен быть безыдейным. Тогда у него есть шанс остаться надолго в памяти читающей публики. Достаточно вспомнить читательскую судьбу идейных писателей. Умерла идея, вместе с ней умирают идейные творения.

Для меня советская русская литература — перечисленные выше писатели, которые жили и писали в советский отрезок отечественной истории.

Урок первый — «советская литература была интернациональной». Любая высокохудожественная литература — интернациональна. Принадлежит всем нациям. Читается всеми народами. Советская власть сыграла большую положительную роль сначала в приобщении народов, населявших окраины СССР, к культуре, грамотности. А потом к литературе. Из тех, кого знаю, читал — Ч. Айтматов, О. Сулейменов.

Урок второй — «советская литература выраженно бесклассовая». Извините. Рабочий класс признавался и был гегемоном в тогдашнем обществе. Главенствовал как герой в советской русской литературе. «Дни Турбиных» (правда, знаю только по одноименному кинофильму. Не читал, о художественных достоинствах судить не могу). Читал о творческих командировках писателей на заводы и фабрики, дабы художественно отобразить будни рабочего класса. Меньше было литературы о крестьянах — колхозных, почитаемый класс. Прорывались к читателю редкие произведения об интеллигенции — В. Дудинцев, И. Грекова... Но то были единицы, печатались лишь в журналах и отдельной книгой, кажется, в те времена не выходили.

Урок третий — «народность русской литературы». Умышленно или нет — пропущено слово советской. Будем считать, что случайно. Здесь невозможно не согласиться. Вот где преемство русской классической и советской литератур выразилось в полной мере. Начиная с «Записок ружейного охотника» И. С. Тургенева, народ, простой русский человек становится героем русской литературы. И далее — он главный ее герой. Советская русская литература не исключение. Лучшие ее «безыдейные» образцы высоко художественны. Мне почему-то кажется, что деление на советскую русскую и просто русскую литературу несколько искусственно и предвзято. Может быть, лучше — партийная и беспартийная русская литература. Партийная — уходит вместе с уходом партий. Беспартийная — остается навсегда. (Кто сейчас, кроме филологов и литературоведов, читает «партийные» стихи такого гениального поэта, как В. Маяковский? Идеологии нет, и качество их ниже среднего). Наш главный редактор «Приокских зорь» прав, когда пишет, что литература 90-х и нулевых находится в глубоком моральном кризисе. Уместна цитата — «страшно далека она от народа». Кому нужна такая литература? Кому-то нужна.

Урок четвертый — «военная тематика в советской литературе была поднята на невероятную высоту». Не могу достоверно судить о зарубежной литературе, но мне кажется, что ни одна другая, кроме русской, не создала величайших произведений — не только литературы, но и музыки, поэзии, кино. Были созданы шедевры. Так и хочется сказать: «Вы, нынешние, — ну-тка?» Как глубоко были прочувствованы трагедия и беда народа, необходимость единения и взаимопомощи, героизма и самопожертвования. С каким высочайшим искусством все это было воплощено. Теперь этого нет. И повторить это невозможно. Когда думаю об этом величайшем периоде в

истории народа, в истории литературы и искусства, на память приходит житейский опыт, пережитый в молодости. Помню, какое глубокое «чувство локтя» было в туристских походах. Почти «по-д'артаньяновски» — один за всех и все за одного. Какие песни пели у костра! А дальше, по окончании похода — как поется у Визбора — «наденем фраки и закружимся в судьбе». Сейчас во фраках и без, в телогрейках, каждый сам по себе. И в это время великих произведений о великих эмоциях, чувствах, страстях, подвигах — ждать не приходится. Другие времена, другие песни. Найдут ли писатели о чем писать, чтобы взять «за сердце» читателя? Чтоб «чувства добрые лирой пробуждать»? Есть вечные темы — любовь, страх, зависть, вероломство — далее по списку. Как они «реализуются» современным человеком — индивидуалистом, карьеристом, растяпой, мизантропом — далее по списку. Писать всегда есть о чем. Все зависит от таланта писателя. Дай Бог ему, талантливому писателю, удачи.

Дополнение к сказанному выше...

После предложения обсудить «что нам взять из русской литературы советского периода» появление в колонке главного редактора № 4, 2012 г. «ПЗ» новой темы для дискуссии «постлитературный период жизни человечества» показалось несколько неожиданным. «Постлитературный период (тем более) человечества», согласитесь, уважаемый Алексей Афанасьевич, звучит несколько апокалипсически — типа (как говорит современная молодежь) литература кончилась, приказала долго жить. Тем не менее, богатое содержание колонки дает возможность поразмышлять о некоторых высказанных ее автором соображениях.

Обозначу сразу свою позицию — дилетант в литературе и оптимист во взгляде на ее будущее. Вы порицаете групповщину в литературе как тормоз в развитии литературы последних десятилетий. Она, групповщина, всегда была. В XIX веке тоже. Кто-то группировался вокруг пушкинского «Современника». Кто-то (позднее) вокруг Булгарина, Суворина и др. Потом были Андрей Белый, акмеисты, имажинисты и т.д.

Что сейчас? Толстые литературные журналы, которые не пускают в свои недра «не своих». Приходилось слышать и не от одной редакции — «не подходит» (по тексту замечаний не было). Препятствует это развитию литературного процесса? Думаю, да. Однако примеров много тому. Наиболее уверенные в себе (или настырные, или талантливые), переходя от одной редакции к другой, все-таки выходили в большую литературу.

Думаю, что появление такого журнала, как «Приокские зори», закономерное и символическое явление. Альтернатива «толстякам», которые все больше «жиреют», ходят по кругу, водят за собой только «своих».

Ваш журнал дал шанс дилетантам. Как жаль, что в Ваш список «дилетантов» — Толстой, Салтыков-Щедрин, Гончаров, наш «небесный покровитель» Гавриил Державин... не включили Вы обожаемого мною Чехова. Вот истинный «дилетант». Рано получивший признание в литературе, он не бросал медицину. Скорее готов был бросить литературу. Достаточно вспомнить, как активно он включился в борьбу с эпидемией холеры в лопасневском уезде. «Пока я служу в земстве (как врач — Р.А.) не считайте меня литератором», — пишет он своему издателю Суворину. Только туберкулез заставил его прекратить врачевание в последний период его жизни.

На мой взгляд, очевидное явление, когда за перо берутся и ищут выход к читателю дилетанты. В своей среде лично знаю с пяток профессоров медицины, активно пишущих и порой печатающихся в различных литературных изданиях — маломасштабных, с сотенными тиражами, которых стало довольно много. Один из них создал интернет-издание, где печатается сам и создал вокруг него обширный круг пишущих.

В чем некоторое преимущество сих «дилетантов»? У них есть кусок хлеба, на который они зарабатывают исполнением своей основной профессии, что делает мало

зависимыми от литературного заработка. А стало быть, от «политики» главреда. Это своеобразные «дворяне», которые имели досуг и финансовую независимость, позволявшую им без заботы о хлебе насущном предаваться литературному творчеству. Как им — писателям-дворянам — завидовал белой завистью Чехов, говоря, что им, «безлошадным» разночинным писателям, лучшие годы, которые бы могли быть отданы творчеству, пришлось потратить на обретение мало-мальски приемлемого существования.

Итак, дилетанты — истинные и «условные», согласитесь, уважаемый Алексей Афанасьевич, создали великую русскую литературу.

Может быть, и теперешние дилетанты не дадут ей, великой, русской — кануть в Лету, не наступит постлитературный период.

*Рудольф Артамонов, г. Москва, профессор,
лауреат всероссийской литературной премии
«Левша» им. Н.С.Лескова*

«ВСЕ ЭТО БЫЛО БЫ СМЕШНО, КОГДА БЫ...»

Казалось бы, ну о чем тут вообще говорить? Ведь любому мало-мальски разумному человеку и так все ясно! Ан нет. Получается, что далеко не любому и отнюдь не ясно. И ежели с упорством, достойным лучшего применения, на всех углах оспаривать очевидное, возводя при этом в ранг истины заведомый абсурд, непременно отыщется благодарная аудитория, и соратники верные обязательно появятся. Примеров тому достаточно. И в прошлом, и в настоящем. Оттого разговор наш неспральный и весьма серьезный.

Лет пять тому назад, будучи в отпуске, я оказался в одном из райцентров ленинградской области, куда заехал ненадолго навестить родственников и друзей. Проходя как-то мимо газетного киоска я увидел на прилавке номер «Литературки», узнав, что он свежий, приобрел, ну и отправился восвояси знакомиться с его содержанием. Примерно через неделю, следуя тем же маршрутом, я попытался вновь купить эту всегда интересную для меня газету, к которой в далекие 70-е приобщил меня отец, бывший её постоянным читателем. Продавщица в ответ посмотрела на меня несколько непонимающе, но через мгновение в двух словах растолковала, что я был единственным, кто за последние полгода приобрел номер этой газеты, и, что менеджеры местного агентства по распространению печатных изданий перестали её заказывать. Вот так.

Примечательно, что аналогичная ситуация сложилась и у нас в Мончегорске. С той лишь разницей, что несколько номеров, поступающих в продажу, киоскеры даже на прилавки не выставляли, придерживая их для постоянных покупателей. Комментарии, сами понимаете, излишни. За прошедшие годы ситуация только усугубилась. И уж если мобильная по сути своей печатная периодика уступила информационное пространство электронным СМИ и масс-медиа, то о традиционных литературных изданиях и говорить не приходится. Объяснений этому найдется немало, но главное — очень уж легко и просто вещать в электронном виде. Сам себе редактор, издатель и прочая. Вышел в интернет и поливай! И аудитория-то неограниченная! А с традиционной книгой возни не оберешься, и с изданием, и с продажей.

Оно бы и ладно. Мы же не противники технического прогресса. Беда только в том, что современные информационные системы пока не столько помогают пользователю (а это, прежде всего, человек молодой и даже очень молодой), знакомиться с лучшими произведениями отечественной и мировой литературы, сколько уводят его в противоположную сторону, в мир литературных поделок, более похожих на комиксы, инспирированных буйной фантазией полуграмотных авторов. Такого рода

чительно всегда в выигрыше перед серьезной литературой — думать не надо, а думать — всегда трудно и не всегда для некоторых благодарно. К тому же появляется несчетное количество демагогов, чуть что — затевающих бесконечные споры на тему «что есть литература серьезная, а что — нет?» И где они, критерии и т.д. и т.п.

Данная ситуация наиболее угрожающая, если не гибельная, для классической литературы, и вообще для литературы реализма. Во-первых, классика — и русская XIX—XX вв., и советского периода (да и вообще — любая) — ни при каких обстоятельствах не относится к явлениям массовой культуры и поэтому не может быть использована для достижения коммерческой выгоды т.е. финансового успеха. И шоу особенного на такую тему не устроишь. Если так, то зачем вообще о ней толковать? Есть нынче такое модное понятие «не формат». Объясняет все, что угодно, в смысле — понимай как знаешь. Да и не интересует инициаторов разговоров о советской литературе, ежели таковые все-таки находятся, исследование сути явления. Большинству требуется взбудоражить аудиторию, устроить скандалчик, повысить собственный рейтинг, а следовательно — доход. Все просто в мире капитала. Во-вторых, жизненные коллизии, художественно раскрытые в классических произведениях инвариантны для любой эпохи, а значит, и в наше время эти произведения актуальности своей не утрачивают. И с ними приходится считаться, а это раздражает, ибо нужно либо создавать нечто с классикой сравнимое по уровню либо искать свои пути, свой стиль, почерк, либо «заткнуть фонтан», как предлагал Козьма Прутков. А как хочется быть властителем дум!!! Кстати, исследовать классику в качестве критика и литературоведа тоже очень кропотливое, трудоемкое и не приносящее прибыли в денежном выражении занятие. Проще сделать по-иному: объявив классику замшелым анахронизмом, углубиться, как вариант, в постмодернистские красоты, пересыпая их матерком, и прослыть экстравагантным эпатажным гением. И ведь сей процесс не вхолостую идет, он «поставлен на широкую ногу капиталистического гешефта». А именно — деньги каплют регулярно. А вы, батенька, о какой-то там классике! Ну и, в-третьих, не перевелись еще в странах «цивилизованных» богатыри мысли и духа, коим русская самобытная культура, и литература в частности — бельмо на глазу. И духовный *“Drang nach Osten”* идет непрерывно. В свете перечисленного (перечень далеко не полон, упаси Бог!) прежде всего под удар попадает именно русская литература советского периода. Уж больно она с виду уязвима и по статусу и по цвету, да и далеко ходить не надо. Вот она, на расстоянии вытянутой руки. Бери с полки и кромсай. А еще лучше, не вдаваясь в подробности, объявить, мол, на помойку ее! Все, дескать, по партийной указке делалось и под контролем известных органов. Чего там обсуждать, за редкими исключениями, только подтверждающими наши закономерные выводы. И тишина.

Начнем с того, что русская литература советского периода совершенно не нуждается в идеализации. Как всякое глобальное культурное явление она очень сложна, неоднозначна и неоднородна. Однако откровенное её шельмование, объявление сплошь «заказной» и подконтрольной официальной власти и, следовательно, не играющей в культурогенезе какой бы то ни было существенной роли, не выдерживает критики. Достаточно назвать трех нобелевских лауреатов и созданные ими произведения, что бы разом покончить с подобными рассуждениями. Ведь Пастернак, Шолохов и Солженицын не возникли из воздуха среди литературной пустыни. Отрицать их принадлежность к русской литературе советского периода не возьмется даже самый оголтелый новатор. К тому же, с учетом Бунина и Бродского, достижения отечественной литературы еще более весомы. И как после этого возможно рассуждать о незначительности русской классической и советской литературы? Я намеренно использовал в аргументации только нобелевские достижения наших писателей и по-

этов, поскольку они и для зарубежных оппонентов бесспорны, и своих демагогов-софистов лишают возможности очередного «ниспровержения». Все! Русская литература советского периода — явление мирового масштаба, объективно состоявшееся и не подвергаемое сомнению. Значит «сбросить Пушкина с корабля истории» не удастся никому, сколь ни старайся. Иное дело, насколько русская советская литература будет интересна «поколению младому, незнакомому»? Ведь разговоры разговорами, но самые убедительные аргументы в любом споре на заданную тему произведения, созданные советскими писателями и поэтами. Будут их читать? Да и вообще знать о них, хоть понаслышке? Прав уважаемый главный редактор, когда говорит об избирательном упоминании в СМИ «дозволенных имен», А остальные, они что, не настоящие? Или не стоят нашего внимания и внимания потомков Артем Веселый, Леонид Леонов, Николай Клюев, Павел Васильев, Юрий Кузнецов, Ольга Фокина, Анатолий Передреев, Юрий Казаков, Борис Примеров, Мария Петровых, Всеволод Иванов, Всеволод Кочетов, Константин Федин, Алексей Прасолов, Владимир Соколов, Леонид Губанов, Виктор Некрасов, Федор Абрамов, Василий Белов, Сергей Залыгин, Виктор Астафьев, Петр Проскурин, Виталий Маслов и многие, многие, многие замечательные писатели и поэты советской поры? Мощнейшие по масштабу дарования и созданным произведениям. И ведь что примечательно, когда начинаешь всерьез, ближе и подробнее знакомится с творчеством того или иного представителя советской литературы, идеологическая составляющая (а таковая несомненно присутствует, никуда не деться от общества в котором живешь) постепенно становится незначительной и отходит на второй план. А на первый выходят чисто литературные достоинства и недостатки конкретного произведения. И ты шаг за шагом изучаешь творческую эволюцию автора, рост его профессионального мастерства, смену, может быть, неких жизненных ориентиров, корректировку приоритетов. А это на самом деле интересно. Я, помнится, был поражен, когда после «Журбиных» и «Братьев Ершовых», написанных Всеволодом Кочетовым живо и увлекательно, прочел его последний роман «Чего же ты хочешь?», книгу в начале 80-х довольно редкую. Если честно я не узнал автора совершенно, почувствовав его усталость и, если хотите, разочарование, возможно, в том, что он делал доселе. А идеология? В конце концов, именно к советской литературе как нельзя лучше относятся строки Глеба Горбовского: «...Все перемелется, Энгельс и Маркс, Черчилль и Рузвельт, останется Русь». Обидно, если наши дети так никогда и не узнают, какая она была, «Россия, кровью умытая»? И что за чудо «Осень в дубовых лесах»? Не почувствуют эпического трагизма «Соляного бунта» и «Канунов», не поймут, не ощутят каково приходилось их дедам и прадедам «В окопах Сталинграда». Не оценят «Крутую дресву» и «Разлом». Вот именно это и станет настоящей трагедией. К сожалению одними техническими средствами подобные проблемы не решаются. Электронные библиотеки это очень здорово, но ведь интерес читательский, неподдельный они не создают. Преемственность культурной традиции необходима. Тут требуется отдельный разговор, выходящий за рамки нашего сегодняшнего.

Ну, а сегодня — что дальше-то? А дальше следует заметить, что мы приблизились к вопросу о том, что нам взять на вооружение «из арсенала русской литературы советского периода»? Абсурдность данного вопроса очевидна. Только начни мы отделять «злаки от плевел», как тут же и закончим, точнее — запутаемся и погрязем в собственных бесплодных выкрутасах. Поскольку при всей сложности и неоднозначности, и даже, если угодно, при всей разнонаправленности советской литературы, хирургическое вмешательство при её изучении не принесет ничего, кроме вреда. Только постижение явления во всем многообразии может дать нам представление о его сути, поможет оценить масштаб и значение для современников и будущих поко-

лений. Да и как вести отбор? И кто возьмет на себя сию напрасную миссию? Как определить систему отбора, сиречь — критерии? Ладно, предположим, что и критерии мы определили. Но тогда неизбежно придется, ничтоже сумняшеся, препарировать не только советскую литературу в целом, но и творчество каждого писателя, делая невозможным целостное восприятие его творчества. Ну, например, у Шолохова пришлось бы «Донские рассказы» в одну корзину определить, «Тихий Дон», понятное дело, особая статья. А для «Поднятой целины» еще одну емкость подыскать. И остальное растасовать в три группы. (А еще пронзительное шолоховское слово о Великой нашей войне!!!) И определить — вот это достойно внимания будущих поколений, а вот это — следует похерить и забыть навсегда. На выходе получаем неопределенной формы обрубков, не дающий никакого понятия о сути явления, в данном случае о творчестве писателя. Нонсенс. Ибо, повторяю, при анализе произведений советской литературы, идеологию необходимо отнести к вторичным признакам, на первое место выдвинув их художественные достоинства, актуальность темы, степень её раскрытия, особенности стиля, языка. Демагогия так называемых «антисталинистов» и всех иже с ними, кричащих о заказном характере советской литературы, о полной подконтрольности партийным органам литераторов той поры, «загнанных» в строй Союза писателей СССР, уводит нас от темы собственно литературы. Равно как и некритичное восхваление и возведение в абсолют, дескать, вот только тогда и было настоящее творчество, а сейчас... Вынужден еще раз сказать, русская литература советского периода не нуждается в идеализации, ведущей к превращению её в некую незыблемость, лишённую в конечном итоге права на жизнь. Вся прелесть этой литературы в сложности и многообразии, требующих по-настоящему научного аналитического подхода, серьезного и постоянного литературоведческого исследования, взвешенного и объективного. Просто это? Нет, это совсем непросто! Ведь серьезная критика и литературоведение также испытывают жесткий системный кризис. Но сие не означает, что мы должны нарвать из советской литературы нужных нам лоскутов и выбросить остатки на помойку. Итак, берем с собой все. Изучаем, разбираемся, оцениваем. И, помилуй Господи, просто-напросто читаем, не лишая себя собственной истории. Непозволительная это роскошь, точнее дурь, страшнее иной смертельной ошибки. И еще хотелось бы заметить, что пресловутый троцкистско-авербаховский РАПП был упразднен по инициативе того же Сталина. И очень вовремя. Этот шаг диктатора, кстати, вызвал живейшее одобрение не только в литературных, но и в театральных кругах. Например, во МХАТе, по свидетельству очевидца, «... все обнимались и поздравляли друг друга...» Доставалось, видимо, и очень жестоко доставалось писателям тех лет от рапповцев, коим даже Михаил Пришвин казался вредным и опасным. А создание такого творческого объединения, как Союз писателей СССР, и призывание из-за рубежа Алексея Максимовича Горького, шаг вполне понятный и по всем статьям для Сталина логичный. Подконтрольность творчества? Конечно. Но прежде всего в плане информативности, ибо знать, что творится в среде творческой, Сталину было просто необходимо. Это же единоличный хозяин всей страны, творец империи. Оттого-то и учреждение Союза писателей — шаг все-таки в целом созидательный, а никак не деструктивный. Особенно в сравнении с такими формированиями как РАПП и ЛЕФ.

К сожалению или к счастью, но публичные (и не столь уж частые) споры о судьбах отечественной литературы, в том числе советского периода, не «опускаются», за редчайшими исключениями, до таких тонкостей как обсуждение творческих методов создания литературных произведений. У нас ведь в определённом смысле и здесь анархия. Мне приходилось слышать залихватские сентенции, мол, да какие там методы? Не столь они важны! Главное, чтобы читатель клюнул!! А реализм или модер-

низм или другой возможный «...изм» — несущественно. Подобное безграмотное неуважение к творческому методу тоже явление времени. Не столь уж невинное явление. Важно ведь не только «что писать», точнее «о чем писать», но и «как писать». Конечно, большинству читателей нет никакого дела до творческого метода, оно и понятно. Но для нас-то данная тема, ох, как не безразлична! Тем более разговор о социалистическом реализме, являющийся по мнению уважаемого главного редактора, «дальнейшим развитием критического реализма», присущего классической русской литературе.

А ведь это вопрос! Я бы не взял на себя смелость, делать подобные заявления. Отчего? Да оттого, что считаю соцреализм, возникший, несомненно, на базе критического, творческим методом, не всегда и не вполне эту самую реальность отражающим. Или отражающим в искаженном свете, под нужным углом, а также, что, кстати, характерно и для советской историографии, помогающим и дающим право авторам говорить не всю правду, а давать её дозировано, все недосказанное превращая либо в мифологему, либо в несуществующее. И тут уже без партийной идеологии не обойдешься. Не упоминать о ней нельзя! Но так ли это? Возможно, я ошибаюсь? Предлагаю опереться не на теоретические выкладки, а на конкретные примеры. Их, конечно, тьма тьмущая, но конкретика нагляднее.

Самого беглого взгляда достаточно, дабы понять, что соцреализм в нашей литературе возобладал не сразу. Да и не все авторы им пользовались искренне и полностью. Тот же «Бронепоезд 14-69» Всеволода Иванова отнести к соцреализму, помоему, еще нельзя. Это очень самобытная повесть молодого тогда автора, прошедшего Гражданскую войну и передавшего в оригинальной, я бы даже сказал, уникальной, хоть и довольно смятенной, манере свои ощущения и свою память о той жуткой, но для него, несомненно, и прекрасной поре. По прочтении книги остается ощущение, что автор сам пока не очень-то отчетливо представляет характер произошедшего, ибо в повествовании эмоции являются инструментом передачи содержания самих событий. И «Ташкент — город хлебный» Александра Неверова едва ли вполне сложившийся соцреализм. А вот «Железный поток», где, по словам Серафимовича, он стремился отразить «...правду не фотографическую, а синтетическую, обобщенную», уже к означенному методу гораздо ближе. И правда там односторонняя, ибо нет в романе цельной картины трагедии всего русского народа и в том числе казачества, независимо от принадлежности к «белым», «красным», и быть не может. А есть весьма разношерстное по составу, практически люмпенизированное, деморализованное жуткими трудностями и лишениями войны околовоеинское формирование, в реальности именовавшееся Таманской армией, и предводитель Кожух, наполовину красный генерал Гош, наполовину Ксенофонт того же цвета, носитель единственно верного знания, что нужно делать. Безусловно, Таманской армии и оставалось только «иттить». Но кто сказал, что её анабазис описан правдиво? Сам Серафимович был, с позволения сказать, чрезмерно «прогрессивен» смолоду, да и сын его — комиссар Красной Армии в Гражданскую. Новой власти нужны были, как воздух, новые герои, и они были миру предъявлены. Вот и получается — «Старый мир из жизни вырос, развевайте мертвое в дым!» — непреложное правило тех лет, коснувшееся и литературного творчества, и прочно в литературе на долгие годы обосновавшееся. Опять-таки «кто не с нами, тот против нас». И третьего не дано. Но вспомним, что даже у витязя на распутье было на выбор три пути. А в соцреализме, указывающем, как нас учили, конструктивный способ и средства разрешения описываемых в произведении коллизий, только два, причем второй всегда неправильный и вредный. А разве не так? А разве «Тихий Дон» Шолохова при всех его бесспорных и гениальных литературных достоинствах, по большому счету правдив и объективен? И близко не было. Да, это

глобальное повествование, созданное талантливейшим писателем на реальной исторической канве. Ну, а в конкретике читателю откровенно навязана большевистская псевдогероика и воплощающие её в жизнь Штокманы, Бунчуки, Кошевые, и прочая, и прочая, и на вершине — Подтелков и Кривошлыков, готовые лить кровь народную до полной победы революции, готовые на любое злодеяние и погибшие довольно бесславно. Вопрос: почему читатель должен этому верить? Если на самом деле история протекала с точностью до наоборот? А самым большим «подвигом» ничтожества, именуемого Мишкой Кошевым, являются убийство деда Гришаки и «казнь» Петра Мелехова. Но как отвратителен автору полярный персонаж — Митька Коршунов, ставший олицетворением всего «белого» казачества, воплощенном в одной фразе: «Давай, я стрельну...» Кстати, судьба Григория Мелехова тоже отнюдь не во всем показательна. Ибо по окончании гражданской войны бывшие «красные казаки» стали поднимать восстания против советской власти, окончательно замордовавшей жителей Дона, и не только продрозверсткой и прочими зверствами. Я уже не говорю о том, что крестьянские восстания начались раньше и полыхали дольше. Одна русская Вандея — Тамбовская губерния чего стоила. Конечно, личная трагедия главных героев эпопеи показана не просто мастерски, а действительно гениально! Но ведь трагедия как «тихого Дона», так и всей России этим не исчерпывалась! Идеологическая же окраска произведения сомнений не вызывает. А вершина шолоховского соцреализма, несомненно, — «Поднятая целина». И вновь оговорюсь — у романа немало чисто литературных достоинств: от описаний природы до характерных типажей, подобных деду Щукарю, и жанровых сцен. Но мы сейчас о другом. О трагедии русского народа. О геноциде русских в процессе раскулачивания и коллективизации. О жутком преступлении коммунистической власти в отношении России. А разве роман в этом смысле объективен? Ничуть не бывало. Давыдов, Нагульников, Разметнов — богатыри духа, хоть порой с переклестами и недостатками; Половцев, Островнов, Тимоха Рванный, Лятевский — отрепье и ничтожество, мешающее народу строить «новую» жизнь, и сметаемое с лица земли самим ходом истории. И «никаких гвоздей!» Только так и никак иначе! Тем не менее, читать роман интересно! Язык живой! Вот где скрыта громаднейшая трагедия таланта Михаила Шолохова! Трагедия всей жизни этого выдающегося художника, кстати, в письмах Сталину живописавшего порой совсем другие, нежели в «Поднятой целине», подробности «новой» жизни. Да и какая «целина» оказалась «поднятой» на самом деле? Сплошь и рядом истребление народа, уничтожение не кулаков, а всего крестьянства, настоящего, трудового — истинной элиты российской. Я не собирался и не собираюсь ставить под сомнение ни гений Шолохова, ни масштабность и значимость его творений. Но вместе с тем я глубоко убежден в следующем: изучение творчества любого большого художника должно быть всесторонним и нелицеприятным. Человеку свойственно ошибаться. И гению тоже. Другое дело, что ошибки гения могут быть тоже гениальны.

А теперь давайте обратим взор на совершенно иные произведения. На «Кануны» Василия Белова, например. Можно ли называть этот великолепный роман, как, впрочем, и все творчество мастера, социалистическим реализмом? А произведения Виктора Астафьева, начиная с «Кражи»? А «Пряслины» Федора Абрамова? А все, созданное Валентином Распутиным? Я уже не говорю о Шаламове и раннем Солженицыне. И, если это тоже соцреализм, то определение сие никоим образом не функционально, ибо трактуется слишком широко. Нельзя же определить, что соцреализм — это все написанное в эпоху СССР! Сами авторы порой ухитрялись в одном произведении быть абсолютно разными, являя читателю то истинную заботу о будущем родной земли, то потрясающие примеры мракобесия. Яркий пример — «Память» Владимира Чивилихина. Когда автор повествует о сохранении русского исторического наследия, как

то храм Параскевы Пятницы в Чернигове или малоизвестные страницы судеб декабристов, находившихся в ссылке от Михаила Лунина до Павла Выгодского — это действительно впечатляет. Опять-таки именно из «Памяти», прочтенной в юности, я узнал об Александре Полежаеве и Владимире Соколовском, наглухо забытых в XX веке. Но когда начинается откровенное шельмование и довольно безграмотное, огульное оплевывание Льва Гумилева и его теории этногенеза, от возникшей было симпатии к автору и даже уважения не остается и следа. Во гневе праведном обличитель, будучи дилетантом в истории, обвиняет оппонента в лженаучной ереси, исходящей из «географического детерминизма» Монтескье; по всей видимости, не прочитав толком ни одной книги Гумилева-сына. Даже в те далекие годы при первом знакомстве с романом читать эту отповедь было очень неприятно. А уж познакомившись с трудами и жизнью Льва Николаевича, я тем более считаю клевету Чивилихина абсолютно неприемлемой и в человеческом, и в литературном аспекте. Но в целом, если вдуматься, для самого автора все очень логично. Гумилев никоим образом не вписывался в советскую действительность, вот его и следовало охаять. Это ведь тоже черта соцреализма — этакий объективный, якобы, подход. Показаны и положительные, и отрицательные явления жизни, во всем их многообразии и взаимосвязи. Замешан где-то божий дар с яичницей? Не беда. Сойдет. Главное — верную линию соблудости. К счастью, подобным образом рассуждать и писать могли далеко не все. Вот и получалось изначально, что как творческий метод, соцреализм весьма сложен, неоднозначен, а для многих мастеров слова просто инструмент обхода цензуры. Спорно? Конечно же, спорно! Так ведь у нас же дискуссионное обсуждение. И я ни в коем случае не хочу что-либо и кого бы то ни было ниспровергать. И абсолютно согласен с автором очерка, когда он говорит, что Гладков, Кочетов, Шагинян и многие другие советские писатели и поэты творили по велению души. И вообще, что было — было. Давайте относиться к прошлому внимательно и с пониманием. Однако с пониманием и подразумевает разностороннюю оценку. А не пустое прославление или полное отрицание вне исторического контекста.

В этой связи очень интересными мне показались обобщения в виде «четырех уроков советской литературы». Хочу кратко на них остановиться.

Относительно первого урока, а именно интернационального характера советской литературы «по определению, соцзаказу и внутренним убеждениям писателей» возражений нет и быть не может. Но от использования терминологии советской поры в наше время я бы воздержался. Уважаемый главный редактор выражает вполне понятную мысль, противопоставляя определение «писатель-интернационалист» всевозможным проявлениям ксенофобии в литературе, и, конечно же, в общественной жизни страны. А разве ксенофобия когда-нибудь являлась чертой русского характера? По-моему, наоборот, русскому народу ксенофобия во всех её видах была абсолютно чуждой! Именно поэтому Россия никогда не была колониальной державой, освоив громадные территории за Уралом вплоть до Аляски и Калифорнии без кровопролития и геноцида народов, их населяющих. Уж если кто на ниве ксенофобии и преуспел, так в первую очередь романо-германский суперэтнос, о чем и сказал впрямую Шпенглер в «Закате Европы». Понятие же «интернационалиста» со времен Гражданской войны оставило о себе России жуткую и кровавую память, ибо именно интернациональные отряды в ту пору действовали с особой жестокостью по отношению не только к «белогвардейцам», но и к мирному населению. И продолжали выполнять свои палаческие функции в начале 20-х годов в составе Частей особого назначения, сокращенно ЧОН, действия которых были направлены, прежде всего, против русских, хоть и не только. Яркий пример — «чоновец» Аркадий Гайдар в Хакасии. Оттого-то и неприемлемо для меня определение «интернационалист». Вместе с

тем считаю преступным любой розыгрыш «национальной карты», не приносящий народам ничего, кроме новых страданий и кровопролития. Повторяю — ксенофобия явление не русское!!! Но никто не лишит нас права гордиться тем, что ты русский, гордиться Россией.

Декларированная во втором уроке бесклассовость советской литературы также является очевидной. Особенно, если принять во внимание то беспримерное кровавое упорство, с каким советская власть эти самые классы уничтожала до полного искоренения. И преуспела в этом. Какие уж тут могут быть классы. Согласен, что разделение на рабочих, крестьян и интеллигенцию — не более чем условность. И с утверждением об отсутствии классового разделения в современном российском обществе согласен. И с тем, что «крики» в СМИ о существовании пресловутого «среднего» и прочих классов России сегодня — просто очередная мифологема. Группы, группировки, социально-экономические, финансово-промышленные или какие-то еще, да, они есть. А классов нет и не может быть. Класс должен обладать кроме всего прочего поведенческими традициями, которые обусловлены общими принципами психологии и морали. А для их формирования необходимы, как минимум, историческое время и благоприятные условия. Но и при отсутствии сложившихся в обществе классов несомненно утверждение о «художественном воплощении позитивного и негативного в рамках (христианской в своей основе) морали» для современной литературы. Но ведь это урок-то классической русской литературы, а не собственно советской! В русской литературе советского периода данный творческий метод применялся широко, только не всегда искренне.

Третий урок — «о народности русской литературы периода соцреализма». Да, эта литература для народа и о народе. Народ — главный герой советской литературы. И вот здесь считаю любые «но» и «однако» неуместными. Точнее — третестепенными. И лучшие произведения современной литературы ведь тоже обладают качеством «народности». Опасность негативного влияния на широкие читательские круги «компьютерного чтения» от «фэнтэзи» из разряда «что хочу, то и ворочу», и бульварных детективчиков с мелодраматическими инспирациями до поверхностных «философических» компиляций, вполне понятно, существует. И все-таки есть надежда, что истинное художественное слово своего значения не потеряет. Ведь именно оно и является отражением нашей жизни, человеческой души, разума и даже безумия.

Четвертый урок о высочайшем уровне советской военной художественной литературы также бесспорен. Произведения авторов-фронтовиков сегодня, без преувеличения, бесценны.

Они во многом очень разные, но одинаковы в главном — в описании величайшей трагедии и величайшего подвига народа, уничтожившего фашизм, в рассказе о человеческих впечатлениях и ощущениях на войне, о чудовищной природе и злодеяниях войны, которая не должна повториться. Да, по прошествии времени все видится и воспринимается во многом иначе. Но разве могут и сегодня кого-то «не зацепить» такие, например, строки: «В красном сне, в красном сне, в красном сне бегут солдаты, те, с которыми когда-то был убит я на войне» или «Я убит подо Ржевом...»? Сейчас писать о войне невероятно трудно. Причин тому немало. Главная пожалуй состоит в сложности формирования исторически сбалансированного, объективного взгляда на Великую Отечественную войну, как, впрочем, и на любые иные войны и конфликты, в которых участвовал русский солдат. Но неизменным остается беспримерный народный героизм, не показной, не лубочный, сопряженный с великими жертвами и великой любовью к родной земле.

Непрофессиональные, как правило, попытки пересмотра результатов Великой Отечественной на руку именно «нашим злейшим друзьям», пытающимся навязать России

западноевропейские стандарты жизни и мышления. Но это проявления извечного «*Drang nah Osten*» и наивно было бы ожидать от «мистеров и сэров» чего-то иного.

Итак, безоглядная хула, равно как и хвала, бесперспективны, ибо не дают возможности объективной оценки любого явления. А значит — не позволяют определить его значение в жизни отдельных людей, а также народа и страны в целом. И нам нельзя быть столь беспечными и расточительными по отношению к русской советской литературе. О ней можно и нужно спорить, её необходимо изучать и просто читать, её обязательно нужно уважать и ценить. Иначе мы вновь наступим на канонические «грабли», отказавшись от значительной части своего же культурно-исторического наследия. И никакое это не «смелое новаторство» получится, а непоправимая ошибка, граничащая с преступлением против будущего. Вот это действительно страшно. Жаль только, не всем и не всегда понятно. Аберрация близости, знаете ли, штука коварная. И очень часто благодаря ей сиюминутное представляется вечным. Но разрушение никогда и никому не приносило пользы, не говоря уже о счастье.

И еще одна реплика. Попытку Минобрнауки объявить Литературный институт «неэффективным» считаю открытой диверсией, направленной против отечественной культуры. И не столь важно, что явилось причиной этого шага. Да что бы ни было, чиновное ли головотяпство, интерес ли некоего олигарха заполучить здание института в личную собственность или нечто иное! Вынесение подобного вердикта — конкретное зло, ибо среди творческих ВУЗов нашей страны Литинститут уникален. И в мире он аналогов не имеет. Это «школа литераторов», где им, прежде всего, прививают глубоко профессиональное отношение к творческому процессу, учат настоящему ответственно и вдумчиво работать со словом и отвечать за каждое свое слово. Любой здравомыслящий человек понимает, что значение литературы для жизни народа и страны невозможно выразить финансовым эквивалентом. А упразднение Литинститута направлено, прежде всего, против нашего с вами будущего. И требует немедленного противодействия, решительного и конкретного.

А вот насчет книжных магазинов могу даже похвастать — у нас в городе их аж целых два! Один более или менее стоящий. Поэтому закончить статью придется так же, как Хемингуэй «Фиесту»: «Да, этим можно утешаться, правда?»

*Вадимир Трусов, г. Мончегорск
Мурманской области*

К НОВОМУ «ЗОЛОТОМУ ВЕКУ»!

«Литература, как и любой другой вид творчества, есть неизменный спутник человека в его эволюции»*. И действительно, охватывая взглядом весь культурный период истории человечества, мы видим, что это так. Причем с давних лет и до наших дней были многочисленные периоды падения и взлета литературы в разных цивилизациях и странах, впрочем, как и культуры вообще.

Обратимся к нашей истории, в частности к периоду, следовавшему за активными петровскими и более мягкими екатерининскими реформами. Государство укрепилось, наступило время передышки, и открылись возможности для занятий иного рода, в том числе и литературой. В это время продолжала формироваться та корневая

* Алексей Яшин. «Постлитературный период жизни человечества: оптимисты и пессимисты». (Простим рассматривать изложенное как дополнительный исходный материал к дискуссии, объявленной в предыдущем номере «Приокских зорь» (см. № 1, 2013 г.): «Не хватит ли «сбрасывать Пушкина с корабля истории?» — прим. А. Я.).

система русской культуры, которая и дала всходы и обильный урожай — взрыв творческих сил народа,— «золотой век искусства России» (конец XVIII и начало XIX в), связанный со славными именами М. В. Ломоносова, Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Н. В. Гоголя. В эту эпоху большое влияние имел классицизм — направление, опиравшееся на мифологию, искусство и литературу Древней Греции и Древнего Рима. Классицизм очень ярко выразился в архитектуре того времени. Здания имели пропорциональное и симметричное строение, гармонию между частью и целым. Подобные свойства наблюдались в живописи и литературе.

Пушкину и Гоголю воспоследовали соответственно: известные поэты *пушкинского круга* и Д. В. Григорович, А. И. Герцен и молодые И. С. Тургенев с Ф. М. Достоевским, которые, опираясь на достижения своих учителей, пошли каждый своим особым путем. Далее наступает время не менее «золотого» мирового феномена *русской литературы* второй половины XIX века и рубежа веков. Но в эти же годы происходит разделение в обществе и, естественно, литературе на славянофилов и западников — от умеренных либералов до революционных демократов, и ощущается неустойчивость существующего положения вещей.

Другой период творческого взлета был в начале XX столетия, между двумя революциями, и назывался он «серебряным веком». В области литературы, безусловно, яркими звездами проявились многие литераторы, их имена на устах. Но если в ранее упомянутом нами периоде общий расцвет литературы шел в едином русле и на фоне стабильного — если не считать печальной истории краткого царствования Павла I и выступления декабристов — состояния государства и народа, то в период «серебряного века» ситуация была совсем иной. Атмосферу в обществе, а соответственно и в литературе, пропитало стремление к борьбе, бунту против всего и вся, даже против самого государства и его устоев: Православия и других традиционных религий, патриотизма, государственных институтов, народных традиций — против всего уклада жизни,— в том числе во многом и против критического реализма как такового в литературе. Каких направлений только не было в тот период! Как грибы после дождя, в литературе и искусстве появились акмеисты, футуристы, символисты, авангардисты, примитивисты, кубисты и пр. и пр. В «золотом веке» творческих людей объединяло, прежде всего, стремление к духовной свободе — к свободе «для чего» — и сострадание к народу, а в «серебряном» — преобладало сознательное, а чаще бессознательное, стремление к индивидуальной, эгоистической, сиюминутной свободе — свободе «от чего» — и спекуляция положением народа для своих целей, вплоть до обретения власти. В литературе, как, впрочем, и во всей культуре, это проявилось в тотальном разъединении, разброде, безыдейности и всеядности. Можно ли назвать в этом случае данный период творческим расцветом? — Думается, что нет. Это, скорее, период кризиса, упадка, ибо ему сопутствовало и далее все возрастало падение нравов и дисгармония во всей общественной и культурной — вплоть до государственной — жизни страны, что и привело к катастрофе. Чем все это закончилось для литературы, мы уже хорошо знаем — Пролеткультом и комиссией Луначарского—Крупской. Литературная жизнь 20-х гг. была сложной. Тогда работало много талантливых прозаиков и поэтов, но лидировала, конечно, поэзия. И если по форме все во многом оставалось прежним — как в начале века тон задавали литературные кружки: символисты, футуристы, акмеисты и пр., а также действовали новые кружки и объединения,— то соперничество их между собой ныне часто имело политическое содержание. И так продолжалось до середины 30-х годов.

Что же произошло затем? Не вдаваясь в вопросы политики и идеологии, мы видим, что у писателей (у тех, кто остался в стране, естественно), принявших, в общем,

идеологию или смирившихся с ней и с установками сверху, на фоне все более утверждающихся стабильности государственной и народной жизни, было то же стремление к внутренней духовной свободе и к хорошему деланию для народа. И еще одна параллель с *«золотым веком»* — архитектурный стиль, довлеющий к эпохе классицизма, в то время как в мире преобладала мода на функционализм, с его многоэтажной застройкой упрощенной формы, с отказом от уникальности и неповторимости архитектурного образа, если говорить об урбанистическом направлении, и дезурбанистическое — со строительством небольших городов-садов со свободной планировкой и с жилыми домами индивидуального плана.

Наличие ряда признаков того, прошлого *«золотого века»* имело место быть несомненно. И, главное, после «бунта», который был в начале века, и расцветшей вседозволенности 20-х гг., конечно, в рамках Пролеткульта и не на ночь будь упомянутой комиссии, все более или менее слились в едином порыве — построить великую, просвещенную, развитую, светлую и социально справедливую страну. И не секрет, к слову сказать, как И. В. Сталин буквально «возился» с писателями, порой спасая их от наказания. Это хорошо видно из истории с О. Мандельштамом, после написания и озвучивания им стихотворения «Мы живем, под собою не чуя страны...»^{*}.

Для развития советской литературы как необходимого элемента в строительстве новой страны, литературы, основанной на классической русской, для развития соцреализма как части на этом этапе русского критического реализма был создан Союз писателей СССР. Стала восстанавливаться литературная среда, озабоченная не тем, о чем говорилось ранее в отношении «серебряного века», а другими целями — возрождением и дальнейшим созданием страны, культурным и социальным развитием народа.

И результат не замедлил сказаться — была создана советская литература как закономерная часть всей великой русской литературы. И мы гордимся теми, кто создал ее, и пришедшими вслед им. По праву можно назвать этот период *золотым советским веком* нашей литературы.

И, наконец, четвертый период, о котором хочется сказать, — это период, наступивший после крушения СССР. Когда происходившее в области литературы — декаданс, разброд, размывание культурных ценностей и бунт — в начале прошлого столетия, кажется просто игрой младенцев по сравнению с возобладавшем всеобщим освобождением от всего и вся, беспредельной вседозволенностью, что привело уже даже не к *«медному веку»*, а практически к полному разрушению культуры — и литературы, в частности, как таковой. Ведь первое, что сделал затем рынок, — наложил на культуру «свою лапу», то есть определил новейшие правила, когда перспектива любого литературного произведения (раз уж мы говорим о литературе) зависит от того, быстро ли оно принесет наличную прибыль, независимо в какой валюте.

Таким образом, мы видим четыре периода в истории русской литературы на протяжении более чем двух столетий, сменяющих один другой по принципу чередования *«плюс-минус»*. Поэтому если, основываясь на этом наблюдении, провести историческую аналогию, то вслед за нынешним состоянием литературы должен начаться ее подъем и дальнейший расцвет.

Похоже, в истории человечества, как и в жизни каждого человека, действуют две программы: одна, влекущая к духовному совершенству, и вторая — испытующая. Это данность, от которой не уйти. Посему никоим образом и никогда нельзя успокаиваться, почивать на лаврах — это при хорошем положении дел. А уж тем более — при плохом.

«Полагаю, мы не принизим предмет литературы, равно как и любого вида худо-

^{*} Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009-2011. Т. 1. Стихотворения / Вступ. ст. Вяч. Вс. Иванова, подг. текста и комм. А. Г. Меца. 2009. 808 стр.

жественного творчества, если определим его роль в эволюции человека как потребность в идеализированном умозрительном исправлении реальности», — пишет главный редактор журнала «Приокские зори».*

Человеческая жизнь коротка. Но если в детстве и подростковом возрасте она воспринимается протяженной далеко в будущее, то в зрелости — каждый год на счету. А периоды исторические — и взлеты и падения литературные в том числе, могут длиться и, как правило, длиться в течение времени, соизмеримого и гораздо большего, чем человеческая жизнь. Отсюда и кажется, что это — окончательно, бесповоротно, катастрофично, неисправимо и так далее. Тем более если это произошло, как у нас в стране, с «космической скоростью». А если это еще и явление глобальное, как и действительно сейчас происходит с литературой и культурой вообще во всем мире, то это глобальное крушение всего и вся, назвать можно постлитературным, посткультурным миром и так далее.

Да, это — упадок, провал, период девальвации большого числа ценностей, созданных веками Православия и более чем двумя веками развития великой русской литературы. Но думаю и верю, что это и период собирания новых сил, период накопления потенциала перед следующим — памятуя о диалектике спирального развития, — творческим витком на более высоком уровне сознания и самосознания и нашей истории с литературой, и всего, что произошло с нами, и нашего предназначения. Вопрос только в том, сколько времени этот последний негативный период продлится? Этого не знает никто. Но поскольку Бог ничего не делает без участия человека и без учета состояния наших душ, очень многое будет зависеть от каждого из нас — будем ли мы сидеть и бесконечно плакать *«на реках Вавилонских»*, бессильно поругивая *«плохих людей»*, или же будем уже сейчас, невзирая на известные трудности и препятствия, ежедневно трудиться душою и разумом, созидавая по крупице будущий период великой русской литературы. Писатель постлитературной поры все же должен писать не «постлитературно», а так, как будто он живет в *«золотом веке»*. Все зависит от каждого из нас. Да, *«Нам не дано предугадать, // Как слово наше отзовется...»* — сказал 1869-м году в своем стихотворении без названия Ф. И. Тютчев**. Но чем большего уровня писатель, тем больше его роль, тем больше его ответственность за каждое сказанное и написанное слово. Добавим — и дело. А дела, как известно, всегда должны соответствовать словам, и наоборот.

И еще, удивительно, что те, кто должен по идее объединяться, тем более, сейчас в постлитературный период со всеми его характеристиками, так профессионально точно изложенными в «Колонке главного редактора»***, — эти должныствующие разъединяются со своими единомышленниками и разъединяют всеми мыслимыми и немыслимыми способами их между собой. Здесь можно много говорить и о нетерпимости, неблагодарности и беспамятстве. Можно сколь угодно долго говорить: «Вкусно, вкусно!..», сидя перед пустой тарелкой, но от этого сыт не будешь. Разобщенность даже в среде литературных соратников и душевный голод никоим образом не способствуют преодолению кризиса, преодолению постлитературного периода и переходу в великолитературный.

Когда же начнется переход из постлитературного в великолитературный период? Только тогда, когда после принятия четкой государственной программы развития культуры и в частности литературы — по примеру конца 30-х годов века минувшего — и, как это ни парадоксально звучит, выстраивания четкой чиновничье-бюрократической системы.

* А. Я. Cit. op. c. 4.

** Федор Тютчев. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону, «Феникс», 1996.

*** «Колонка главного редактора»: «Не хватит ли «сбрасывать Пушкина с корабля истории?». «Приокские зори», № 1, 2013 г.

тической структуры в этой сфере жизнедеятельности (без нее никак...), которая будет организовывать — тормозить и «бежать телегой перед лошадей», тем самым и мешая, и своеобразно помогая развитию этого процесса.

Что бы можно взять из литературы советского периода? Литературу любого периода нужно брать, на мой взгляд, всю, во всей ее совокупности. И из советской — все: от М. Шолохова и А. Платонова до В. Белова, от А. Ахматовой и М. Булгакова до В. Распутина и В. Астафьева, от мастера пейзажа М. Пришвина до романтика К. Паустовского, от Н. Клюева и С. Есенина до О. Мандельштама и Б. Пастернака, от В. Маяковского до А. Вознесенского, от ранних наивных опровергателей веры в литературе до Л. Бородина и В. Крупина.

Нужно брать всю литературу. Почему? Давайте обратимся к Пушкину, и позвольте спросить, кто бы знал об Александре Сергеевиче, если бы совсем не было читающей публики. Полное отсутствие читателей — это гибель для литературы — пиши не пиши. Но писатель и обобщенный читатель — это два полюса литературной среды, а между ними большая градация писателей — людей, делающих свои небольшие опыты в области сочинительства, и более плодотворные, но не признанные, и признанные, но по уровню стоящие на различных ступеньках одаренности — ближе к гению или дальше от него. Вот благодаря всей этой читательско-писательской среде, в которой есть подвижники и организаторы литературной жизни, и видны гении и таланты. Ведь нельзя же с картины художника убрать все и оставить, например, только какое-нибудь одно лицо, купол храма или солнце, без утраты всей картины, как таковой.

* * *

А хорошему писателю, пусть даже и гениальному, негоже впадать в гордыню, ибо сие есть большой грех. И хорошо бы не забывать о личной ответственности за состояние этого самого литературного процесса по принципу — если не мы, то кто же? — на котором (и не на каком другом) стояла, стоит и будет стоять литература, ибо кому больше дано, с того больше и спрос. Как раз в советский период с литераторами занимались серьезно, и занимались именно мэтры от литературы, не в пример нынешнему времени.

*Яков Шафран, г. Тула, лауреат всероссийской
литературной премии «Левша»
им. Н.С.Лескова*

ЧАСТНОЕ МНЕНИЕ ОПТИМИСТКИ

Давным-давно, то есть в советские времена, показателем социальной успешности являлись хрусталь, ковры и книги. Прилавки книжных магазинов, в отличие от продуктовых, не пустовали. Но книги, которые действительно можно было читать, распределялись по месту работы, чаще всего доставаясь начальству, обменивались на макулатуру, или приобретались по «блату», тут уже огромную роль имело наличие знакомого продавца. Наиболее удачливыми считались те граждане, кто смог подписаться на полное собрание сочинений, имя автора особого значения не играло, брали всё. В нагрузку к толстым художественным журналам выдавали подписку на газеты «Труд» или «Известия», то есть путь к обладанию самыми интересными книгами был довольно извилист.

В некотором плане спасали библиотеки — городские, школьные, областные, из которых я не вылезала, читая все подряд, пугая по выходным бедных библиотекарей

требованием найти мне что-нибудь такое, с чем я еще не познакомилась.

Получив предложение поучаствовать в дискуссии, я с энтузиазмом, а кому не хочется вернуться в прошлое, пусть даже и в воспоминаниях, ринулась перебирать в памяти названия книг, составляя некое подобие списка. Перечень детских книг получился длинный, пестрый по жанрам и вполне интернациональный. Там и «Партизанка Лара», и «Четвертая высота», и стихи Маршака с Агнией Барто, и рассказы Гайдара, и «Большой оркестр» Бикчентаева...

Начитавшись всей этой гремучей смеси, я выросла иронично-романтической барышней с типичной женской логикой, в результате чего оценивать литературный вклад советских авторов могу только эмоционально: нравится, не нравится.

Детские книжки тех лет, несмотря на однообразие тем, замешанных в противовес буржуазной морали на коммунистической идеологии, мне нравились практически все, жизнь в них казалась прозрачной, совсем не страшной и предсказуемой. Все разложено по полочкам. Но, как правило, преобладали две грани — черное и белое. Много позже выяснилось, что оттенков больше, а мир куда как красочней и сложнее.

Благополучно перебравшись из детства во взрослую жизнь, своего пристрастия к книгам я не оставила, только отбор стал жестче, поэтому не все прочитанные авторы перебрались вместе со мной в современность.

Сегодня у меня в первых рядах, вперемижку с мировой и отечественной классикой, стоят на полках, тесно прижавшись друг к другу: Саша Черный, Михаил Булгаков, Виктор Конецкий, братья Стругацкие, Довлатов, Владимир Орлов, поэты Серебряного века, Аксенов. Евтушенко... Во втором ряду спрятались Рюрик Ивнев, Катаев, Михаил Веллер, Зощенко, Тэффи, Вадим Шефнер, Иван Ефремов и многие, многие другие.

Не берусь судить о литературных достоинствах или, возможно, недостатках любимых книжек, это удел критиков, скажу только одно — все они продолжают волновать меня и сейчас, сквозь их тексты по-прежнему проступает жизнь, приоткрывая все новые и новые грани.

А вот некоторые книги, не слишком актуальные, скучные и не имеющие оригинального творческого почерка, не пережили генеральной уборки, оказавшись давно на свалке. Их авторов называть не стану по одной простой причине: у всех читателей имеются свои личные пристрастия, и то, что мне показалось отжившим, недостаточно интересным, кого-то продолжает радовать.

Мне очень нравится современная проза. Несмотря на то, что сейчас господствует совсем другой литературный вкус, в котором, как, впрочем, и в советской литературе, при желании можно разглядеть идеологическую направленность, примитивный язык, упрощенную картину мира, я точно знаю, что есть авторы, чьи взгляды, знания и философия жизни мне близки, понятны, заставляют сопереживать.

Никогда раньше у меня не было такого запаса непрочитанных книг как сейчас, причем, на любую тему, и не обязательно в бумажном традиционном исполнении, есть и другие варианты.

Публицистика, фантастика, исторические романы, психология, многообразие прозы и поэзии — всё доступно. Понятно, конечно, что всё это разного качества и художественной ценности, но, вот что важно, у меня теперь есть выбор.

Отделив свои личные пристрастия как читателя, на вопрос «Что нам следует взять из русской литературы советского периода?» отвечу, наверное, так: «Всё и ничего».

Поясню парадоксальность своего ответа: как мне кажется, что четких критериев, по которым можно оценить достоинство той или иной книги нет. Иногда читаешь текст, вроде бы и грамотный, с правильно выстроенным сюжетом, точно выверенными фразами, а не цепляет. И наоборот, пара стилистических ошибок, некоторая нечеткость очертаний, да и тема не слишком актуальная, но не оторваться.

Мне кажется, что не стоит навешивать ярлыки: это — «литература», а вот это —

«графоманская поделка». Право на существование имеет любой текст, за исключением совсем уж чернухи, главное, чтобы люди находили то, что им нужно в данный момент и не забывали читать, пусть даже комиксы, если они соответствуют их уровню восприятия.

На вопрос «Что нам следует взять из русской литературы советского периода?» можно ответить и по-другому, конкретизировав несколько понятий.

Если допустить, что под словом «что» скрыт интерес к конкретным книгам или авторам, ответ прост — каждый легко составит свой список предпочтений.

Если «что» — это вопрос о качестве литературы, как одном из видов искусства, то, наверное, можно поговорить о талантливости, правдивости, авторской манере или социальной значимости какого-то конкретного произведения, но любое мнение все равно будет субъективным.

Если «что» — это вопрос о технической стороне книгоиздания и обустройстве писательских союзов, то в отличие от советских времен сегодня большинство авторов предоставлены сами себе и решают (или не решают) проблемы издания своих произведений в соответствии с собственным вкусом и материальным положением.

То же самое можно сказать о местоимении «нам». Нам — это кому? Читателям, писателям, издателям, стране? Боюсь, что тема слишком сложна и обширна, чтобы уложить ее в несколько страничек.

Надеюсь, что современная книга, пройдя некоторую неизбежную трансформацию, выживет и сохранит лучшие традиции не только советского прошлого, но и добавит что-то новое, присущее только этой стремительно меняющейся эпохе.

Татьяна Рогожина, г. Тула

ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА НЕ СТОИТ ОТКАЗЫВАТЬСЯ

В литературе России послереволюционного периода под толстым слоем идеологии и политики всё же сохранилось и живет вечное содержание...

И. А. Ильин — православный философ и писатель

Литература советского периода подвергается сегодня такой же ревизии и критике, какой в советское время подвергалась классическая. Вспомним хотя бы требование «сбросить Пушкина с парохода современности», прозвучавшее уже в первые советские годы! Всерьез обсуждался вопрос: нужны ли нам Толстой, Гоголь, Щедрин и другие классики? И только когда «сверху», из уст самого вождя, прозвучало: «Нужны!» — все стало ясно. Однако нужны оказались далеко не все. Не нужными, вредными для советских людей много лет числились: Бунин, Есенин, Андрей Белый, Александр Солженицын, Борис Пильняк и многие другие, не говоря уж о Зинаиде Гиппиус, Дмитрие Мережковском, Николае Бердяеве, Иване Ильине. Этих вообще иначе как «белогвардейцами» и «антисоветчиками» и не называли! Официозные литературоведы, увенчанные докторскими степенями и даже званиями академиков, бдительно стояли на страже нашей с вами идеологической чистоты и нравственности. Борис Леонидович Пастернак, которому тоже здорово от них доставалось и чьи произведения, особенно роман «Доктор Живаго», рьяно осуждались не только писателями, но и «всем советским народом», в большинстве своем этот роман и не читавшим, — так вот Борис Леонидович с горькой иронией говорил об официозных критиках:

Не знал бы никто, может статья,

*В почете ли Пушкин иль нет
Без докторских их диссертаций,
На все проливающих свет!*

Сейчас ситуация перевернулась: в стране победившего (во всяком случае, из всех сил пытающегося победить!) капитализма столь же придирчиво перетряхивают советскую литературу. Многие произведения ее исчезли из школьной программы без всякой надежды когда-нибудь туда вернуться. Зато того же «Доктора Живаго» изучают, по нему снимают фильмы и пишут докторские диссертации, «на все проливающие свет»! Дискуссия о том, что из советского литературного наследия стоит взять нам с собою, а что отвергнуть, достигла довольно высокого градуса. Критики советской литературы говорят о её излишней идеологизированности, политизированности, о прямолинейном, «лобовом» дидактизме многих произведений. Доля истины в таких суждениях присутствует. Однако в советской литературе есть не только Кочетов, Марков, Сафонов или Чаковский, там есть и другое — то, что выдающийся религиозный философ и писатель двадцатого века, наш соотечественник (кстати, изгнанный из СССР) Иван Александрович Ильин назвал «вечным содержанием». Что же это? Давайте посмотрим и попробуем найти это вечное в классических произведениях советской литературы.

Вячеслав Алтунин, г. Тула

ДОПОЛНЕНИЕ К МАТЕРИАЛАМ ДИСКУССИИ

***От редакции:** Мы получили материалы Ольги Шаховской-Пономаревой и Иосифа Руховича, по своему содержанию относящиеся к дискуссии 2012-го года. Однако мы сочли возможным их опубликовать в настоящем разделе, ибо обе дискуссии — прошедшая и нынешняя — во многом пересекаются.*

Почему-то бумага, а я в этом уверена, располагает не только к большей открытости, чем «железо», но и дисциплинирует авторов, способствует обстоятельному отношению к стихотворчеству или написанию прозы. «Рукописи не горят», и, как мне кажется, это заставляет многих авторов работать качественнее. И такая работа, как при цепной реакции, стимулирует ассоциативное мышление. Оно, в свою очередь, опираясь на память, индивидуальный опыт пишущего, на чужой опыт из ранее прочитанного, на опыт близких людей, подсказывает подчас литературные приемы, например, сравнения, метафоры и др., позволяющие точнее охарактеризовать героев, полнее раскрыть заявленную в произведении тему. Вводимые в повествование новые детали, образы дают возможность рассматривать описываемых героев и происходящие события в многомерном пространстве.

Кроме того, будь то поэт или прозаик, серьезно относящийся к творчеству «перед лицом чистого листа», благодаря знаниям, приобретенным в школе, следит за орфографией, начиная с черновиков, если, конечно, ему с детства привили любовь к родной речи, показали красоту и мощь русского Слова, подкрепляя примерами из классической отечественной литературы, или он сам пришел к этому в процессе личного самоусовершенствования.

Общение человека с машиной, думаю, происходит на ином потребительском уровне.

Что касается общественных литературных сайтов (имен не называю), большинство тамошних авторов появляются «в чести» с целью общения, дабы сгладить амплитуду внутренних переживаний, вызванную проблемами личного характера, потребностью устранить дефицит общения. Многие люди хронически безграмотны, о чем предупреждают на первой странице, заявляя, например, что к литературе отно-

шения не имеют, получая как бы индульгенцию у читателя на право ошибаться. Некоторые из них даже гордятся, что является «заслугой» воспитания.

Порою откапываешь талантливые строки, чувствуешь, как в них трепещет душа... где отсутствуют прописные буквы и знаки препинания напрочь. Это новое западное веяние, чем только ни объясняют (а их немало): интимностью темы, дефицитом времени и ленью, наконец.

Я недоумеваю по поводу подобных стихийных нововведений, ибо иначе их не назовешь, так как в лоне родного языка правила в отношении вышеперечисленных «достижений» пока не менялись, поэтому не должно существовать двух языков: одного для Интернета, а другого «для членов Союза писателей».

Удивительно! Как будто можно продекламировать на одном дыхании стихотворение, где богатство эмоций отражается не только в словах, но и в интонации, указывающей надлежащее место каждому знаку препинания. Досада какая! Невдомек автору строк, что гармония творения в триединстве чувства, мысли и слова. И этому Слову, данному нам свыше, надлежит быть грамотным, правильно употребленным, ведь оно имеет огромное влияние на человеческие души — субстанции тонкие и чрезвычайно ранимые.

*«От слов своих оправдаешься
От слов своих осудишься»*

(Мф. 12, 37)

Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, А. С. Пушкин, В. Я. Брюсов, да многие, многие другие творцы отечественной литературы (нам есть у кого поучиться, слава богу!), разве они не писали на интимные темы. Писали, еще как! Но не припомню, чтобы они игнорировали правила грамматики и синтаксиса, любые черновики тому свидетельство. Уважение к русской словесности сидело у них в крови, поскольку она, та самая словесность, являлась и продолжает являться основополагающим элементом отечественной культуры.

Из-за торопливости авторов, погоней за дутыми рейтингами работа над осмыслением текстов, содержащих порой не тривиальную идею, — «наращивание мяса на скелет» — явление редкое. Детальную проработку темы может себе позволить человек не только талантливый, но и умеющий работать над словом, понимающий необходимость этой работы, отдающий себе отчет в том, что он делает и с какой целью. Ибо, если говорить о бумаге, то белый лист — безграничное поле ответственности автора перед собой, перед читателями, перед Богом. Такой писатель может перевернуть всю рукопись многократно в желании вставить одно-единственное слово в нужное место для того, чтобы мысль заблестела и стала понятной каждому.

*Ольга Шаховская-Пономарева,
г. Москва*

БУМАЖНАЯ ДУША, КОМПЬЮТЕРНОЕ ТЕЛО...

*То, что я понял — превосходно. Думаю
таково же и то, чего я не понял.*

Сократ

В статье «Что написано пером...» («ПЗ» № 2, 2012) едва ли не впервые затронут вопрос о влиянии средств писательского труда на самого автора и результат. Вряд ли статью следует рассматривать как призыв вернуться к гусиному перу, но осознание потерь в условиях неумолимого технического прогресса совершенно необходимо и

очень своевременно. Угроза потери личности и самобытности велика.

Уже в эпоху пишущих машинок, а затем компьютеров, практически все выдающиеся произведения всё-таки написаны пером, в крайнем случае, авторучкой. Особенно это касается лирической поэзии. И в XXI веке совершенно невозможно представить первую запись стихотворения на компьютере. Теряется что-то такое, что и писать не хочется. Под пером каждое слово получает индивидуальность и неповторимость *почерка*, смываемые обезличкой печати. Так исчезает на иллюстрациях мазок, и мы уже не можем почувствовать волнение, владевшее художником. Недаром поэты мечтают о факсимильных изданиях, даже не обладая каллиграфическим почерком. Какой трепет охватывает читателя при виде рукописей любимых произведений! Конечно, далеко не всякие стихи, особенно в наше время повального графоманства, достойны такого воплощения, но для самого автора ручная запись бесценна.

Ещё одна негативная сторона машинизации писательского труда — исчезают черновики. Пропадают порывистые и размеренно-продуманные замены, вставки, зачёркивания, а то и перечеркивания целых страниц — следы и свидетельства работы создателя. Что будут делать будущие литературоведы, не имея возможности проследить извивы авторского замысла? Вспомним подвиг текстолога Мариэтты Чудаковой, восстановившей тексты Михаила Булгакова, и давшей мощный толчок булгаковедению.

Дело, конечно, не только в заботах об обеспечении работой будущих литературоведов. Надо думать, далеко не все нынешние произведения подвергнутся тщательно-му литературному анализу. Хотя, как знать... Будущая мощь компьютеров... Но для самого автора потеря возможности вернуться к началу размышлений грозит утратой замысла и сомнений — не выплеснут ли с водой и ребёнок? Не говоря уже о мнемонической памяти, очень точно отмеченной в статье А. А. Яшина.

Лев Толстой несколько раз переписывал «Войну и мир». К. Г. Паустовский описывает И. Бабеля с толстенной рукописью в писательской компании — наконец-то, вскричали писатели, Бабель написал роман! Нет, вздыхал Бабель, это двадцать два варианта «Любки-козак». Но черновики любовно сохраняли!

Да и читателю совсем не лишне прикоснуться к творческому процессу. Посмотреть, скажем, рисунки тонкого пера Пушкина на полях его божественных рукописей. Помнится Стефан Цвейг в речи «Смысл и красота рукописей» отметил: «Ибо из множества неразрешимых тайн мира самой глубокой и сокровенной остаётся тайна творчества». Наличие рукописи позволяет хотя бы прикоснуться к этой великой тайне.

Тем ни менее, компьютер, будь он неладен, существует! И очень прочно вошёл в нашу жизнь. Его никак не отнесёшь к «гедоническим гэджикам», хотя использоваться так может и, увы, используется обывателем, что называется, на всю катушку. Появление компьютера как технического средства, многократно усиливающего интеллектуальные возможности человека, практически перевернуло нашу жизнь и во многом, тут совершенно прав А. А. Яшин, с ног на голову. С такими переворотами следует бороться всеми возможными способами, но отодвинуть компьютер в сторону и в литературном процессе вряд ли удастся.

Увы, компьютер меняет мышление человека в сторону упрощения и механизации гуманитарной составляющей. Приведенный в статье анекдот о программисте прекрасно иллюстрирует, до какого идиотизма в принципе можно дойти. И именно *художественная литература* призвана сохранять и развивать человеческое в человеке. И тут вопрос о бумажной и электронной литературе встаёт с огромной остротой.

Современный пользователь компьютера привык считывать с дисплея информацию, а при «*потреблении*» литературного произведения интересуется *содержанием*, то есть разбирается *что* написано, совершенно игнорируя основное — как, на что обращал внимание ещё Пушкин задолго до появления ускорителей письма. Проблема

здесь не столько в компьютере, сколько в утрате умения читать художественные тексты, понимать *художественный язык*, несущий куда больше информации, чем естественный. И выход тут, на мой взгляд, единственный — учить читать, учить языку. И только вернув русскому читателю это умение, научив его получать *наслаждение* от художественного произведения, а не только удовольствие от развлечения, можно ожидать возврата к книге. К памяти рук и шороху страниц.

Что же касается использования компьютера при написании произведения (прежде всего прозы, — стихи, как уже было сказано выше, просто этому не поддаются), то тут всё далеко не однозначно. В любой новации что-то теряем, что-то находим, и следует аккуратно взвесить — не превышают ли потери приобретений. А. А. Яшин очень красочно, с тонкой иронией описал утраты на пути технического прогресса и с этим трудно не согласиться — потери велики. Но не следует забывать и о чисто физических преимуществах компьютера, прежде всего в такой тяжкой части литературного труда как правка. Имеется в виду не исправление грамматических и синтаксических ошибок, что компьютер делает автоматически, но выявление повторяемости, различных неточностей, неблагозвучных сочетаний, перестановка предложений и абзацев, замена слов и так далее. Сблaзн удобств слишком велик и немногие могут устоять.

По поводу скорописи. Тут трудно согласиться с А. А. Яшиным. По собственному — и не только — опыту считаю, что орудия писательского труда никак на скорость письма не влияют. А компьютер даже и замедляет. Быстрота сочинения определяется быстротой творческого мышления, почти всегда отстающего от возможностей средств записи. И как сотни лет назад писатель застывал с недонесённой до чернильницы ручкой, так и сейчас часами тупо смотрит на экран, не понимая, как язык повернулся такое написать и что делать дальше.

Речь, конечно же, не идёт о «федях с авторучками», о литературной подённости или, как сейчас принято говорить, *коммерческой литературе* — гнусный, кстати, оксюморон. Для таких «авторов» компьютер манна небесная, позволяющая перелицовывать сюжеты практически не меняя слов. Недавно один автор криминальных романов публично хвастался, что на зависть Сименону доведёт свою производительность до десяти страниц в день. Слава Богу, до таких откровений не дожил Гюстав Флобер, писавший не более семидесяти страниц в год, остающихся до сих пор эталоном французского литературного языка. Нет, речь не может идти о них в солидном литературном журнале, ибо если их считать писателями, то многие *настоящие* вынуждены будут отказаться от этого почётного звания.

Но и большие писатели в силу тех или иных обстоятельств задумывались и предпринимали шаги к ускорению труда. Классический пример — Ф. М. Достоевский. Великий русский писатель не раз прибегал к помощи стенографии. И Бог ему судья. Гениальность позволяла ему превращать свой мозг в литературное поле с великой жатвой. Сейчас же некоторые писатели, не обладая, очень мягко говоря, талантом Фёдора Михайловича, уже начинают заставлять компьютер печатать с голоса. А вот это уже опасно, ибо путается устная и письменная речь. Пишем, как говорим, — вот их кредо. Уж лучше бы молчали.

Ещё об одной теме, затронутой в статье А. А. Яшина — о «вреде» нанесенном России Н. М. Карамзиным.

По-моему А. А. Яшин первый заговорил о гениальности кириллицы. Думается, все русские писатели и читатели горячо и от всей души примут этот эпитет. И кириллица, и глаголица просто конгениальны нашему Великому и Могучему, доведенному Великой Русской Литературой до заоблачных высот! Наш язык, начертанный кириллицей, огромное, ни с чем несравнимое богатство нашей Родины, которое требует особо бережного отношения. Боюсь, что мутный поток хлынувшего графоманства

может нанести непоправимый урон. Речь даже не о засилии латиницы и американизмов — восприимчивый и чуткий русский язык всегда легко справлялся с заимствованиями, достаточно открыть словарь иностранных слов. Но язык и письменность определяют национальное мышление, и в этом смысле разница между Западом и Россией достаточно велика. И прекрасно! И слава Богу! Зачем же нам быть такими, как они? Тем не менее, опасность велика — в нашей литературе всё чаще появляются изложения, обороты, фразеологизмы, напоминающие перевод с английского. Посмотрите на заполнившие литературные страницы после перестройки верлибры! Какое они имеют отношение к русскому свободному стиху, да и вообще к русской поэзии?

Но мы отвлеклись. О Карамзине и букве «ё».

Да, надстрочные точки нарушают эстетику кириллицы и уникальную возможность написания слова без отрыва пера от бумаги. До введения *ё* нам не надо было «ставить точки над и». Что касается «й», то первоначально эта буква по большей части заканчивала слово, и надстрочный знак несколько не нарушал красоту кириллицы, а может быть даже и добавлял. Не вина Кирилла и Мефодия, что с развитием живого организма русского языка эта буква оказалась и внутри слов.

Возможно, следовало вместо знака «ё» ввести новую букву, скажем «о» с чёрточкой внутри, что подчёркивало бы родственность звучаний. Звуки *е* и *ё* не имеют ничего общего ни фонетически, ни артикуляционно. Видимо, Николай Михайлович ориентировался на обращение *евё* при изменении формы слова и ударения — *легко* — *лёгкий*, *весело* — *весёлый*. Но, как бы там ни было, уже в те времена звук *ё* входил в русский язык, и Карамзин просто это обстоятельство зафиксировал.

В настоящее время ни русскую речь, ни русскую письменность без «ё» уже представить невозможно. Более того, обозначение этой фонемы через *е* может привести к недоразумениям и незапланированным двусмысленностям. Например, не слышавший слово «пролётка» так и будет читать «пролетка», с чем автор уже сталкивался. А прочтя фразу «небо большого покрылось пупырышками», не сразу поймёт, что облачный свод здесь ни при чём.

Ныне *ё* полноправный член нашей азбуки. Кроме того, и это хотелось бы особо подчеркнуть, игнорирование в письме этой литеры, объединение в одном знаке двух совершенно разнородных звуков, противоречит самому духу кириллицы, подчёркнутому в статье А.А. Яшина, — одна буква — один звук. А то, чего доброго, придётся ввести совершенно ненужную нам транскрипцию.

И ещё об одном «вреде», нанесённом Н. М. Карамзиным — апологии династии Романовых в его великом историческом труде.

Да, «История государства Российского» не лишена недостатков, в том числе и приверженность автора монархической идее, что отмечали ещё первые читатели из числа демократов и либералов. Но согласиться с утверждением, что Н. М. Карамзин *переписал* и исказил русскую историю довольно трудно. Непреходящая заслуга Николая Михайловича, прежде всего, в том, что он *написал* русскую историю в смысле её систематизации и хронологизации. Это первый системный труд, и всё дальнейшее развитие истории как науки, так или иначе, на нём основывается, в том числе и на его критике.

Что же касается взглядов Н. М. Карамзина, довольно сильно окрасивших великолепный стиль изложения... А где вы видели труды по истории совершенно объективные, не несущие отпечаток личности автора? История всегда сопряжена с умонастроениями и ожиданиями общества, с идеологией, а то и просто политикой. И, безусловно, с явным или неявным заказчиком. Замечательный наш историк Л. Н. Гумилёв отмечал — даже в летописях, которые мы привыкли считать беспристрастным изложением событий, можно найти не только тенденциозное изложение, но и под-

делки, и позднейшие вставки, и сознательные искажения. Работая с источниками, Лев Николаевич использовал апробированный метод установления относительной истины — рассматривать совокупность свидетельств и размышлений. И в этом ряду прочно стоит труд Николая Михайловича Карамзина.

Можно было бы ещё поспорить с А. А. Яшиным по поводу некоторых его размышлений и взглядов. Собственно, это процесс бесконечный. И разве не цель самобытной статьи на столь животрепещущую тему побудить читателя к собственным размышлениям? Редко полностью совпадающих с мнениями предложившего разговор.

Вопрос в другом. Какие цели и задачи поставлены в статье А. А. Яшина? И разделяем ли мы высказанные идеи?

Статья проникнута тревогой о сохранении литературных традиций — как писания, так и чтения. И думающие писатели и читатели глубоко разделяют эту благородную тревогу. То, что «компьютерная литература» в существующем виде заводит куда-то не туда, практически очевидно. Собственно, и вся наша жизнь катится куда-то не туда... Но искусство — размышления о человеке и для человека — идёт вперёд пусть и неизведанными, но человеческими тропами, и не дай Бог свернуть на звериные, даже с помощью самых современных технологий. Загнанная в компьютерное тело, да сохранит наша русская литература свою вечную бумажную душу!

А. А. Яшин совершенно справедливо утверждает, что нам не дано «знание наперёд». Можно лишь утверждать, что двигаться вперёд можно только с того места, где находишься. Однако забота о будущем у человека в крови. И попытки предвидения, куда ведёт та или иная дорога жизни и не заведёт ли чёрт знает куда, не только проявление тревоги перед неведомым, но и отсечение опасных поворотов. И эту функцию статья в полной мере выполняет, заставляя хотя бы задуматься.

Но что сохранять в условиях бурного и не совсем человеческого технического прогресса? Как уберечься от духовного регресса?

Вопрос сложный, ибо связан с оценкой исторически накопленного и пониманием *постоянного и неизменного*, не подлежащего деформации. В 20-х годах прошлого века французский физик и философ Анри Пуанкаре совершенно серьёзно сформулировал закон сохранения: «Есть нечто, остающееся постоянным. Смысл этого нечто интуитивно неясен». За прошедшие десятилетия наука немного разобралась с этой «интуитивной неясностью», но тут же поставила новые, пока нерешённые вопросы. Например, об очень «тёмных» массах и энергии.

Но дороги науки, даже при захождении в тупик, никогда не отрицают прошедшего пути и, так или иначе, нащупывают столбовую дорогу. Шатания же литературы, не имеющей твёрдой и общепринятой аксиоматики, бездумное отрицание традиций, куда опасней. И ничего не может быть полезней заранее эти опасности выявить. И тут развитая интуиция, основанная на чтении и знаниях, неоценима.

Вдохновляет пример Фёдора Ивановича Тютчева, воспринявшего новации Пушкина, но сохранившего и развившего традиции классицизма. И вся дальнейшая русская поэзия без Тютчева непредставима. И закончить статью хочется призывом А. А. Яшина:

«...Пока есть возможность, уважаемые авторы и читатели, сохраняйте и ценности традиционной художественной литературы».

(Далее помещаем материал того же автора)

НЕ-ЧТЕНИЕ — УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

«Наука и искусство так же тесно связаны между собой, как легкие и сердце, так что если один орган извращен, то и другой не может правильно действовать»

Л. Н. Толстой

При зарождении и развитии Культуры — Рим, Греция и намного раньше — её формула «добро — истина — красота» долго не расчленилась. Дошедшие до нас имена — Пифагор, Леонардо, Дюрер и до французских энциклопедистов — включали практически весь объём современной им культуры. Но с накоплением знаний, форм, ритуалов «добро» отошло религии, «истина» — науке, «красота» — искусству. Размежевание с диалектической неизбежностью привело к борьбе и даже войнам между частями единого целого за умы, души, а то и жизни.

Сейчас уже трудно представить серьёзную полемику между этими направлениями человеческой деятельности. Более того, религия и искусство обросли собственными, так называемыми «гуманитарными», то есть *человечными* науками, а негуманитарные — естественные и технические — любят красота собственных построений, формул, мыслей. Математика даже обзавелась живописью — фракталами. Меж дисциплинами перебрасываются мостики с уверениями во взаимном уважении (см., например, Вик Мэнсфилд «Тибетский буддизм и современная физика»).

Но борьба, в основном между наукой и искусством, тем не менее, продолжается. И в настоящее время перевес явно не на стороне искусства. Не читают, не смотрят, не слушают. И самое страшное — уже не умеют это делать. Имеется в виду *ИСКУССТВО*, а не коммерческая литература, не шоу-бизнес, не поп-арт и прочие, победившие, кажется, всех и вся. Следовало бы, конечно, определиться с терминами и размежеваться, но потребовалось бы слишком много времени и места. Остановимся на интуитивном уровне, присущем каждому образованному человеку.

Успехи науки очевидны. И чем дальше и глубже её продвижение, тем чаще возникают сомнения в необходимости искусства. Ещё лет двести назад Гегель пришёл к печальному выводу: «Вследствие своей формы искусство ограничено и определённым содержанием. Лишь определённый круг и определённая ступень истины могут найти своё воплощение в форме художественного произведения». И далее: «Своеобразный характер художественного творчества и создаваемых им произведений уже больше не дают полного удовлетворения нашей высшей потребности». Проще говоря — устарело, более не нужно и отомрёт.

Ю. М. Лотман в «Структурах художественного текста» со вздохом возражает: «Искусство является великолепно организованным генератором языков особого типа, которые оказывают человечеству незаменимую услугу, обслуживая одну из самых сложных и не до конца ещё ясных по своему механизму сторон человеческого знания».

Прав был великий диалектик или не совсем, во всяком случае, за прошедшие века искусство всё-таки не исчезло, но, похоже, в чём-то предсказания сбываются. От искусства всё больше остаётся только одна функция — развлечение.

Что же до лотмановских «не до конца ясных по своему механизму» свойств искусства и какую сторону *знания* они обслуживают, то тут что-то начинает проясняться, и следует как можно скорее разобраться. Не то совсем заглухнут никому не нужные генераторы.

Привычно считать, что искусство — факультатив, непосредственно в производстве материальных благ не участвующий. А стало быть: хочу — читаю, хочу — нет.

В школе, правда, чего-то заставляют, даже учить наизусть, но эта обязаловка как-то не слишком увлекает. И в самом деле — для того чтобы *читать*, нужно изучить *художественный язык*, выработанный этими генераторами особого типа, для чего затратить немало времени и сил. Довольно сильно умственно напрячься. Стоит ли? Пользы вроде бы никакой и денег явно не принесёт. Не лучше ли изучить какой-нибудь реальный язык, например английский, а в свободное время отдохнуть за зубодробительным боевиком или слезливым сериалом?

Ещё древние римляне выдвинули лозунг: «Хлеба и зрелищ!», ставя хлеб на первое место, и придавая союзу «и» разделительные функции. И вдоволь было у них и того, и другого, но Рим почему-то рухнул.

У образованных людей, впрочем, сомнений не возникает — искусство нужно, обязательно нужно. Оно делает людей людьми, воспитывает душу и так далее. Всё правильно. Но и у них частенько бытует мнение, что к «хлебу» «зрелища» особого отношения не имеют. Так ли? Действительно ли искусство непосредственно не влияет ни на производительные силы, ни на производственные отношения?

К этой проблеме можно подойти с разных сторон. Попробуем сначала с точки зрения науки о процессах мышления, состояние которой на современном этапе достаточно полно и доступно представлено в частности в книге А. Маркова «Теория эволюции. Обезьяны, нейроны и душа».

Между животным и человеком в интеллектуальной деятельности нет *качественной* разницы, но есть *количественная*. Как бы ни возмущало это утверждение, сложившиеся веками стереотипы, ставящие нас на одну доску, это с уверенностью можно считать доказанным.

Количественно разница определяется *кратковременной рабочей памятью* (КРП), от объёма которой сильно зависят интеллектуальные способности.

КРП — та часть памяти, в которой хранится и обрабатывается информация, необходимая для работы в данный момент времени. Обращает внимание эпитет *рабочая*, ибо разнообразные сведения могут храниться где угодно. Объём КРП измеряется количеством идей, образов, концепций или, лучше сказать, мыслительных моделей, с которыми исполнительный орган работает *одновременно*, и эту важнейшую для интеллектуальной деятельности характеристику можно измерить и выразить в числах.

Так вот, показатель объёма КРП у животных составляет 1—2, у наиболее «гениальных» шимпанзе достигает 3. А у человека насчитывается целых 7. с существенной оговоркой: «...хотя некоторые исследователи склоняются к более осторожным оценкам и предпочитают говорить о величине 7 ± 2 ».

Вот на этих ± 2 хотелось бы остановиться.

Итак, от 5 до 9. Думается, что каждая единица в этом показателе целый порядок, если не несколько, интеллектуальных возможностей человека. Но вот вопрос — ёмкость КРП врождённое свойство или благоприобретённое? Рождается человек умным или становится? Развивается КРП в течение жизни или нет?

Скорее всего, интеллект человека определяют и генетика, и окружение, и условия существования, и множество других факторов, но обучение представляется решающим.

Шимпанзе весьма сознательно колют орехи. Ставят на естественную наковальню (скала, большой камень и т.п.) и бьют камнем. КРП = 2. А некоторые талантливые обезьяны ещё и сооружают наковальню из подручных небольших камней — КРП = 3. Причём действия не являются инстинктивными, но культурной традицией. Обезьяны обучаются примером и подражанием и овладевают процессом к трём-четырёх годам. Наблюдения показывают — если до пяти лет шимпанзе не научается, то уже не научится никогда и всю оставшуюся жизнь будет с завистью наблюдать за другими и

даже махать кулаками, но камень взять так и не догадается — КРП = 1. То ли мозгов не хватило, то ли пролетел яркий попугай и отвлёк несчастную обезьянку в самый ответственный момент, но обучение не состоялось. Ничего человеческого не напоминает? Кто в школе теорему Пифагора так и не осилил, вряд ли её уже когда-нибудь поймёт, и геометрическая сторона мышления, восхитительные линейные и нелинейные фантазии, пройдут мимо него.

У человека детство значительно длиннее, можно даже полагать, что у хороших людей оно не заканчивается никогда, и какие-то коррективы в обучение могут и должны вноситься.

Биологи считают, что становление КРП заканчивается где-то к двенадцати годам. В это довольно трудно поверить — опыт показывает, что человек с годами и умнеет и тупеет. Последнее, к сожалению, чаще, но — главное — КРП меняется. Не закрываются же соответствующие синапсические щели?

Но даже если и согласиться с этим мнением, то двенадцать лет срок тоже немалый. Так как же и на чём следует обучать человека думать?

Вопрос сложный и многофакторный, но всё же представляется, что основной площадкой обучения и развития ума, особенно в детстве, является *чтение художественных произведений* — восприятие умной красоты. Чтение в широком смысле — как *понимание* литературы, живописи, музыки, овладение их *художественными языками*. И прежде всего — поэзии, ибо вначале всего было и остаётся Слово. При этом чтению человек учится — или должен учиться — всю жизнь. Стоит привести слова Гёте: «Эти наивные люди не знают, сколько требуется времени и усилий, чтобы научиться читать. Мне понадобилось на это восемьдесят лет, а всё же я и сейчас не решусь сказать, что достиг цели». Трудно не согласиться с великим мыслителем и поэтом, а утверждать, что уже умеют читать, могут только люди с КРП не выше пяти. Или трёх.

«Искусство является великолепно организованным генератором языков». То есть над естественным языком текста возникает множество смыслов, образующихся взаимодействием частей и деталей. Вот это динамическое взаимодействие, зависящее не только от автора, но и от уровня читателя, или *художественный язык*, которому и надо учиться всю жизнь, доставляет не только эстетическое наслаждение, но обогащает и развивает. Только для этого надо *читать*, а не только интересоваться содержанием, или *воспринимать сердцем*, как считают лентяи, взявшие соответствующие книги в руки. Без сердца в искусстве делать нечего, но без ума и знаний, знаете ли, тоже.

Основной особенностью художественного языка является сближение далёких понятий. «Мгновенное озарение», как считал Борис Пастернак. То есть для понимания, в *работе* над текстом, в КРП необходимо держать не только 7, но и куда больше мыслимых моделей. Тут и без долговременной рабочей памяти не обойтись.

Приведём пару не слишком сложных примеров.

Поэма Лермонтова «Мцыри». Считается, и совершенно справедливо, что если стихи можно пересказать прозой, то это не поэзия. Эпический характер поэмы, казалось бы, позволяет пересказ. Но никакого удовлетворения не доставляет. Что-то там, в стихах, очень важное остаётся непереводаемым на язык прозы. Попробуем с помощью Бахтина, Тынянова, Лотмана хоть чуть-чуть проникнуть в тайны лермонтовского очарования.

*Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И ныне видит пешеход...*

В первых четырёх стихах соблюдается чёткий ритм, совпадающий с метром, с ударением на каждом слоге, кроме пиррихия во втором стихе. Не вдаваясь в подробности давно угасшей дискуссии о взаимоотношениях обозначаемого с обозначающим, скажем, что задача поэта убедить читателя в их полном единстве в данном тексте. И Лермонтов двумя ударениями в «сливаясь» достигает полного слияния (извините за тавтологию) слова с его смыслом.

В первых трёх стихах нет резких звуков, течение пока плавное. Но вот они слились и врывается звук «ЭР» — рёв слияния слышится явственно.

Во всех приведенных стихах, кроме пятого, смысловое и синтаксическое членение строк совпадает. Но в стихе «Был монастырь. Из-за горы...» Лермонтов ломает единство, и нам неожиданно открывается вид, который и может быть только при подъёме на гору.

И это только в шести начальных строчках! А содержание? А увязка с пейзажами других частей поэмы? А со всем творчеством Лермонтова? А с характером Мцыри?

Сколько мыслимых моделей должно одновременно крутиться в КРП, взаимодействовать, «мгновенно озаряться», чтобы не только почувствовать, но и понять *замысел* автора! Какая школа!

Другой пример. Загадочная картина Веласкеса «Менины», споры о которой не утихают уже не одно столетие.

Сначала нас прельщает красота и оригинальность лиц, колорит картины, гармония частей.

Картина тянет и хочется разобраться, что же на ней изображено.

Куда смотрят персонажи? На зрителя? Но вот мы замечаем на стене небольшое зеркало, в котором невнятно отражаются король и королева, знакомые по картинам Веласкеса, висящими рядом на стенах Прадо. Значит на королевскую чету?

Но как на полотно попал сам художник, и что он, собственно, пишет? И пишет ли? Ведь зала темна, на потолке даже отсутствует люстра. И так ли уж нужна рыцарская символика на груди художника во время работы? Он что же, работает в парадном мундире? Правда, Фейхтвангер («Гойя или тяжкий путь познания») утверждает, что крест пририсовал Филипп IV спустя несколько лет... Тоже надо держать в КРП, взаимоотношения между королём и его придворным живописцем, видимо, были не простыми.

А почему по концам малой диагонали с невесёлым лицом художника перекликается понурая морда собаки?

А почему полотно названо «Менины»? Разве фрейлины главные действующие лица? Не на своё ли положение при дворе намекает Веласкес?

Может быть, картина не столько о семье и приближённых монарха, сколько о судьбе художника в современном ему мире?

Оставим читателю определять собственное мнение — пусть вглядывается. Или вчитывается. Важно, что нейроны пришли в возбуждение, аксоны задвигались, и многочисленные мыслительные модели начали взаимодействовать, сближая далёкие понятия. Не расширится ли при определённом напряжении мыслей и чувств объём КРП?

Можно привести куда более увлекательные и сложные примеры. Структура «Евгения Онегина». Совершеннейшая геометрия величайшей картины «Троица» Андрея Рублёва. Терцины и число три «Божественной комедии» Данте.

Кстати о числах. Математика всё больше и больше внедряется в понимание художественного произведения. С пределами и даже матрицами. С численным значением золотого сечения в лирике Пушкина. И современный образованный читатель, не вправе игнорировать математические модели пропорций, симметрии, гармоний, ритмов. Они уже тоже должны работать в КРП.

Сальвадор Дали в далёкой середине XX века, долго разгадывал волшебную силу необыкновенной, по его мнению, эстетической мощи «Кружевницы» Яна Вермеера, пока не разглядел в ней фрактальную розетку подсолнуха с центром на кончике иглы и формообразующий искусство — по Дали — рог носорога между витками спирали (см.: А. В. Волошинов «Математика и искусство»).

Придумало ли человечество за всю свою многотысячелетнюю историю лучший тренажёр (простите за вопиющий прозаизм) для ума и чувств? Особенно до двенадцати лет. Не компьютерные же игры, в которые никакой программист не решится вводить более двух-трёх, максимум пяти, моделей одновременно — потребитель не захочет, да и не сможет играть. Интересно, что в неволе обезьян не удаётся обучить колоть орехи. Зачем, если двуногие сами наколют и принесут на блюдецке. Не так ли и в неволе компьютеров? И неужели можно сопоставить эстетическое наслаждение от художественного произведения с удовольствием от «стрелялок»? Надо ли говорить о различии между *наслаждением* и *удовольствием*?

Эстетика, красота... Пока ещё вряд ли можно дать хоть сколько-нибудь точную формулировку этим философским категориям, сталкиваясь с двойственной природой объективных и субъективных оценок. Как известно, на вкус и цвет... Но можно ли иметь тонкую, развитую чувственность не тренируя постоянно ум?

Однако, не слишком ли много внимания КРП? В конце концов, память не единственная, хотя и чрезвычайно важная, составляющая интеллекта. У природы есть масса дублирующих и компенсаторных механизмов. Есть движение, быстрота, глубина мысли, целеустремлённость, энергия... Да мало ли. И наверняка найдутся и другие способы обучения мыслить.

Хорошо, найдём с другой стороны.

Советский Союз был, как известно, самой читающей страной мира. Слышу реплики — а что ещё было делать, если ничего другого не было? Границы закрыты, рестораны не по карману, казино где-то там, на диком Западе. Да и вообще ещё как-то обходились без компьютеров.

Так-то оно так, но вот что интересно — СССР был и самой изобретающей и рационализаторской страной. О достижениях науки нечего и говорить. Другое дело как использовались идеи и достижения, но речь не о достоинствах и недостатках рухнувших и действующих политических и экономических систем.

Не улавливаете связи?

А что, мы до открытия КРП не знали, что читающие умнее нечитающих? Даже если последние и обладают значительными объёмами *нерабочей* памяти. Как часто бесполезные знания, вернее сведения, не принимающие участия *в работе*, не только принимаются за образованность, но и за ум. Да, поразить цитатами из Плутарха или Пеллевина можно, но прослушав очередное из бесчисленных ток-шоу, часто недоумеваешь — а о чём, собственно, был разговор? Нередко даже не определяется предмет. Обсуждают, например, реализм или классику, умело делая вид, будто знают что это такое.

Русский народ всегда отличался смекалкой. Ибо всегда был *читающим*, даже до всеобщей грамотности. Читал Великую Книгу Природы. Читал и сочинял сказки, былины, народные песни. Частушки, наконец. Выделял топором чудеса резьбы и архитектуры. Не Арина ли Родионовна научила Пушкина *читать*! Не она ли совместно с русской природой расширила КРП великого поэта до немыслимых пределов?

А не научившихся читать, как обезьянка колоть орехи, навсегда заклеил Тютчев:

*Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнца, зная, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.*

*Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили
И ночь в звездах нема была!*

.....
*Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Увы, души в нем не встревожит
И голос матери самой!*

Точнее не скажешь — не умеешь видеть и слышать (*читать*) и не встревожится душа...

Не их вина... Простите Фёдор Иванович, но, может быть, всё-таки и их? Ведь вы же пытались расшевелить их задубевшие нейроны и какие-то зачатки сердца.

Читающие и нечитающие были, есть и будут, хотя в последнем начинают закрадываться сомнения. Меняется соотношение. И в настоящее время тяжёлый маятник, качнувшись далеко за допустимые пределы. Можем констатировать почти поголовное нечтение. Особенно среди молодёжи. Особенно до двенадцати лет.

А как обстоят дела с наукой и изобретательством? Вряд ли статистики нас порадуют, и на глаз видно — от Советского Союза уже далеко. А что будет в ближайшем и отдалённом будущем?

Не слишком ли автор увлёкся? Чтение дело интимное — не проверишь, что-то же читают. И в коммерческой литературе что-то есть... И даже в шоу-бизнесе...

Но есть косвенные, весьма существенные показатели.

Например, речь.

Обратимся ещё раз к нашим ближайшим родственникам. Двух обезьян научили говорить с помощью знаков-слов. В основном они пользовались односложными высказываниями. Двусложными — в десять раз реже. Трёхсложными — в единичных случаях. Что поделаешь, объём КРП не выше 3. Ничего не напоминает? Преподаватели даже престижных вузов всё чаще жалуются на неумение студентов выразить самую простую мысль без помощи жестикуляции, мимики и ненормативной лексики. И пользуются весьма отрывистой речью. Наверное, всё-таки более многосложной, но не слишком.

Есть и обратная сторона — безудержная болтовня, пустословие. Но крайности, как известно, сходятся — всё то же неумение выразить мысль, бесконечные повторы, отчаянная жестикуляция, и всё та же лексика.

Кстати об этой пресловутой лексике. Почему нецензурица расцвела ныне таким махровым цветом? Автор позволит себе сделать, может быть, слишком смелое предположение, но...

Мат, как и стихи, тоже инобытие языка. А свято место пусто не бывает. Не читаем стихи, потребность в выразительности замещается матом и искажением слов. Когда пришла к нам эта нынешняя оснащённость устной и письменной речи? Правильно, когда пришло нечтение. И прежде всего стихов. До этого Екатерина Великая, внедряя литературу, сумела очистить хотя бы письменный язык. И не надо говорить, что мат существовал всегда. Да, конечно, но в читательские времена употреблялся по назначению — как ругательства. И какие были мастера нашего многоэтажного! Просто поэты! Ныне же ненормативная лексика выродилась в сквернословие, «украшающая» как «поэзия» бесплодную речь. Вот вам ещё одно побочное действие нечтения.

Речь читающего человека отличают образность, метафоричность, сближение далёких понятий с мгновенными озарениями, лаконичность, да и просто красота. Правда, различить такую речь может только читающий...

Кстати, о болтливости. Говорят, у женщин центры речи и удовольствия располагаются совсем рядом. Кажется, в процессе феминистской эволюции и у многих мужчин они здорово сблизились...

Ещё один деликатный аспект проблемы — любовь к Родине.

Любовь чувство интимное, не на показ, не на выпендривание речи и клятвы. Но вряд ли генетики отыщут ген, отвечающий за патриотизм. Любовь к отечественным гробам не инстинкт, но воспитывается и развивается. И Культуре здесь — первостепенная роль. В самом деле, можно ли представить *полноценную* любовь к России без Ильи Муромца и Василисы Прекрасной? Без Пушкина, Есенина, Рубцова? Без дуба по дороге в Отрадное? Без круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями над Бежиным лугом? Без мещёрской стороны Константина Паустовского? Без осени в дубовых лесах Юрия Казакова? Без картин Саврасова и Сурикова? Без музыки Чайковского и Шостаковича?

Интеллигенция всегда недовольна существующим миропорядком, ибо далека действительность от золотого идеала. Но несогласие с идеологией, государственным устройством, правителями и прочим до сих пор не касалась самой России. Даже в письмах Чаадаева. Теперь же нередко, слава Богу, ещё не слишком часто, слышишь: «Я ненавижу эту страну! Как бы я хотела родиться где-нибудь в Голландии!» И то правильно — с томиком Гарри Поттера подмышкой. Что скажешь этим апатридам? Россия прекрасна? Читайте классику? Ничего вы им не скажете. Ибо, как писал Гоголь («В чём же, наконец, существо русской поэзии и в чём её особенность»): «...с умным человеком всё можно сделать и нетрудно обратить его к хорошему поведению, если сумеешь умно говорить с ним, но дурака трудно сделать умным, как ни говори с ним». Позволю себе развить мысль Великого Русского Писателя, подчеркнув различие и доведя, так сказать, до афористичности — умному можно объяснить, что он дурак, дураку — никогда.

Можно приводить ещё множество отличительных черт нечитающих. Юмор, например. Но стоит ли? Автор выбрал самые, на его взгляд, тревожные.

Обратимся, наконец, к заголовку статьи. Под национальной безопасностью обычно понимают целостность страны, способность противостоять военной угрозе, голод, болезням, нерождаемости и так далее. Всё правильно. Но вот в интеллектуальных способностях народа сомнений, особенно в парадных речах управителей, не возникает. Великий Русский Народ воспринимается как данность, исторически присутствующая с пролонгацией на все грядущие века. Можно не заботиться о состоянии народного интеллекта и не поднимать тревогу. Слава Богу, проблем и так хватает.

Может быть, в тревоге автор и сгущает краски, но от сомнений избавиться не может. Не снижается ли наш объём КРП? Не тупеем ли?

Принято считать, что экономика впереди. Культура — потом. Откуда известный «остаточный принцип». Дескать, если есть нечего, то не до стихов. А не наоборот ли? Не сначала ли не читаем стихи, а потом и есть нечего?

Автор далёк от призыва забросить производство и заняться поэзией. Впитав диалектику со школьной парты, если не детского садика, воспринимает мир в его сложнейшем единстве и противоположности. Но горе, когда разрушается гармония частей!

Нет! Искусство не факультатив. Не музыка, которая «...после обеда усыпляет, а спать после обеда здорово: следовательно, я люблю музыку в медицинском отношении», как шокировал светскую даму Печорин. И если автор был достаточно убедителен — искусство, и прежде всего поэзия, суровая необходимость. Чтобы не докатиться до катастрофического снижения КРП русского народа забвением его Великой Культуры. Искусство требует не столько средств, хотя они, безусловно, нужны, сколько *отношения* к объединяющему началу, определяющего «мы» нашего народа, непохожего ни на какой другой.

Конечно, Россия никуда не денется, обширная территория не провалится в тартары, люди будут жить и даже, может быть, более интенсивно размножаться. Но это будет уже не тот народ.

Варвары, разрушив Римскую империю, не умея читать, уничтожили античное искусство. И на тысячу лет ввергли Европу в «тесные века». Не повторить бы... Может быть, с помощью Пушкина, Толстого и остатков КРП спохватиться и не допустить?

**Иосиф Рухович,
пос. Томилино Московской области,
академик Академии российской литературы**



В заключение от редакции. Полагаем, что представленные материалы позволяют сказать: дискуссия состоялась на достаточно широком представительском уровне. Но что нас особенно порадовало и ободрило, так это совершенно иное, намного более высокое качество — по сравнению с предыдущими дискуссиями — полученных нами материалов. Если в 2011—2012 гг. преобладали «телеграфные» сообщения: одобряем-с, мол, то сейчас мы имеем дело исключительно с обстоятельными очерками, концептуальными, завершенными, информационно содержательными, написанными высоким художественно-публицистическим слогом. Штилем, как говорили в XIX веке, когда создавался сам феномен русской литературы.

Другой существенный момент: среди авторов публикуемых выше материалов достаточно хорошо представлены лауреаты всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Значит, редколлегия и редакция «Приокских зорь» не ошиблись в выборе лауреатов, ибо присуждение премии ориентируется не только на (высокое) качество публикаций в журнале или в серии «Приложение к журналу «Приокские зори», но и на активное участие претендентов на звание лауреата в современном литературном процессе. Формой такового мы, прежде всего, полагаем участие в объявляемых «ПЗ» ежегодных дискуссиях.

...И в этом же аспекте — наши «стандартные» упреки и пожелания. Как всегда и уже традиционно — за единичными исключениями — промолчали Тула (истинно: сапожник без сапог), где издается журнал, и все огромное пространство «от Волги до Амура», хотя в журнале имеется постоянная рубрика с таким же названием. Повторим слова нашего классика: «Во глубине сибирских руд храните...» — например, гордое молчание. Не радует нас и Литературный институт им. А. М. Горького, хотя в «ПЗ» также имеется рубрика «Тверской бульвар — 25 в «Приокских зорях». Увы.

Обращаемся к главе тульских писателей, заместителю главного редактора «ПЗ» Виктору Федоровичу Пахомову, зав. отделом литературы Сибири Сергею Прохорову и зав. отделом литературы Поволжья Сергею Лебедеву с настоятельной просьбой «расшевелить» своих подопечных литераторов к началу следующей дискуссии. А всем принявшим участие в настоящей дискуссии — большое спасибо!

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почтитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются бесплатно преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, Тульскую областную библиотеку работников образования, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Культпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного общества «Мемориал», музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет, в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Тула», в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

- Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);
- Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);
- Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);
- Библиотека № 4 (ул. Metallургов, 34);
- Библиотека № 5 (ул. Metallургов, 2«а»);
- Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);
- Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);
- Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);
- Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36);
- 14 филиалов названных выше библиотек.

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, по-

скольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на сайте www.pz.tula.ru Интернета, а также на сайте «Русское поле»: priokskie.ruspole.info. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «День литературы», «Российский писатель». Доставляется журнал в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж), редакция журнала «Истоки» (Красноярск). Журнал получают центральные библиотеки Москвы, Орла, Калуги, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска, Красноярска, СПб и ряда других городов. Журнал получают престижные библиотеки США: Библиотека Конгресса США и библиотека г. Сиэтла, а также Национальная библиотека Израиля в Иерусалиме.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-издателей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов не намного больше.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера ISSN и включение в подписной каталог «Роспечати». С 2009 года журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культурно-просветительских учреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно зав. редакцией (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или e-mail. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы. К сожалению, большинство школьных библиотек проявляет стойкую апатию...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

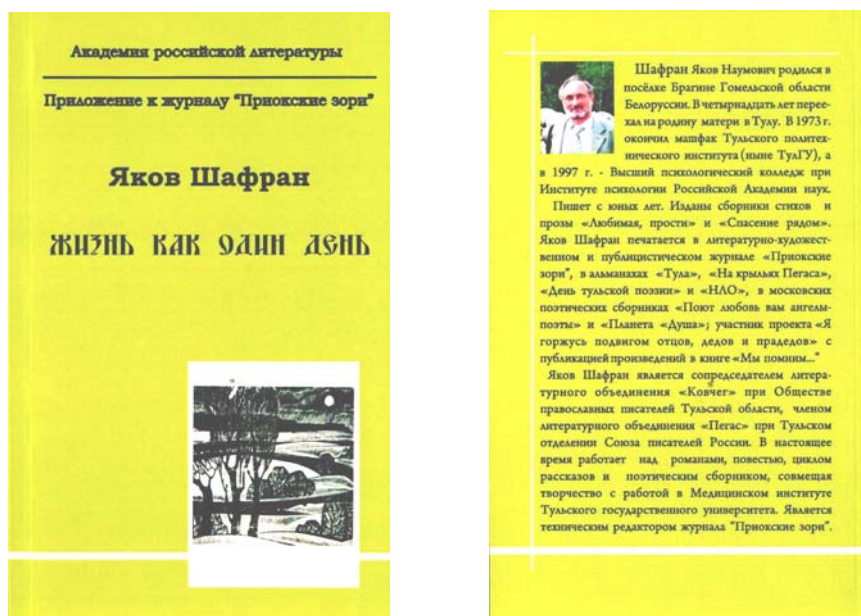
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала, или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:



Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частно-меценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные преимущества:

- это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;
- поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;
- как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;
- наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 10 экз., если хочет, чтобы книга рассылалась вместе с очередным номером журнала по адресам обязательной рассылки.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2013.— № 4.
2. *Бийский Вестник*: Литературно-художественный, научный и историко-просветительский альманах (г. Бийск Алтайского края).— 2013.— № 3 (39).
3. *Истоки*: Литературно-художественный и публицистический журнал (Красноярский край).— 2013.— № 21.
4. *Слово*: Еженедельная газета (Москва, ИД «Слово»).— 2013.— № 27—28 (840—841).
5. *Общеписательская* литературная газета (Москва, МСПС).— 2013.— № 7 (44).
6. *Сергей Маслов*. Забытые легенды моей Родины: Книга для классного и домашнего чтения / Илл. Н. В. Кравцовой.— Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2012.— 31 с.
7. *Рождены для вдохновения*. Антология современной поэзии. Вып. 4 (Институт кандидатов).— М.: «Московский Парнас», 2013.— 136 с.
8. *Кирилов М. М.* Мои больные.— Саратов: Нордмедиздат, 2013.— 200 с.
9. *Иван-озеро*. Сборник произведений тульских писателей. Вып. 9 / Составитель и редактор В. Ф. Пахомов.— Тула: Гриф и К, 2—13.— 474 с.
10. *Гоманчук Г. А.* Гроздь рябины: Сборник стихов.— Тула, 2—13.— 48 с. (б/у изд-ва).
11. *Фокин В. А.* Летопись: 20, 30, 40, 60.— Тула: Изд-во Тульск. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2011.— 136 с.
12. *Игорь Боронин*. Хочу вам басню рассказать: Басни, юмор, сатира, сказки.— Тула: Папирус, 2013.— 183 с.
13. *Эдуард Мартышев*. Обо всем понемногу: Сборник стихов.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2013.— 37 с.
14. *Игорь Титков*. Воспроизведения: трилогия «Эгоист».— Тула: ООО «Типография «Новая Астея», 2011.— 34 с.
15. *Крестьянкин С. О.* Главное — оставаться человеком: Рассказы-размышление.— Тула: Гриф и К, 2012.— 144 с.
16. *Зеленкина Г. Н.* Кружевные вечера: Сборник стихотворений.— Красноярск: Изд-во «Буква Статейнова», 2013.— 256 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Алексей Яшин*. Видение на Патмосе: Роман-предвидение / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 407 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Алексей Яшин*. Квадратная пустота: Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 333 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Алексей Яшин*. Будни главного редактора: Публицистика 2008—2012 гг. / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 517 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

4. *Ирина Пархоменко*. Маски: Стихи.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2012.— 127 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

5. *Ирина Пархоменко*. Лепестки сакуры: Стихи.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2012.— 167 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

6. *Алексей Яшин*. Дэкаф: Северные повести (Шестая книга рассказов Николая Андреевича) / Предисл. Л. В. Ханбекова; Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2013.— 300 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

7. *Евгений Залесский*. На святом, родимом берегу: Стихотворения, песни, рассказы.— Тула: Гриф и К, 2013.— 392 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

8. *Струков К. В.* Искры из камня: Стихи.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2013.— 124 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Лебедев С. А.* Исповедь: Сборник стихотворений / Предисл. А. А. Яшина.— Тольятти: Типография ОАО «КуйбышевАзот», 2013.— 174 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова.

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза, включая драматургию;

— поэзия;

— публицистика, включая историко-политическую;

— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместитель, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с

учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2012-го года уже объявлены в № 1, 2013 «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в «Литературной газете». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс за 2014-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

О НАС ПИШУТ, НАМ ПИШУТ



<http://www.hrono.info/forum/viewtopic.php?f=3&t=599>

«Приокские зори» — литературный журнал, г. Тула

Хочу представить несколько литературных нестоличных изданий. Все они имеют высокий литературный уровень и достойны того, чтобы о них знали читатели «Русского поля».



Выходит с 2005 года. Главный редактор — Алексей Афанасьевич Яшин, профессор ТулГУ, известный русский писатель, лауреат 11 литературных премий.

«С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории,

повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии... редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова... Премия имеет статус всероссийской».

У журнала есть свой сайт в интернете: www.pz.tula.ru.

Там можно узнать, что журнал распространяется преимущественно в библиотечной сети. Адрес: 300025, Тула, а/я 920, А. А. Яшину; e-mail: priok.zori@mail.com.

Информационная поддержка осуществляют литературное агентство «Московский Парнас», журнал «Подъем» (г. Воронеж, «Литературная газета», газета «Российский писатель», газета «Тульский литератор» и «День литературы».

Ну, мы тоже туляков поддержим! Журнал интересный.

Редактор Вячеслав Румянцев

Примечание редакции «ПЗ»: По электронной почте материалы не принимаются; правила оформления и представления рукописей см. на последней странице каждого номера журнала.

НАШ ЖУРНАЛ В «РУССКОМ ПОЛЕ»

Наш журнал «Приокские зори» пригласили участвовать в интернет-содружестве литературных проектов «Русское поле», где уже представлены журналы: «Подъем» (г. Воронеж), «Литературный меридиан», «На русских просторах», «Голос Эпохи», «Роман-газета», «Бельские просторы», «Русская жизнь», «Слово», «Парус», «МОЛОКО» («Молодое око»), исторический журнал «Суждения», «Сибирские огни», «Подвиг», «Вестник» МСПС, и альманах «Полдень» (г. Мытищи Московской обл.), а также интернет-проекты «Славянство», «Романовские чтения», «Общество друзей Гайто Газданова» и «Энциклопедия Платонова».

Отныне материалы, опубликованные в номерах «Приокских зорь» будут размещаться в виде отдельных публикаций на странице нашего журнала на сайте «Русское поле». Вы можете найти их в Интернете по адресу: <http://priokskie.ruspole.info>

Таким образом, у нас в дополнение к сайту журнала — <http://www.pz.tula.ru> — появился еще один сайт, где представлены уважаемые авторы «Приокских зорь».

INTERMEZZO

...Уверен, вы и сами разберетесь, почему враги России все времен оказываются среди непримиримых критиков Сталина.

WEB-редактор «Содружества литературных проектов «Русское поле»

Вячеслав Румянцев



Примите нашу искреннюю признательность за Ваше постоянное внимание к музею Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», за книги стихов С. Лебедева «Исповедь» и К. Струкова «Искры из камня» и за очередной номер журнала «Приокские зори» (№ 2, 2013 г.), которые Вы любезно прислали в дар музею.

Очередной номер журнала представляет большой интерес. Привлекают внимание «Современная русская проза», «Образы и тропы поэзии», где представлены произведения современных авторов. В соответствии с доброй традици-

ей — публикацией материалов, посвященных литературным датам, в журнале опубликованы материалы, посвященные 70-летию подвига молодогвардейцев и 60-летию со дня кончины Сталина. Отрадно, что на страницах журнала представлен широкий спектр литераторов России и русского литературного зарубежья.

Все переданные Вами книги и выпуски журнала «Приокские зори» хранятся в фондах нашей научной библиотеки.

Алексей Афанасьевич, мы Вас поздравляем со славным юбилеем и желаем Вам здоровья и благополучия, творческих успехов и всего самого доброго!

С благодарностью:

Научный сотрудник отдела книжных фондов: Бочарова И. А.

Примечание от редакции «ПЗ»: В начале сентября 2013-го года редакция передала в музей-усадьбу Л. Н. Толстого полный комплект журнала «Приокские зори» за 2005—2013 гг.

* * *

Здравствуйте. Ваше обращение получено Отделом по работе с обращениям граждан в Центральный комитет Коммунистической Партии Российской Федерации и во фракцию КПРФ в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

Геннадий Зюганов

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Коллектив Тульской областной универсальной научной библиотеки сердечно поздравляет замечательного ученого и человека с юбилеем. В «Энциклопедии Европейской академии естественных наук», в других авторитетных справочных изданиях перечислены звания и достижения Алексея Афанасьевича: академик Академии медико-технических наук (АМТН), Петровской академии наук и искусств (ПАНИ), Международной академии наук (МАН) и др., Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, «двойной» профессор. А. А. Яшин автор более 900 научных работ, в том числе монографий и учебных пособий, изданных в Москве, Киеве, Туле, Харькове, Германии, 30 изобретений, среди его учеников — 10 докторов и 20 кандидатов наук.

Алексей Афанасьевич всероссийски известен своей литературной, публицистической и редакторской деятельностью, он — главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори».

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ: ПИСЬМА НАШИХ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ В «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»



Уважаемый главный редактор, «Приокских зорь»!

Я, Константин Петров-Отрок, начинающий писатель, прочитавший множество различной литературы, задался целью написать тоже нечто такое — сногшибательное... Набравшись духу, я написал целую кучу различных книг. Но ввиду моего дырявого кармана опубликовать их я не имел возможность. Это криминально-политические романы из цикла «Это было в Советском Союзе», фантастические и шпионские, а также серия рассказов об оборотнях в милицейских погонах и т.д.

Книги я печатаю на компьютере, переплетаю, вставляю подходящие комбинированные рисунки для иллюстраций и обложек. Готовые книги я дарю друзьям и всем желающим широко открыть глаза на окружающий их мир, и также, чтобы полюбить хорошее чтение. Будучи беспризорником, я исколесил вдоль и поперек всю нашу огромную страну. Кого я только не встречал, чего я только не видел и не слышал за годы скитаний. Так что впечатлений и воспоминаний хватит на сотни романов и рассказов таких, от которых люди плачут и смеются до слез.

Уважаемый главный редактор, сообщаю Вам по секрету — гонорар мне не нужен: мне вполне хватает моей пенсии.

Для начала нашего знакомства, а может быть, и сотрудничества я предлагаю Вам на рассмотрение вместе с предполагаемой обложкой — аннотацию — чуть ли не почти научно-фантастического романа о приключениях молодых парней в морях флибустьерских.

«АВАНТЮРИСТЫ ВО ВРЕМЕНИ»

Молодой человек, еще будучи незрелым юнцом, по сфабрикованному обвинению попадает в места не столь отдаленные. Потеряв надежду на освобождение, он изобретает машину времени. Совершает побег. После испытания «машины» он и его друзья отправляются в век семнадцатый, где занимаются экспроприацией у пиратов золота, которое было ранее экспроприировано ими у испанцев. Все это добро авантюристы переправляют в век нынешний. Благодаря машине времени они хотят создать в славянских странах ЗОЛОТОЙ ВЕК: тот самый утерянный РАЙ, о благоденствии которого люди давно мечтают, но не могут найти. А также помочь президентам этих государств избавиться от гнета коррупционеров и оборотней всех мастей. Эта приключенческая фантастика может зажечь в душе людей огонь потухшей мечты и...

Роман написан динамично и не выпустит из плена до конца чтения. (В романе описаны реальные события и встречи с людьми, весьма исторически знаменитыми).

До свидания, с большим уважением к Вам Константин Петров-Отрок.

P.S. Пожалуйста, если Вам понравилась аннотация «Авантюристы во времени» и Вы пожелаете ознакомиться с моими творческими изысканиями — пишите — я тут же по обыкновенной почте вышлю Вам художественно оформлено рукотворную книгу. Читайте и наслаждайтесь.

**Константин Петров-Отрок,
ПГТ Александровка Кировоградской области, Украина**

* * *

P.S. Месяц назад у меня появился сайт. Нельзя ли на странице моей публикации указать его адрес для потенциальных читателей?

Например: Наталья Квасникова, г. Москва, официальный сайт www.ostrovslov.ru.

* * *

...В актовом зале университета им. И. Канта Калининградский обком КПРФ проводил конкурс патриотической песни «Я кланяюсь тебе, солдат Отчизны», посвященном дню памяти первого дня Великой Отечественной войны. Конкурс был в первом отделении, а во втором — концерт художественной самодеятельности. Выступил и я, прочитав отрывок из поэмы, написанный уже здесь, после того, как мы с Вами виделись в последний раз в Туле. Отрывок как раз описывает начальный этап войны. Читал, наверное, минут семь. Слушали, затаив дыхание. Так, как мне потом аплодировали, не аплодировали никому, и не помню, когда я еще срывал такие аплодисменты. Первый секретарь горкома Татьяна Яковлевна Туманкина кричала: «Великолепно!» и была счастлива, когда я ей отдал отпечатанный на принтере текст прочитанного. Теперь она с ним не расстанется, а сегодня на собрании в райкоме сообщила, что

начала читать наш журнал и очень много нашла для себя интересного. Прорезался-таки интерес! Теперь ко мне стали относиться куда внимательнее, чем это было в Туле. Предложили с осени вести работу с молодыми людьми, пытающимися писать стихи. Я согласился. Будут все же двигать на работу с газетой. Когда — вопрос сакраментальный и риторический.

Прислал мне С. Крестьянкин такое электронное письмо:

«Здравствуй, Володя! Когда я ездил в Москву, то взял там газет разных. И в одной из них — «День литературы» (издается Союзом писателей России) — прочитал строчки о тебе и твоей поэме. Упоминался журнал «Приокские зори» и вот дословно: «...в разделе «Образы и тропы поэзии» — продолжение поэмы В. Резцова «Песня о Гришке Отрепьеве». Поэт прямо говорит о причинно-следственных связях, приведших к событиям в нашей стране, анализирует эти события. Поэма наполнена любовью к народу и России и написана хорошим языком».

Порадовался за наш журнал — в Москве знают. Газету оставил. Если хочешь — при встрече (когда окажешься в Туле) передам для архива. Пиши. До свидания. Сергей»

Владимир Резцов, Калининград

* * *

В редакцию «Приокских зорь»

Наконец, пришел второй номер «Приокских зорь». Журнал получился действительно масштабный, многожанровый, по-настоящему юбилейный. Еще раз присоединяюсь ко всем многочисленным поздравлениям, полученным Вами, как с наших просторов, так и из-за рубежа. Полностью прочитала Ваши четыре рассказа из цикла «Картинки с выставки», убедительно свидетельствующие о вашей уникальной наблюдательности при передаче бытовых деталей, характеров персонажей, владении различными литературными стилями, не говоря уже о социальной глубине и актуальности написанного. Прочитала, как всегда, насыщенную колонку главного редактора, где Вы приглашаете авторов принять участие в дискуссии «Не хватит ли сбрасывать Пушкина с корабля истории». К этой дискуссии я еще в январе направляла материал «Сон разума рождает чудовищ», в котором размышления и стихи, с эпиграфом из Вашей «Колонки главного редактора»: «*Сочинять и издавать посредственные книжки... значит, плевать в лицо высокому искусству литературы*».

Заинтересовала объемная документальная повесть Владимира Резцова с многочисленными фотографиями к 70-летию подвига молодого гвардейцев. Повесть, безусловно, «разбудит» память, и я во время «Уроков мужества», на которые приглашают в школы, обязательно этот материал использую. С интересом прочитала переводы стихов болгарской поэтессы Йорданки Господиновой. А я сделала переводы болгарской поэтессы Павлины Йосевой, подготовила книжку своих новых стихов и рассказов болгарского цикла и продолжаю сотрудничать с болгарскими изданиями, с которыми установились добрые отношения во время участия в фестивале. Уже в нескольких номерах опубликовали стихи, эссе, очерки. Начала знакомиться с присланной книгой стихов Сергея Лебедева и остальными материалами журнала.

Дорогой Алексей Афанасьевич, спасибо за мои публикации в этом номере, особенно за поэму «День Солнца длится больше века», которую в посольстве КНДР ждут еще с момента поездки на торжества по случаю столетия Ким Ир Сена в апреле 2012 г., где я стала лауреатом литературной премии его имени. На днях один экземпляр передам в посольство, хотя им надо два, так как все, что здесь издается о Северной Корее, отсылается еще в Комитет по общественным связям с границей в Пхеньян. К сожалению, так как у меня заказ только на 3 экземпляра для библиотек, придется «обидеть» одну из них, передав экземпляр в посольство. Вообще рубрика «Политические даты» получилась в юбилейном номере очень удачно. Стихи Алигер,

Тарковского и Высоцкого на смерть И. В. Сталина, заставили вспомнить во всех подробностях 5 марта 1953 г. — день смерти вождя. Я тогда училась во втором классе и в деталях помню траурную линейку в спортивном зале школы, где мы все от малышей до старшеклассников плакали в голос, а я, захлебываясь слезами, читала свои стихи, которые классная руководительница, заперев меня в классе перед линейкой, велела писать, подсказывая, какие слова должны быть обязательными. А еще весь класс рисовал портрет вождя. У меня до сих пор хранится альбом с рисунком и стихи со строками *«5 марта умер наш Сталин, // Друг и учитель детей. // Любимый отец нас навеки оставил. // Нет тяжелей этих дней. // Мы будем отлично учиться. // Стране и народу служить, // Чтоб мог нами Сталин любимый гордиться, // Ведь он будет вечно в сердцах наших жить»*. А мои родители ходили прощаться с вождем, и я хорошо помню их рассказы, неоднократно повторявшиеся.

Спасибо, что в журнале всегда присутствует историческая память, потому что писать следующие страницы в книге истории нельзя, не прочитав еще раз предыдущие.

Лето у меня получилось насыщенное интересными поездками и участием в ряде мероприятий. Несколько дней проходило празднование 120-летия со дня рождения Владимира Владимировича Маяковского. Новый директор музея Маяковского Надежда Морозова — человек очень энергичный, широко эрудированный, владеющий словом и аудиторией. С утра 19 июля организовала поездку на Новодевичье кладбище, затем в музее Чехова прошло открытие выставки рисунков поэта, а в музее Маяковского состоялись показ фильма «Барышня и хулиган» и чтение стихов, как поэта, так и ему посвященных. 20 июля было открытие мемориальной доски на станции Пушкино, где ряд лет Маяковский снимал дачи на Акуловой горе. На открытии и затем в местной картинной галерее тоже звучали стихи, и был показан студийный спектакль по произведениям поэта. Участники мероприятия получили специальный нагрудный знак с изображением Маяковского. Я читала стихи из своего цикла «Во весь голос».

К слову, дорогой Алексей Афанасьевич, этот цикл стихов и отрывки из двух поэм, посвященных Маяковскому, находятся у Вас в редакционном портфеле, вместе с поэмой Державину, которому Вы собирались посвятить третий номер журнала. Хотелось бы знать, найдут ли эти мои материалы место на страницах «Приокских зорь».

Личность и творчество Маяковского и сегодня оцениваются двояко. Так, после открытия мемориальной доски мы ходили возлагать цветы к новому памятнику Маяковскому, который в Пушкино открыт на средства местной церкви и отца Андрея, который очень много делает для возрождения культурной жизни в городе. И это в то время, как другой священнослужитель протоиерей Михаил Ардов на страницах печати предложил снять памятник Маяковскому на Триумфальной площади в Москве. Цитирую, так как *«отечества, которое пел самозабвенно самоубийца, более нет»*. Так что хулители никак не угомонятся.

Прошли конференции в Культурном представительстве Ирана, посвященные современной культуре страны, классикам персидской поэзии, имаму Хомейни, новым научным изданиям. Стала постоянным автором иранского журнала «Караван», который публикует мои научные, литературоведческие статьи, рецензии, стихи. Передала им статью «Восток в религиозных исканиях Льва Толстого». Редколлегия заинтересовалась буквально дословные высказывания имамы Хомейни и русского писателя. Приведу только одно, а их десятки. *«Человек — это чудо, которое может развиваться в божественное или дьявольское существо»*. *«Знания в злобном уме опасны»*. **Имам Хомейни.** *«В человеке есть божественное начало, которое он может уменьшить или увеличить в себе своей жизнью»*. *«Знания без нравственной основы ничего не значат»*. **Лев Толстой.** (А в Вашем редакционном портфеле, может быть, сохранилась другая, так и не напечатанная в «ПЗ» статья о Л. Н. Толстом, непаловеде Минаеве и непальской литературе, которой яснополянский старец весьма интересовался).

Участвовала также в Форуме «Молодежь за права человека», где среди почетных гостей было много правозащитников, а следовательно, немало интересных острых выступлений. Я в свое выступление вписала рассказ о разнообразных формах работы Тульской областной детской библиотеки совместно со следственным управлением УМВД РФ по правовому, социальному, нравственно-культурному просвещению детей и подростков, узнав об этом опыте из материалов департамента культуры.

Очень насыщенной была поездка по Курской и Белгородской областям в связи с 70-летием Курской битвы и победой Советской Армии в танковом сражении под Прохоровкой. Приняли участие в грандиозных мероприятиях на Прохоровом поле 12 июля, в которых участвовал и В. В. Путин. Приехали сотни людей из разных уголков страны, конечно, в основном ветераны, участники войны. Нас было три человека от ЛДПР — партийная делегация Высшего Совета. Я специально писала цикл стихов, посвященных Сталинградской и Курской битве и сражению на Прохоровом поле. Открывал мероприятие, проходившее возле мемориала Звонница, Николай Иванович Рыжков, который является председателем попечительского совета «Прохоровское поле», и личная библиотека которого стала началом фундаментальной библиотеки, входящей в культурно-исторический комплекс. Было много выступлений на торжественном митинге, молебен у Памятника Победы, огромная концертная программа, потрясающее воздушное шоу пилотажной группы «Русские витязи», огромная концертная программа с участием Академического ансамбля песни и пляски А. Александрова, Союза казаков, многочисленных народных коллективов. Закончилось все ночными фейерверками. В парке сделали реконструкции медсанбата, полевой кухни, сражений, выставку найденного в последние годы оружия, в том числе танков. Работало кафе «Блиндаж», в котором воссоздана обстановка военного времени и можно получить солдатский обед с фронтовыми граммами по реальной цене. Посетили братскую могилу в селе Беленихино, музей «Третье ратное поле России» и Храм Петра и Павла, на стенах которого выбиты сотни имен погибших на Прохоровом поле. Музей и Храм как символы единения Духовности и Гражданственности, Патриотизма и Веры, и трудно описать всю глубину чувств, что мы испытали в эти часы. Было много встреч и бесед с людьми в селах Ржавец, Беленихино, на хуторе Сторожевое, так как развозили по домам подарки от ЛДПР участникам войны. Местные жители рассказывали о своей жизни, о выпавших военных испытаниях. Были в Доме ветеранов, где тоже у людей столько душевной боли не за себя, не за свое одиночество, а за страну, и высказывались нелицеприятные вещи о нашем чиновничьем мире и истинном положении вещей, которое часто скрывается за потемкинскими деревнями. Правда, в Белгородской области хозяйство и деревни довольно крепкие, конечно, в основном за счет дотаций в связи с военно-историческим заповедником, да и народ работающий, в чем убедились, ночуя у частных хозяев. Один оказался уникальным русским мужиком пятидесяти лет. Создавал фермерские хозяйства, помощи не было от администрации, разорялся и снова заводил хозяйство. Вырыл пруд, разводит рыбу, создал у себя на участке музей под открытым небом сельскохозяйственной техники советского периода. Сильный русский богатырь, которого от земли не оторвешь. А как хлебосол. Пробыли у него целый день. Пригласил друзей, наготовил на целую роту ухи, картошки, овощей, сала. И так сочно рассказывал, как мог бы развернуться и сколько пользы принести, если бы не мешали.

А при этом у дочерей жизнь не сложилась, единственный внук — инвалид, да еще немой. Мечтает накопить денег для лечения мальчика в Германии. А зовут этого труженика Серега Авдеев (так велел себя называть). И узнав, что мы однофамильцы, он потребовал паспорт, а когда убедился, что это действительно так, повез в деревню Авдеевка, которую обустроили казаки два века назад, показал кладбище, где почти у всех фамилия одна, и даже нашли Петра Петровича Авдеева — полного тезку отца моего мужа, погибшего на фронте. Кстати, в Музее на Поклонной горе выбиты имена

пяти Авдеевых — Героев Советского Союза. После чего Серега стал звать моего мужа братуха и братан. Вот такая история, которая просится в рассказ.

А вернувшись из поездок, 6 августа участвовала в Международной конференции, посвященной Международному Дню дружбы, установленному ООН в апреле 2011 года. Были интересные, дискуссионные выступления политологов, социологов, историков, деятелей культуры, представителей различных религий. 8 июля закончился священный для мусульман месяц рамазан и отмечали его вместе с иранскими коллегами и диаспорой Афганистана, действительно в обстановке полного взаимопонимания.

Кроме того, провела три своих литературных встречи. (У меня в этом году осенью тоже Юбилей). В эти дни попросили быть ведущей первого районного этапа масштабного фестиваля «Песни прошлых лет», к которому специально писала тематические стихи, которые читала после каждого номера. Заканчиваю новый сборник студии, издание которого, как всегда, финансируется только обещаниями. Короче, дорогой Алексей Афанасьевич, покой нам только снится.

Еще раз благодарю Вас за теплое ко мне отношение, за публикации, и желаю Вам духовных сил, крепкого физического здоровья, новых творческих достижений, благополучия и непотопляемости «Приокским зорям».

С искренним уважением и почтением

Людмила Авдеева, Москва

* * *

В газетах «Тула» № 43 (1259) от 14.06.2013 и «Тульская правда» № 27 (753) от 12.07.2013 помещена информация о членах редколлегии «ПЗ» Людмиле Авдеевой, Сергее Прохорове, Сергее Лебедеве, Алексее Яшине (литературные награды, юбилей, творческие встречи).

* * *

Один из авторов «Приокских зорь» прислал нам информацию из Интернета, публикуемую ниже со всеми необходимыми ссылками.

ЧАПЛИН ПРИЗВАЛ РАЗРАБОТАТЬ МОДЕЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЭКОНОМИКИ ДЛЯ РОССИИ

12:20 11.08.2013



Всеволод Чаплин © KM.RU, Игорь Варнавский

Материалы по теме:

- Российская экономика официально скатилась в рецессию
- Две трети россиян поверили в скорую девальвацию рубля
- Медведев признал неконкурентоспособность российской экономики

Рано или поздно миру придется отказаться от экономики потребления и перейти к экономике достаточности, считает глава синодального отдела по взаимоотношению Церкви и общества отец Всеволод Чаплин. И когда это произойдет, Россия окажется

в наиболее выгодном положении, заявил он, отвечая на вопросы посетителей сайта информационного отдела РПЦ.

По его словам, сейчас многие исследователи с презрением говорят о православных народах как экономических неудачниках: «дескать, атеисты — самые успешные, протестанты — чуть менее, католики и того меньше, а православные самые бедные и несчастные».

Между тем одни из первейших свойств православной цивилизации — самоограничение и умение довольствоваться разумным количеством земных благ — станут самыми важными после неизбежного краха идеи вечного роста и безграничного потребления, считает он.

«Думается, что за таким подходом будущее. И нам сегодня нужно изложить его в категориях экономической науки и построения экономической системы. Уверен: очень скоро, а возможно уже сейчас, нас услышат», — сказал отец Всеволод.

Тем временем, согласно данным банка HSBC, который, как считается, разработал одни из самых точных индикаторов развития общей конъюнктуры рынка, российская экономика переживает спад. Об этом свидетельствует индекс деловой активности PMI, составленный на основе опроса 300 сотрудников отечественных промышленных компаний. К началу августа этот показатель опустился ниже 50 баллов, что, как показывает практика, означает наступление кризиса через два-три месяца.

Темы: Россия, Православная церковь в России, Экономическая ситуация в мире, Экономическая ситуация в России, Экономический анализ и прогнозы

Читать полностью: <http://www.km.ru/economics/2013/08/11/ekonomicheskaya-situatsiya-vrossii/718122-chaplin-prizval-razrabotat-model-pra#.UgfGw0sxiGo.facebook>

<http://www.km.ru/economics/2013/08/11/ekonomicheskaya-situatsiya-v-rossii/718122-chaplin-prizvalrazrabotat-model-pra#.UgfGw0sxiGo.facebook>

НОВЫЕ ЧЛЕНЫ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Член редколлегии «Приокских зорь», президент Академии российской литературы Леонид Васильевич Ханбеков передал в редакцию «ПЗ» фотографии новых членов Академии (фото Сергея Овчарова).



Поэт Борис Рябухин



Поэтесса Альбина Толчинская



Прозаик Евгений Скоблов



Поэт Борис Катковский

По рекомендации Леонида Васильевича мы перепечатаем из газеты «Слово» № 27-28 (840-841) от 19.07-22.08.2013 статью Виктора Кашкина.

ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ ВМЕСТО РЕПОРТАЖА

Уже стало доброй традицией в Творческом клубе «Московский Парнас» и Академии российской литературы поддерживать друг друга всеми силами. Скажем, можно было бы подождать удобного случая и собраться на часок-другой по чисто «академическим» делам. Чем не повод для заседания правления ситуация с подготовкой очередных томов Антологии современной литературы? Гигантское же дело затеяно, пригляд да пригляд за ним нужен. А ведь академия — общественная! Никто ее не кормит, не поит.

Тираж выдать на-гора — дело немудреное. А вот разослать его по заинтересованным лицам и организациям и хлопотно, и недешево. Тут без убежденности в необходимости служения будущим поколениям и сбережения культуры русского Слова не обойтись!

А прием в академию новых членов? Это, как ни суди, всегда праздник. Не принято праздники соединять с другими делами и заботами. Ан у «Московского Парнаса» и тут свои подходы. Разве помешает новым членам академии увидеть своих товарищей «по оружию», пусть и более молодых, не снискавших еще заметных творческих лавров и не наживших солидного литературного опыта, а молодым тем более полезно познакомиться и подружиться со старшими товарищами по цеху.

Потому было очень теплым и торжественным вручение удостоверений членов академии драматургу и поэту Владимиру Федорову и писателю и журналисту Виктору Кологриву (Смирнову).

В кратком вступительном слове президент академий критик и литературовед Леонид Ханбеков был немногословен. Поздравляя новых членов академии, он, не мудрствуя лукаво, сказал, что надеется, что Владимир Федоров укрепит коллегия драма-

тургии, а Виктор Кологрив, вполне может стать, возглавит коллегию детской и юношеской литературы.

И Владимир Федоров, и Виктор Кологрив тепло поблагодарили за внимание к их работе в литературе. Как рассказал В. Федоров, одним из первых, кто разглядел его талант и поддержал молодого автора, был не кто иной, как Л. В. Ханбеков.

* * *

Обсуждение свежего выпуска «Московского Парнаса» было горячим и заинтересованным. Выступивший в прениях первым поэт и публицист Иван Тимченко назвал № 4 удачным. Таким, по его мнению, сделали альманах проза и поэзия. Они представлены разнотемно, и разнотильно. Нисколько не противореча, а лишь дополняя друг друга, встали на страницы традиционно глубоко реалистичный и автобиографичный Александр Остапов с очерком «Покаяние»; трогательно мягкая «со слезинкой в строке» Нина Осмоловская (рассказы «Снежная королева» и «Точка отсчета»); простодушно житейские зарисовки Сергея Овчарова («Раки» и «Старый охотник»); неожиданно остроактуальная повесть в этюдах Таисии Кучерюк («Сегодня я — твоя жена»).

Публицистически заостренная лирика Геннадия Дулепова, Наталии Квасниковой; пейзажные и философские этюды Ольги Левицкой, Сергея Селезнева, философски отстраненная, как бы уже прощальная, исповедь Евгения Антошкина; озорная пародийность переключек с классиками Натальи Бурмистровой привлекли внимание многих из тех, кто участвовал в работе.

Петр Гулледава, Елена Сапрыкина, Сергей Коротков, Ирина Лесная (Иванова), Любовь Сидорова к несомненной удаче выпуска отнесли его высокую информационную нагрузку — то, что редко позволяют себе другие журналы и альманахи. Как правило, они строго ограничиваются «географией» своего издания. А у «Московского Парнаса» в номерах алтайские и тульские, краснодарские и новосибирские, польские и болгарские, немецкие и украинские авторы.

Когда главный редактор вскользь коснулся общей ситуации с литературными изданиями в стране, большей частью оказавшимися без какой-либо государственной поддержки, а иные — полностью зависящими от так называемых общественных фондов, финансируемых из-за рубежа, кто-то из молодых членов Творческого клуба наивно спросил:

— И как же, Леонид Васильевич, вам удалось выстоять? Ведь в «Московском Парнасе» нет и единой страницы рекламы?

— Мы избрали другой путь,— ответил Л. В. Ханбеков,— от читателя к читателю, от сердца к сердцу. И этот свежий альманах,— продолжил он,— о котором мы сегодня размышляем, убедительный пример нашей творческой методы. Скажем, приехали как-то в наш клуб два Владимира, поэты Зайцев и Шапцев из Раменского, побывали на встрече парнасовцев в Некрасовской библиотеке (мы тогда подробно анализировали № 3) и решили, что их ЛИТО «Раменские зори», выпускающее собственный одноименный альманах, нуждается в пригляде более опытных столичных литераторов. Почему бы не заключить творческое соглашение? Почему бы не бывать друг у друга в гостях? И вот в номере — коллективное выступление раменцев. Едва ли не два десятка авторов. Мы представили их своим читателям сразу. Теперь готовим бригаду для поездки в Раменское. Литература — дело живое. Как цветок, она требует поливки.

Потому и живы.

Виктор Кашкин



ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Компьютерный набор: авторы, Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для детей старше 16 лет.

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 01.12.2013
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 250 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300012, г. Тула, проспект Ленина, 92

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посылить помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

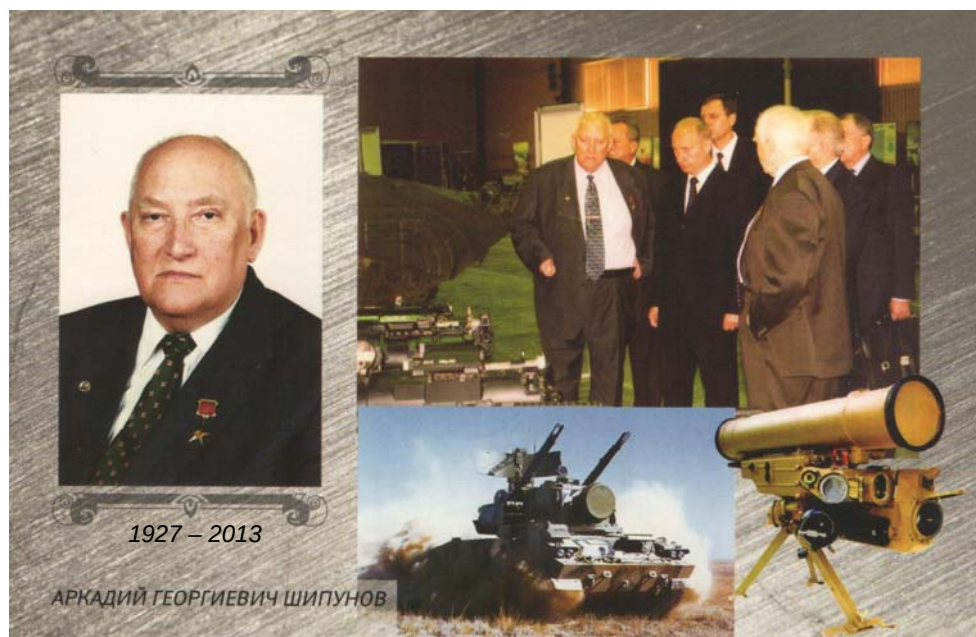
Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Ctr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала.

С признательностью — редколлегия журнала

**ЗНАМЕНИТЫЕ ТУЛЬСКИЕ ОРУЖЕЙНИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XX — НАЧАЛА XXI ВВ., ТРУДИВШИЕСЯ В ОРДЕНА ЛЕНИНА,
ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАС-
НОГО ЗНАМЕНИ КОНСТРУКТОРСКОМ БЮРО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ**



**ЗНАМЕНИТЫЕ ТУЛЬСКИЕ ОРУЖЕЙНИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XX — НАЧАЛА XXI ВВ., ТРУДИВШИЕСЯ В ОРДЕНА ЛЕНИНА,
ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАС-
НОГО ЗНАМЕНИ КОНСТРУКТОРСКОМ БЮРО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ**



(Открытки-коллажи публикуются с разрешения © Издательство «Свамия»: комплект открыток «Тула — город оружейников»; авторы: В. Н. Кузнецов, Е. А. Петрова, Ирина Александрина, Виктор Сумароков, А. Михайлов)